

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 4 (24)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 4 (24)

Published since 2008

Quarterly

**Moscow
2016**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,

почетный работник общего образования Российской Федерации

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Алмазова Н.И.

доктор педагогических наук, профессор

Афанасьева О.В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И.А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И.А.

доктор филологических наук, доцент

Вострикова О.В.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбух Е.Ю.

доктор филологических наук, профессор

Джанумов С.А.

доктор филологических наук, профессор

Курдюмов В.А.

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И.И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Поршнева Е.Г.

доктор педагогических наук, профессор

Радченко О.А.

доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)

Романова Г.И.

доктор филологических наук, доцент

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О.А.

доктор филологических наук, профессор

Тарева Е.Г.

доктор педагогических наук, профессор

Федянина В.А.

ответственный секретарь

кандидат исторических наук, доцент

Чупрына О.Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н.В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е.С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Чернец Л.В.</i> Тип персонажа и его эволюция	8
<i>Строганов М.В.</i> Два фельетониста: Салтыков и Слепцов (часть 2).	17
<i>Быстрова О.В.</i> Открытое письмо М. Горького С.М. Буденному: к истории вопроса	25
<i>Макарова С.А.</i> Словораздел в контексте метро-ритмических инноваций русских символистов	34
<i>Воробьева С.Ю., Воронов Е.И.</i> Демифологизация литературной среды в романе Е. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов”».	41
<i>Коструб Е.В.</i> Архетипический сюжет о Давиде и Голиафе в романах Джона Гришема	51

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Чупрына О.Г.</i> Дискурсивные особенности английского средневекового медицинского трактата.	57
<i>Фадеева Л.В.</i> Апозиопеза как стилистическое средство редукции синтаксической структуры предложения в современном немецком языке	67

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Фомин А.Г., Телегуз А.А.</i> Структурный анализ терминопольей аэрологии и вентиляции в английском и русском языках	76
<i>Горохова Н.В.</i> Номенклатурные единицы в терминологии трубопроводного транспорта	84

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Герасимова С.А.</i> Архитектоника индивидуально ориентированного учебника иностранного языка	95
--	----

Слово молодым ученым

- Загорюлькина Ю.В.* Об одной конфликтной ситуации — сквозь призму мифа (дядя и племянник в драматургии А.Н. Островского) . . . 104
- Стрельникова О.Ф.* Метафора семьи как компонент политической риторики 112
- Шевченко Н.Л.* Способы выражения пейоративной и нейтральной оценки в рецензиях музыкальных критиков 117

Критика. Рецензии. Библиография

- Смирнова А.И.* Рецензия на сборник научных статей «Грани культуры Серебряного века» (Вильнюс: Изд-во Литовского эдукологического ун-та, 2015. 252 с.) 123
- Райкова И.Н.* Рецензия на монографию С.А. Джанумова «Народные песни и малые жанры фольклора в творчестве А.С. Пушкина (литературно-критические статьи и заметки, художественная и автобиографическая проза, письма)» (М.: МГПУ, 2015. 296 с.) 126

Научная жизнь

- Черкашина Е.И.* Международная конференция «Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков» (Москва, 17–19 марта 2016 г.) 128
- Богданова Л.И.* Русская литература в Китае: Международная научная конференция «Русская литература и искусство: междисциплинарные подходы» (Китай, г. Ханчжоу, Чжэцзянский университет, 15–18 апреля 2016 г.) 133
- Громова А.В.* Межрегиональная научная конференция «Неклассические модели мира в русской литературе» (МГПУ, 1–2 апреля 2016 г.) 137

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2016, № 4 (24) 140

Требования к оформлению статей 146

CONTENTS

Literary Science

- Chernets L.V.* The Personage Type and Its Evolution 8
- Stroganov M.V.* Two Feuilletonists: Saltykov and Sleptsov (Part 2) 17
- Bystrova O.V.* M. Gorky's Open Letter to S. Budyonny:
on the Story of the Issue 25
- Makarova S.A.* The Word Boundary in the Context
of Russian Symbolists' Metro-Rhythmic Innovations. 34
- Vorobyeva S.Yu., Voronov E.I.* Demythologization
of Literary Environment in E. Popov's Novel
«The True Story of "The Green Musicians"» 41
- Kostrub E.V.* David and Goliath Archetype
in John Grisham's Novels 51

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Chupryna O.G.* Discourse Features of English Medieval Medical Text . . . 57
- Fadeeva L.V.* Aposiopesis as a Stylistic Means of Sentence Structure
Reduction in Modern German 67

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Fomin A.G., Teleguz A.A.* Structural Analysis of Aerology
and Ventilation Term Fields in Russian and English 76
- Gorokhova N.V.* Nomens in the Pipeline Transport Terminology 84

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Gerasimova S.A.* Architectonics of Individually Oriented
Coursebooks of Foreign Language 95

Young Scientists' Platform

- Zagorulkina Yu. V.* On a Conflict Situation through the Lens of Myth (the Uncle and the Nephew in A.N. Ostrovsky's Plays) 104
- Strelnikova O.F.* The Family Metaphor as a Component of Political Rhetoric. 112
- Shevchenko N.L.* Ways of Positive and Negative Evaluation Expression in Musical Critics' Reviews. 117

Criticism. Reviews. Bibliography

- Smirnova A.I.* Review of the Collection of Research Papers: Cultural Planes of Silver Age: Collected Scientific Works. (Vilnius: Publishing House of Lithuanian University of Educational Sciences, 2015. 252 p.) 123
- Rajkova I.N.* Review of the Monograph by S.A. Dzhanumov «Folk Songs and Small Genres of Lore in A. Pushkin's Writings (Literary Critical Papers and Sketches, Fiction and Autobiographical Prose, Letters)» (M.: MCU, 2015, 296 p.) 126

Scholarly Events

- Cherkashina E.I.* International Conference «Pedagogical Discourse: New Strategies of Training Foreign Language Teachers» (Moscow, March 17–19, 2016) 128
- Bogdanova L.I.* Russian Literature in China: International Scientific Conference «Russian Literature and Arts: Interdisciplinary Approaches» (China, Hangzhou, Zhejiang University, April 15–18, 2016) 133
- Gromova A.V.* Interregional Scientific Conference «Non-classical Models of the World in Russian Literature» (MCU, April 1–2, 2016) 137

Authors of «MCU Vestnik», series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2016, № 4 (24). 140

Style Sheet. 146

Л.В. Чернец

Тип персонажа и его эволюция

Автор подчеркивает различие между понятиями *типизация* и *типология* применительно к литературным персонажам, а также важность изучения эволюции типа персонажа, в частности на основании изменений в комбинации сюжетных мотивов.

Ключевые слова: тип персонажа; образ; характер; сюжет; комбинация мотивов.

Под персонажем понимается любой субъект действия, высказывания, переживания, входящий в созданный автором художественный мир. Синонимом персонажа в современном отечественном литературоведении обычно являются *герой (героиня)*, *действующее лицо*, хотя необходимы оговорки: вследствие коннотаций, которые продолжает сохранять слово *герой*, в ряде исследований предлагается относить к героям лишь главных лиц в мире произведения [16: с. 43–45]; о *действующих лицах (актерах и актантах)* предпочитают писать, когда в структуралистском ключе анализируют сказку, героический эпос и другие старинные сюжетные жанры. Все же в большинстве терминологических словарей и вузовских учебников персонаж, герой, действующее лицо представлены как очень близкие по значению понятия, обычно как синонимы [15: с. 22–29; 6: с. 216–224].

Персонаж занимает центральное место в сетке понятий, из которых наряду с ним особенно важны три: *образ, характер, тип*. Применительно к одному и тому же персонажу (*объекту*) образ и характер указывают на разный *предмет* изучения: в первом случае имеется в виду эстетическое качество изображения, система используемых приемов; во втором — воплощаемые, типизируемые психологические, нравственные, идеологические черты, составляющие неповторимый сплав. Одно с другим, как известно, не всегда сочетается, что многократно отмечали читатели и критики. Например, Л.Н. Толстой в «Доходном месте» А.Н. Островского выделил (в письме драматургу от 29? января 1857 г.) «безукоризненное лицо Юсова» [2: с. 464], о романе И.С. Тургенева «Накануне» отозвался скупом (письмо к А.А. Фету от 23 февраля

1860 г.): «отрицательные лица превосходные — художник и отец» [2: с. 543]. Но не упомянул ни о Жадове, ни об Инсарове. А Тургенев даже обиделся на К.К. Случевского (письмо к нему от 14 (26) апреля 1862 г.), восхищавшегося образом Кукшиной в «Отцах и детях»: «Господи! Кукшина, эта карикатура, по-Вашему, *удачнее* всех! На это и отвечать нельзя» [3: с. 58].

В зависимости от способов, приемов изображения в галерее персонажей выделяют, наряду с человеческими, образы животных, вещей, растений, природных стихий; к особым приемам поэтики относят внесценических, заимствованных, фантомных и других лиц. Выбор писателем тех или иных приемов, стиля изображения в целом, так или иначе, мотивирован воплощаемым характером.

Наибольшие споры в литературоведении вызывает понятие типа персонажа [15: с. 29–34; 14: с. 81–82]. На наш взгляд, его следует рассматривать в связке с понятием *типология*. В отличие от *типизации* — творческого процесса, приводящего к созданию типического образа, уникального и в то же время заключающего в себе некое обобщение, под *типологией* следует понимать «естественную классификацию» объектов [11: с. 36], которыми в данном случае выступают родственные по своей сути, по доминанте поведения персонажи, каждый из которых имеет свой *индивидуальный характер*.

При типологическом подходе к персонажам литературы последних столетий, в особенности классической, очень важно подчеркнуть уникальность каждого героя, являющего собой в то же время своеобразную вариацию типа. Знаком признания типа обычно служит закрепившаяся в литературном процессе его *номинация*, как-то: *благородный разбойник, маленький человек, лишний человек, самодур, подпольный человек, помпадур, человек в футляре, кающийся дворянин; куколка, кисейная девушка, синий чулок, нигилистка, стриженная и др.* При этом персонажи, относимые к одному типу, во многом различны (вспомним Макара Девушкина, читающего «Шинель»). Даже собственное имя героя, получившее нарицательное значение и используемое новым автором как *говорящее*, не означает повторения: многоликий Молчалин под пером М.Е. Салтыкова-Щедрина и похож и не похож на грибоедовского героя, то же самое можно сказать о главных лицах «Мертвых душ», воскрешенных М.А. Булгаковым. Тип персонажа не статичен, он движется, отвечая на вызовы нового времени, отражая его краски. Используя структуралистскую терминологию, можно считать тип персонажа (в пределах определенного периода или более продолжительного времени) *инвариантом*, узнаваемым во многих вариациях [14: с. 80].

В пользу намеченного выше понимания типа персонажа свидетельствуют многие суждения классиков, приверженных к определенному герою, всматривающихся в литературную новь с надеждой увидеть зарождение типов. Так, Ф.М. Достоевский очень дорожил выношенным им типом «двойника», и писателя не охладила строгость критических мэтров к его повести. «Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности,

который я первый открыл и которого я был провозвестником?» — писал он М.М. Достоевскому 1 октября 1859 г. [1: с. 340]. Важнейший критерий оценки произведений для Достоевского — открытие автором зарождающегося типа. Так, он сурово (вероятно, слишком сурово) судит о романе «Тысяча душ» А.Ф. Писемского. Он пишет брату (31 мая 1858 г.): «Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? Это только посредственность, и хотя золотая, но все-таки только посредственность. Есть ли хоть один новый характер, *созданный*, никогда не являвшийся? Все это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это все старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам» [1: с. 312].

Если в художественном воплощении характеров, знаменующих рождение нового типа, прерогатива принадлежит, как правило, классикам, то функцию его закрепления, проверки на прочность выполняют другие ряды, выделяемые в литературной иерархии. Поэтому при построении типологии персонажей полезно привлечь «не только классические произведения, но и беллетристику, а также массовую литературу. Сохраняя некоторые устойчивые черты, позволяющие его идентифицировать, тип персонажа эволюционирует в литературном процессе, обрастая, с одной стороны, новыми смыслами; с другой стороны, он нередко теряет былую актуальность, упрощается и становится стереотипом, мишенью для пародии» [9: с. 3–4].

Тип персонажа — понятие, позволяющее сблизить многочисленных литературных героев, часто перешагивая при этом через границы национальных литератур, нередко и через рубежи периодов, выделяемых при изучении литературного процесса (продолжительность жизни типа может быть очень разной: есть и «долгожители», и «однодневки»).

В психологии неоднократно рассматривалась роль бытующих представлений о типах личностей в установлении контактов между людьми. Считается, что ведущую роль в восприятии любой информации выполняют «схемы-предвосхищения», связывающие прошлый опыт с настоящим [10: с. 290–293]. При восприятии *лиц* основной вектор — от схемы целого к отдельным чертам, а не наоборот. «Попытки повысить качество опознания, научив людей “считать” лица, исходя из анализа отдельных черт, терпят фиаско» [10: с. 323].

Между наблюдениями психологов за общением людей в жизни и общением читателя с литературным персонажем правомерна аналогия: при чтении художественного произведения схемы целого также организуют процесс восприятия. И можно сказать, что функцию предвосхищающей схемы при встрече читателя с новыми для него героями выполняют известные ему типы персонажей. Л.Я. Гинзбург сближает житейскую практику с процессом восприятия персонажа: «Вступая в контакт с незнакомцем, мы мгновенно, так сказать, предварительно, относим его к тому или иному социальному, психологическому, бытовому разряду. Это условие общения человека с человеком. И это условие общения читателя с персонажем» [8: с. 15].

Аналогия, конечно, не претендует на тождество: литературный герой создан писателем, это «единство, не сводимое к частному, единичному случаю (каким может быть человек, скажем, в хроникальном повествовании), единство, обладающее расширяющимся, символическим значением, способное поэтому представлять идею» [8: с. 5]. Кроме того, автор может предложить своему адресату неточный «индекс», ведь «иногда эстетически актуальны именно неполное понимание, загадки, разрешаемые в дальнейшем» [8: с. 16]. (Впрочем, такое нередко можно наблюдать и в реальной жизни.) В любом случае роль первоначальной диагностики персонажа (верной или неверной), отнесения его к тому или иному типу трудно переоценить.

Следующий в процессе чтения этап восприятия персонажа — уяснение его *индивидуального характера*: ведь и Онегин, и Печорин — «страдающие эгоисты», по меткому определению Белинского, но их *характеры* глубоко различны. О несводимости характеров, созданных писателем, к типам персонажей красноречиво свидетельствует статистика. Так, по подсчетам Е.Г. Холодова, в 47 оригинальных и написанных без соавторов пьесах А.Н. Островского выведены «семьсот двадцать восемь действующих лиц», причем в это число не входят «участники массовых сцен» и внесценические лица [13: с. 3–4]. Но типы, представленные в этих персонажах, сравнительно немногочисленны (в «органическом» творчестве, как полагал А.А. Григорьев, иначе и быть не может). Однако однотипные персонажи Островского и в наше время радуют читателей и зрителей своим индивидуальным своеобразием. Самобытный талант великого драматурга проявлялся в индивидуализации его героев как бы «вопреки» его стремлению к широким обобщениям, проявившемуся, в частности, в почти полном отсутствии антропонимов в персонажных заглавиях пьес: «Бедная невеста», «Горячее сердце», «Сердце не камень», «Богатые невесты», «Красавец мужчина», «Бесприданница». Какое разнообразие «самодуров», «деловых людей», «горячих сердец» и других типов представлено в его колоритных пьесах, занимающих до сих пор львиную долю репертуара русских драматических театров!

Актуальность разграничения понятий *образ/характер/тип персонажа* особенно очевидна при обращении к жанрам «романизированным» (по терминологии М.М. Бахтина), где важнейшей становится «тема неадекватности герою его судьбы и его положения», где человек «не может стать весь и до конца чиновником, помещиком, купцом, женихом, ревнивцем, отцом и т. п.» [5: с. 479]. Изображение личности, ее противоречий достигает в новой литературе иногда столь полной иллюзии, что даже порождает мотив превосходства книжного человека над живым (пьеса «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло, рассказ «Чужая тема» С.Д. Кржижановского и др.). Тем сложнее и одновременно важнее становится задача выявления *тенденций* в развитии художественной характерологии, изменений в типологии персонажей, совсем не стоящей на месте.

Многочисленность вариаций определенного литературного типа в тот или иной период свидетельствует о его культурной, общественной значимости. Но одновременно появление новых и новых вариаций, воспринимаемых сквозь призму претекстов, «схем-предвосхищений», позволяет проследить развитие типа, его усложнение, перерождение, переход в клише, наконец, погружение в Лету, воскрешение... Под напором новых характеров модифицируется сама предвосхищающая схема, т. е. меняется сам тип персонажа.

Одним из показателей эволюции типа служат изменения в «комбинации мотивов», как определил А.Н. Веселовский сюжет произведения; под мотивом он понимал «простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [7: с. 305]. Как верно отметил И. Силантьев, в этом определении мотива очень важно слово «образно» [12: с. 22]: именно с *эстетической* точки зрения мотив не подлежит расчленению (которому впоследствии его подвергнул В.Я. Пропп в «Морфологии сказки»). Веселовский же заметил, что в современном ему романе (за исключением «авантюрного») «центр не в фабуле, но в типах» [7: с. 306]. Конечно, в его исторической поэтике основное внимание уделено мифу, архаическому эпосу, волшебной сказке: сюжет дробится на мотивы, они повторяются, образуя то простые, то прихотливые комбинации в фольклоре разных народов. Расчленив сюжет на мотивы, ученый доказывал возможность самозарождения и повторяемости мотивов «при сходстве или единстве *бытовых* и *психологических условий* на первых стадиях человеческого развития...» [7: с. 305]. Так он преодолел крайности теории миграции сюжетов, выдвинутой Т. Бенфеем.

Но можно рассматривать комбинации сюжетных мотивов и в другом аспекте, а именно в их функции обнаружения изменений в характерах однотипных персонажей.

Эта функция очевидна при анализе эволюционирующего типа персонажа, который появляется в литературе сравнительно поздно. Его еще нет в греческом романе, где характеры героя и героини остаются равными себе, неизменными, хотя влюбленные проходят сквозь множество приключений. Герой «сохраняет себя и выносит <...> из всех превратностей судьбы и случая неизменное свое абсолютное тождество с самим собой» [5: с. 256]. Поэтому для понимания характеров не так уж важно, какая именно цепочка событий составляет сюжет того или иного романа (например, «Эфиопики» Гелиодора или «Повести о Хэрее и Каллирое» Харитона), «молот событий ничего не дробит и ничего не кует, — он только испытывает прочность уже готового продукта» [5: с. 257].

Совсем иная картина открывается при сопоставлении произведений, где в фокусе внимания автора — не приключения как таковые, но родственные характеры, определенный тип персонажа: здесь пропуски или, наоборот, вставки тех или иных звеньев сходного сюжета обычно сигнализируют о различиях авторских концепций.

Этапным событием в отечественном литературоведении явился выход из печати «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» (см.: [17]), где даны перечни произведений, развивающих сходную сюжетную схему или содержащих сходный сюжетогенный мотив. По верному замечанию Е.К. Ромодановской, «мотив, соотнесенный с сюжетом, в корне отличается от мотива в лирической поэзии, а через нее — и в поздней прозе» [17: вып. 1, с. 7]. Создан внушительный фактографический фундамент для разных по своей цели сопоставлений. Как видно из пояснительных статей, составителей более всего интересовали вопросы генезиса сюжетных мотивов, их мифологическая колыбель, долгая жизнь мифов в литературе (выделены, в частности, сюжеты и мотивы библейские, апокрифические, мифологические, календарные, сюжеты о богах и героях и др.).

Структура словаря в целом отчетливо демонстрирует нерасторжимую связь персонажа и сюжета (так сказать, субъекта и предиката). Однако *эволюция* литературных типов, к сожалению, не стала (по крайней мере, во многих случаях) предметом специальной рефлексии в преамбулах к названным перечням, хотя включенные в них произведения, казалось бы, настраивают именно на это. Так, длинному списку русских сочинений разных жанров о Дон Жуане предшествует общая характеристика типа персонажа, в которой учитываются и западноевропейские источники: «Севильский озорник, или Каменный гость» (1616–1628?) Тирсо де Молина, «Дон Жуан, или Каменный гость» (1665) Ж.-Б. Мольера, «Дон Жуан» (1819–1823) Дж.Г. Байрона и др. Тексты, написанные в разное время, названы «вариантами», которые объединяет скрытый «обобщенный сюжет о договоре человека с дьяволом», а также «очень древний и распространенный сюжет об ожившей статуе». Дано также определение типа героя: это «обольститель, непревзойденный в своей смелости, красоте и щедрости гедонист, насмешник, поэт и бунтарь» [17: вып. 2, с. 45–46].

Это описание типа Дон Жуана, в отличие от названных сюжетогенных мотивов и их истоков, вызывает неудовлетворенность: ведь перечень произведений как бы приглашает проследить *различия* в характерах одноименных героев. Предложенное же определение типа Дон Жуана — своего рода клише, бытующее в массовом сознании.

Сюжетно наиболее близки друг к другу пьесы Тирсо де Молина, Мольера и «Каменный гость» А.С. Пушкина. Но и между ними немало различий: не тождественны мотивы, складывающиеся в сюжет, что отражает эволюцию типа, а именно ослабевающую связь героя с мифом, с inferнальным миром. В «Каменном госте» мотивы договора с дьяволом и ожившей статуи воспринимаются обычно как дань архаике или даже как художественная условность. В пушкинской *трагедии* (а не *комедии*, каковой является пьеса Мольера) характер Дон Гуана *героизирован*. Исключены смешные эпизоды с двумя крестьянками, где мольеровский герой вдохновенно играет роль обольстителя, а также сцены, где он учтиво выпроваживает кредитора и лицемерно

уверяет в своем раскаянии отца (маска притворной набожности неожиданно сближает Дон Жуана с Тартюфом, образ которого был создан драматургом годом ранее). Хотя пушкинский Дон Гуан признается: «На совести усталой много зла...», его отношение к Инезе, Лауре и Доне Анне согрето благодарной памятью или жаром искренней любви.

Пушкинское переосмысление типа связано и с введением в пьесу темы Фауста. «В судьбу Дон Гуана, — отмечает В.Е. Багно, — Рок вторгается именно в ту минуту, когда он, в сущности, говорит “остановись, мгновенье, ты прекрасно”, когда он наконец-то обретает гармонию и полноту счастья, но изменяет донжуановскому принципу — вечное движение» [4: с. 238]. Трагический финал пушкинского шедевра резко контрастирует с последней в пьесе Мольера комичной репликой Сганареля — его сетованием по поводу жалованья, которое он, увы, так и не получит.

Займствование персонажей, при сохранении их имени и сюжетной схемы, — в особенности благодарный и наглядный материал для воссоздания истории литературных типов. Развитию, переосмыслению типа сопутствуют изменения в сюжете — «комбинации мотивов». Анализ этих изменений и их причин — проторенный и надежный путь, ведущий к построению движущейся типологии персонажей.

Библиографический список

Источники

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. 552 с.
2. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. Т. XVII–XVIII. М.: Худ. лит., 1984. 911 с.
3. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1988. Т. 5. 640 с.

Литература

4. *Багно В.Е.* Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006. 477 с.
5. Бахтин М.М. Эпос и роман // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 447–483.
6. Введение в литературоведение / под ред. Л.В.Чернец. М.: Академия, 2012. 720 с.
7. *Веселовский А.Н.* Мотив и сюжет // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 304–306.
8. *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 222 с.
9. *Данилова Е.А.* Типологическое изучение персонажей (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08: защищена 10.03.16; МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2016. 21 с.
10. *Нуркова В.В., Березанская В.В.* Психология. М.: Юрайт, 2009. 575 с.
11. *Субботин А.Л.* Классификация // Энциклопедический словарь по эпистемологии / под ред. И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2011. С. 136–137.
12. *Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 206 с.

13. Холодов Е.Г. Драматург на все времена. М.: ВТО, 1975. 424 с.
14. Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos (электронный журнал). 2016. № 1. С. 80–90.
15. Чернец Л.В. Персонажная сфера литературных произведений: понятия и термины // Художественная антропология: Теоретические и историко-литературные аспекты: материалы Междунар. науч. конф. «Поспеловские чтения» – 2009 / под ред. М.Л. Ремневой, О.А. Клинга, А.Я. Эсалнек. М.: Макс Пресс, 2011. С. 22–35.

Справочные и информационные издания

16. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008. С. 43–45.
17. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006–2009. Вып. 1. 243 с.; Вып. 2. 245 с.; Вып. 3. Ч. 1. 511 с.; Ч. 2. 521 с.

References

Istochniki

1. *Dostoevskij F.M.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. T. 28. Kn. 1. L.: Nauka, 1985. 552 s.
2. *Tolstoj L.N.* Sobr. soch.: v 22 t. T. XVII–XVIII. M.: Xud. lit., 1984. 911 s.
3. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. M.: Nauka, 1988. T. 5. 640 s.

Literatura

4. *Bagno V.E.* Rossiya i Ispaniya: obshhaya granicza. SPb.: Nauka, 2006. 477 s.
5. *Baxtin M.M.* E'pos i roman // Baxtin M.M. Voprosy' literatury' i e'stetiki. M.: Xud. lit., 1975. S. 447–483.
6. Vvedenie v literaturovedenie / pod red. L.V. Chernecz. M.: Akademiya, 2012. 720 s.
7. *Veselovskij A.N.* Motiv i syuzhet // Veselovskij A.N.. Istoricheskaya poe'tika. M.: Vy'ssh. shk., 1989. S. 304–306.
8. *Ginzburg L.Ya.* O literaturnom geroe. L.: Sovetskij pisatel', 1979. 222 s.
9. *Danilova E.A.* Tipologicheskoe izuchenie personazhej (na materiale russkoj literatury' XVIII–XIX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08: zashhishhena 10.03.16; MGU im. M.V. Lomonosova. M., 2016. 21 s.
10. *Nurkova V.V., Berezanskaya V.V.* Psixologiya. M.: Yurajt, 2009. 575 s.
11. *Subbotin A.L.* Klassifikaciya // E'nciklopedicheskij slovar' po e'pistemologii / pod red. I.T. Kasavina. M.: Al'fa-M, 2011. S. 136–137.
12. *Silant'ev I.V.* Poe'tika motiva. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 206 s.
13. *Xolodov E.G.* Dramaturg na vse vremena. M.: VTO, 1975. 424 s.
14. *Chernecz L.V.* O tipologicheskome izuchenii literaturny'x personazhej // Stephanos (e'lektronny'j zhurnal). 2016. № 1. S. 80–90.
15. *Chernecz L.V.* Personazhnaya sfera literaturnyx proizvedenij: ponyatiya i terminy' // Xudozh. antropologiya: Teoreticheskie i istoriko-literaturny'e aspekty': materialy' Mezhdunar. nauch. konf. «Pospelovskie chteniya» – 2009 / pod red. M.L. Remnevoj, O.A. Klinga, A.YA. E'salnek. M.: Maks Press, 2011. S. 22–35.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

16. Poe'tika. Slovar' aktual'ny'x terminov i ponyatij / gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoj – Intrada, 2008. S. 43–45.

17. Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoj literatury'. E'ksperimental'noe izdanie / otv. red. E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006–2009. Vy'p. 1. 243 s.; Vy'p. 2. 245 s.; Vy'p. 3. Ch. 1. 511 s.; Ch. 2. 521 s.

L.V. Chernets

The Personage Type and Its Evolution

The author differentiates between the concepts of *the typical image* and *the type of literary personage* and pays special attention to tracing the evolution of the type of personage owing to the changes in the combination of plot motives.

Keywords: type of literary personage; image; character; plot; combination of motives.

М.В. Строганов

Два фельетониста: Салтыков и Слепцов¹

«Письма об Осташкове» написаны по совету Салтыкова, это объясняет высокую оценку очерков Салтыковым, высоко ставившим язык и литературное направление Слепцова. Сходство фельетонов Слепцова и Салтыкова отметил А.Н. Плещеев. Оба писателя с 1867 г. работали в журнале «Отечественные записки». Слепцов писал мало, чувствуя себя на вторых ролях рядом с Салтыковым.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков (Щедрин); В.А. Слепцов; литературное поколение; «Современник»; «Отечественные записки».

Часть 2

Первой печатной работой Слепцова был цикл очерков «Владимирка и Клязьма» (1861), который сделал его известным в литературных кругах. Издатели «Современника» привлекли Слепцова в свой журнал. Второй цикл очерков «Письма об Осташкове» (1862–1863) Слепцов напечатал в «Современнике», где стал постоянным сотрудником. Считается, что Слепцов отправился в Осташков по рекомендации редакции этого журнала. Лучше других реальную ситуацию в Осташкове знал Салтыков, который находился в Петербурге 2–7 ноября 1861 г. по поводу прокламации «Великорусс» («Обручевская история») [7: с. 373–383]. Именно в это время Салтыков и мог рассказать в редакции «Современника» об Осташкове, о котором сам он не имел возможности писать, поскольку служил еще в Твери. Слепцов же был в Осташкове по заданию «Современника» глубокой осенью и зимой этого года [9: с. 279], сразу после приезда в Петербург Салтыкова. Считается, что «Письма об Осташкове» написаны в ответ на панегирические статьи об учреждениях города. Наиболее очевидным источником была публикация тверского чиновника Н.И. Рубцова, которая появилась 4 и 11 ноября 1861 г. в «Тверских губернских ведомостях». Салтыков с 1860 г. был тверским вице-губернатором и по должности подписывал губернские ведомости к печати, поэтому мог знать этот материал и ранее. К тому же он был хорошо знаком с Рубцовым по работе в ряде губернских учреждений [10: с. 110–126].

¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ, проект «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389а).

Первую часть статьи см.: Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3(23). С. 18–26.

На фоне описанных фактов становится понятным противопоставление «статистики» и «болтовни» в статье Салтыкова «Несколько полемических предположений. Из письма в редакцию» (1863). В это время Салтыков уже расстался с тверским вице-губернаторством и мог позволить себе откровенность: «Журнальная полемика <...> это все равно что в обыкновенной жизни болтовня. <...> Посредством болтовни можно восстановить физиономию не только известного лица, но даже целого города, целого общества. Прочитайте, например, в “Современнике” “Письма об Осташкове”. По-видимому, там нет ни таблиц, наполненных цифрами, ни особенных поползновений на статистику; по-видимому, там одна болтовня» [5: т. 5, с. 265]. Салтыков противопоставляет «статистическую» манеру Рубцова и «фельетонную» манеру Слепцова, у которого внешне легкая форма «болтовни» воплощает в себе «живую жизнь целого города». Это общий принцип фельетона как жанра, которым Салтыков дорожил в своем собственном публицистическом творчестве. Говоря о Слепцове, он характеризовал свою собственную манеру.

Сходство писателей отмечали и современники. А.Н. Плещеев благодарил Некрасова за приглашение принять участие в «Современнике» в качестве фельетониста в декабре 1865 г. – январе 1866 г.: «Не мастер я писать фельетоны. В газету какую-нибудь еще, пожалуй, настрою. Но ведь в “Современнике” от фельетониста требования другие. Тут нужно, чтобы фельетон был очень хороший, — вроде, например, Щедрина или Слепцовского. А меня бог не одарил способностью писать так, как пишут эти господа» [1: с. 438–439].

Литературная продукция обоих писателей была заметна в журнале. Салтыков поместил в «Современнике» за 1863–1864 гг. публицистическую хронику «Наша общественная жизнь», фельетон «В деревне», «Петербургские театры», критические и художественные произведения. В 1865 г. он практически не печатался, так как возобновил государственную службу. У Слепцова в «Современнике» в 1862–1865 гг. вышли «Письма об Осташкове», критические и публицистические статьи, рассказы, роман «Трудное время». Однако уже в 1863 г. Салтыков начинает печатать произведения, которые составили в будущем цикл «Помпадур и помпадурши» — совершенно новые по жанру вещи, в которых фельетонное начало переросло в художественное обобщение. Слепцов же оставался в рамках рассказа из народного быта и фельетона; «Трудное время» написано по канону тургеневского романа и не стало литературным событием.

Салтыков в это время общается со Слепцовым достаточно близко и сообщает Некрасову 29 декабря 1862 г.: «Слепцов обещал привести ко мне завтра некоторого остроумца с материалами для “Свистка”; если материалы не дурны, то можно и еще кое-что набрать: у Жемчужникова и у другого молодого человека, живущего в Москве, г. Буренина» [5: т. 18–1, с. 267]. Речь идет о № 9 «Свистка» (Современник. 1863. № 4), в котором участвовали М.А. Антонович, В.П. Буренин, В.М. Жемчужников, П.М. Ковалевский,

Некрасов и Салтыков. Исключив автора и адресата письма и упомянутых Буренина и Жемчужникова, следует полагать, что «молодым человеком» назван здесь М.А. Антонович либо П.М. Ковалевский.

В произведениях 1862–1865 гг. Слепцов изображал жизнь «низов» общества без сентиментальности и идеализации. Сочувствуя такому изображению человека из народа, Салтыков в рецензии на представление пьесы А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» (ноябрь 1863) не находит в языке героев «ни силы, ни меткости, ни юмору, ни поэзии». И говорит, что всеми этими свойствами «отличается язык простого русского человека в комедиях Островского, в рассказах Тургенева, Слепцова...» [5: т. 5, с. 197]. Слепцов стоит в одном ряду с Тургеневым и Островским, что свидетельствует о самой высокой оценке молодого писателя.

Не менее высокую оценку литературной деятельности Слепцова Салтыков дал в цикле «Наша общественная жизнь» (декабрь 1863): «Все эти скромные деятели, <...> делают единственно возможное и единственно почтенное дело, которое доступно в настоящее время для литературы. Они не лгут и не клеветают на жизнь и не выдают за истину праздных фантазий подкупленного воображения, но скромно собирают материалы для будущего творчества, ничего не прибавляя и ничего не утаивая. В этом смысле какой-нибудь коротенький рассказ, вроде “Питомки” г. Слепцова, гораздо драгоценнее, нежели целое литературное наводнение, выданное г. Писемским под названием “Взбаламученного моря”» [5: т. 6, с. 191–192].

Пиком дружественного отношения Салтыкова к Слепцову стал 1863 г., потом наступило охлаждение, переросшее в конфликт. Но творческое сотрудничество не прекратилось и позднее. Уйдя после закрытия «Современника» от давления старших коллег по перу, Слепцов стал вполне самостоятельным публицистом в «Женском вестнике» и создал художественный образ, который Салтыков вскоре использовал в своем художественном творчестве. Как это ни странно (или закономерно), но данный факт не был отмечен исследователями.

Итак, в 1867 г. Слепцов вел в журнале «Женский вестник» внутреннее обозрение «Новости петербургской жизни. Скромные заметки». В первой, майской части этого цикла говорится:

«Есть люди, обуреваемые страстью к сочинительству... Им все равно: сочинят ли они отметку о пользе ватерклозетов, или о влиянии России на Ташкент и Ташкента на Россию» [11: с. 236].

Постановка в один ряд ватерклозетов — бытового новшества и присоединение Россией Туркестана — политического события создает комический эффект, но Слепцову этого мало. Во второй, июньской части хроники, появляется персонаж Иван Флюгаркин, по которому можно «с достоверностью судить о нашей общественной жизни» [11: с. 239].

Бедняга! С которых пор он не снимает фрака, говорит спичи (и они, ей-богу, печатаются) и страдает расстройством желудка... Несчастный! В последнее

время он вовсе не знает покоя и, глядя на его часто меняющуюся физиономию, я вполне понимаю, как тягостно быть русскому общественному деятелю, как часто обязана меняться физиономия такого общественного деятеля и как — говорю словами “Голоса” — чревато событиями наше время... Встречаясь часто с Иваном Флюгаркиным <...> я делаю такие выводы:

Если его физиономия имеет внушительное выражение, словно говорящее: “Мы... Россия... одним словом... мы... Взгляните: гласный суд... кабы <кэбы>... ватерклозеты...” и если на его вертлявой спине надет фрак, а во фраке лежит сверток почтовой бумаги, который наш друг время от времени прочитывает, то я непреложно заключаю, что к нам приехали наши ташкентские друзья и что:

во-первых, их встретят на железной дороге и закричат: Ала... ала... ала!.. <...>; на следующий день публицисты настрочат передовых статей целковых на сорок каждый, в которых будет доказываться:

а) что Ташкент — страна, а не миф,

б) что приобретение Ташкента отразится весьма благоприятно на торговых рынках и даже на расторопности околоточных <...>

Да. Материалу будет довольно, и везде возопят:

— Ташкентцы!.. ташкентцы!.. О-о-о!..» [11: с. 239].

Данный эпизод развернут Слепцовым в манере Салтыкова с доведением правдоподобного предположения до совершенно абсурдной гиперболы. Но далее события хроники разворачиваются еще более гротесково: «к нам скоро приедут славяне» и «их угостят лучше ташкентцев и будут кричать не “ала”, а “слава”» [11: с. 241]. Последовательность сцен в фельетоне предсказывает строение событий в «Дневнике провинциала в Петербурге». А образ Ташкента и ташкентцев, хотя с совершенно иным значением, Салтыков использовал в книге «Господа “ташкентцы”». Понятно, что социальное наполнение «ташкентца» у Салтыкова иное, но Слепцов перенес этот катойконим на русскую действительность весьма последовательно и ярко: «влияние России на Ташкент и Ташкента на Россию», и пр. Салтыкову оставалось только обновить этот образ. Совершенно очевидно, что Салтыков внимательно присматривался к этому образу, не случайно в названии книги он взял слово *ташкентцы* в кавычки, указывая на заимствованный характер его.

Совершенно иной характер имеет другое соотношение текстов Салтыкова и Слепцова. В романе «Трудное время» Рязанов сопровождает мирового посредника в поездке по деревням с целью уговорить крестьян подписать уставные грамоты. В начале поездки посредник и Рязанов едут молча. Потом посредник напевает «Скажите ей, как дорого мне стоит» [6: т. 2, с. 108]. Это модный романс Н.А. Долгорукова «Скажите ей, что пламенной душою» (1857), написанный в ответ на романс Е.П. Ростопчиной «Когда б он знал!» (1830, музыка Е. Кочубей) [4: с. 209; 3: с. 631].

Поездка Рязанова и мирового посредника шла спокойно, пока в одной деревне не произошел следующий инцидент: «На другой день рано утром Рязанов сидел в комнате и пил чай, в сенях посредник разговаривал с мужиками; входил

в комнату, прихлебывал из стакана чаю и опять уходил и все что-то горячился. Мужики возражали сначала, но потом стали стихать больше и больше, наконец совсем стихли; остался один угрюмый, монотонный голос, бесстрастно и ровно звучащий в ответ посреднику. Этот голос не умолкал. Посредник стал горячиться и кричать еще пуще — голос не умолкает... Вдруг..

— Ах, ты!

Бац, бац, бац — раздалось в сенях, и голос умолк. Тихо стало.

Рязанов, не допив стакана, взял фуражку и вышел из комнаты. В сенях стояла толпа мужиков и взбешенный посредник; с полу вставал мужик, дико ворочая глазами...» [6: т. 2, с. 116–117]. Рязанов уехал.

Структура эпизода с посредником восходит к рассказам Салтыкова, которые печатались с подзаголовками «Провинциальный романс в действии» или «Романс»: «Прощаюсь, ангел мой, с тобою!» (1863), «Здравствуй, милая, хорошая моя!», «На заре ты ее не буди», «Она еще едва умеет лепетать» (все 1864). Последний рассказ заканчивался характерной сценой:

«— Ты пойми мою мысль, болван! — отвечал ему Митенька, — я чего желаю? — я желаю, чтоб у меня процветала промышленность, чтобы поля были тщательно удобрены, но чтобы в то же время порядок ни под каким видом нарушен не был!

И вдруг, среди самого, по-видимому, мирного настроения мысли, он вскочил как озаренный и не своим голосом закричал:

— Раззрю!» [5: т. 8, с. 123].

Слепцов изображает мирового посредника не просто с оглядкой на Салтыкова, он буквально цитирует его. Кажется, он хочет показать читателю, что его мировой посредник — тот же помпадур. Салтыков развивает, обновляет образ слепцовского ташкентца. Слепцов же репродуцирует салтыковский образ. Таково различие их подхода к чужому материалу.

Но сходство их очевидно. Поэтому неудивительно, что, когда в 1867 г. Некрасов взял на редактирование журнал «Отечественные записки», он пригласил к участию обоих писателей. Отвечая П.М. Ковалевскому, который предлагал свои услуги в качестве фельетониста, Некрасов писал 23 декабря 1867 г.: «Видите ли, у меня теперь два фельетониста: Салтыков и Слепцов, но насколько они обнаружатся благонадежными, покажет только время» [2: с. 66]. Некрасов пока еще не уверен в исполнительности авторов. Салтыков продуктивен, но живет в Рязани и только с 1868 г. стал активно печататься. Слепцов живет в Петербурге, под рукой, но продуктивность его как автора оставляет желать лучшего.

«Благонадежность» фельетонистов оказалась совершенно адекватной ожиданиям. Салтыков как сел за работу, так безостановочно и работал. Перечислять его произведения, которые он напечатал за то время, когда Слепцов сотрудничал в журнале, просто нет смысла. Слепцов же в «Отечественных записках» напечатал только фельетон «Записки метафизика», статью «Тип

новой драмы» и начало романа «Хороший человек», который так и остался незаконченным. Такая малая продуктивность тем более удивительна, что Слепцов до 1872 г. был секретарем редакции «Отечественных записок».

Как секретарь Слепцов старался исполнять свои обязанности исправно, но сам писал медленно, что вызывало раздражение неутомимого и обязательного Салтыкова, что следует из письма Некрасову от 9 июня 1869 г. (см.: [5: т. 18-1, с. 28]). В другом письме от 20 декабря 1867 г. он писал тому же адресату из Рязани: «Вообще, я думаю, что я не сойду с другим Вашим фельетонистом» [5: т. 18-1, с. 325]. Салтыков здесь впервые говорит о различии манер своей и Слепцова, которого он при этом не называет по имени.

Вместе с тем творческое сотрудничество писателей продолжалось. В письме к Некрасову из Рязани Салтыков писал 26 марта 1868 г.: «Посылаю Вам <...> рукопись Решетникова. Думаю, что он писал это не иначе, как в пьяном виде. Впрочем, я ее значительно сократил и полагаю, что печатать будет можно. Для большего спокойствия в этом смысле отдайте прочесть ее Слепцову. Теперь это ему большого труда не составит, потому что рукопись исправлена» [5: т. 18-1, с. 334]. Правда, в последнем предложении все же чувствуется какая-то настороженность: очевидно, Слепцов уже начал искать оправдания для медлительности своей редакторской работы, а Салтыков таких отговорок не прощал.

Как можно судить, Слепцов находился рядом с Салтыковым на вторых ролях. Хотел того Салтыков или нет, но он подавлял своего младшего коллегу. Слепцов, видимо, чувствовал свою «вторичность». В «Женском вестнике» он был царь и бог и с радостью писал туда. В «Отечественных записках» он не только собственно художественные, но и публицистические вещи не писал. В лучшем случае повторял приемы, которые разработал в самостоятельную пору жизни в «Женском вестнике». Вполне закономерно, что его единственный фельетон в «Отечественных записках» называется так же, как его фельетон в «Женском вестнике» — «Из “Записок метафизика”». При этом стоит заметить маску фельетониста: метафизик — это тот же «русский юноша», который взывает высшей истины, во имя которой готов даже на богоборческий бунт.

Уместно отметить, что подзаголовок слепцовской хроники «Новости петербургской жизни» имел самоуничижительный характер — «Скромные заметки» (1867). Этот подзаголовок восходит к названию фельетона Слепцова в «Современнике» — «Скромные упражнения» (1865). Настойчивость, с которой Слепцов демонстрирует «скромный» характер своих притязаний, свидетельствует о том, что за этим стоит неудовлетворенная амбиция. Не исключено, впрочем, что Слепцов и сам чувствовал недостатки своих сочинений. В фельетоне «Скромные упражнения» даже очень внимательный и доброжелательный анализ не позволяет обнаружить никакой логики, никакой объединяющей мысли.

Так складывалась ситуация в начале издания «Отечественных записок». Через восемь лет отношение Салтыкова к Слепцову изменилось радикально,

и 31 января/12 февраля 1876 г. он писал Некрасову из Ниццы: «“Впережку” — плохо необыкновенно. Кому это принадлежит? Судя по манере бесплодного ковыряния — Слепцову, а может быть, и Михайловскому. Хотел бы, чтоб правильно было 1-е предположение, и было бы печально, ежели б Михайловский пустился по следам Слепцова» [5: т. 18-2, с. 256]. Статья «Впережку» была написана Н.К. Михайловским, но под критический обстрел попал Слепцов.

Понять, что Салтыков назвал «бесплодным ковырянием», можно благодаря суждению современника. Некто Ф.И. Китаев в письме к известной общественной деятельнице Е.С. Некрасовой писал 21 ноября 1875 г.: «Мне нравится Слепцов, Глеб Успенский, но они гораздо мельче плавают, чем Щедрин. Любовь к народу выражается у них так же неразумно, как любовь старой няньки к ребенку. Щедрин же не плачет, не просит, а своими едкими насмешками указывает на недостатки общества...» [8: с. 15–16]. Другие литературно-критические высказывания автора этого письма не известны, но он с большой проницательностью сформулировал отличие литературной позиции Салтыкова от писателей, сформировавшихся в «шестидесятые» годы.

От радостного приветствия до пренебрежения развивалось отношение Салтыкова к Слепцову. Отношение Слепцова к Салтыкову оставалось стабильным: он признавал Салтыкова не авторитетным, но успешным конкурентом.

Библиографический список

Источники

1. Лит. наследство. Н.А. Некрасов. [Кн.] II. Т. 51–52. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 675 с.
2. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 15 (2). СПб.: Наука, 2000. 640 с.
3. Песни русских поэтов: в 2 т. / вступ. статья, сост., подгот. текста, биограф. справки и примечания В.Е. Гусева. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1988. 664 с.
4. Русский романс / сост., вступит. статья и коммент. В. Рабиновича. М.: Правда, 1987. 640 с.
5. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1965–1977.
6. *Слепцов В.А.* Соч.: в 2 т. / подгот. текста и коммент. К. Чуковского. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957. 420 с.

Литература

7. *Макашин С.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов: Биография. М.: Худ. лит., 1972. 600 с.
8. *Макашин С.* Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889: Биография. М.: Худ. лит., 1989. 527 с.
9. *Семанова М.Л.* После 19 февраля 1861 г. // Лит. наследство. Т. 71. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 277–285.
10. *Строганов М.В.* Два тверских чиновника М.Е. Салтыков и Н.И. Рубцов. Опыт реконструкции // Культура и текст: сетевой научный журнал. 2016. № 1 (24). С. 110–126

[Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2016/04/stroganov_1_2016.pdf (дата обращения: 10.09.2016).

11. Хроника общественной жизни в «Женском вестнике» (1867) / публ. М.Л. Семановой // Лит. наследство. Т. 71. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 205–276.

References

Istochniki

1. Lit. nasledstvo. N.A. Nekrasov. [Kn.] II. Т. 51–52. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 675 с.
2. *Nekrasov N.A.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. Т. 15 (2). SPb.: Nauka, 2000. 640 с.
3. *Pesni russkix poe'tov: v 2 t. / vstupit. stat'ya, sost., podgot. teksta, biograf. spravki i primechaniya V.E. Guseva.* Т. 1. L.: Sov. pisatel', 1988. 664 с.
4. *Russkij romans / sost., vstupit. stat'ya i comment. V. Rabinovicha.* М.: Pravda, 1987. 640 с.
5. *Salty'kov-Shhedrin M.E.* Sobr. soch.: v 20 t. М.: Xud. lit., 1965–1977.
6. *Slepczov V.A.* Soch.: v 2 t. / podgot. teksta i comment. K. Chukovskogo. Т. 2. М.: GIXL, 1957. 420 с.

Literatura

7. *Makashin S.* Salty'kov-Shhedrin na rubezhe 1850–1860-x godov: Biografiya. М.: Xud. lit., 1972. 600 с.
8. *Makashin S.* Salty'kov-Shhedrin. Poslednie gody'. 1875–1889: Biografiya. М.: Xud. lit., 1989. 527 с.
9. *Semanova M.L.* Posle 19 fevralya 1861 g. // Lit. nasledstvo. Т. 71. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 277–285.
10. *Stroganov M.V.* Dva tverskix chinovnika M.E. Salty'kov i N.I. Rubczov. Opy't rekonstrukcii // Kul'tura i tekst: setevoj nauchny'j zhurnal. 2016. № 1 (24). С. 110–126 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2016/04/stroganov_1_2016.pdf (дата обращения: 10.09.2016).
11. Хроника obshestvennoj zhizni v «Zhenskome vestnike» (1867) / publ. M.L. Semanovoj // Lit. nasledstvo. Т. 71. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 205–276.

M.V. Stroganov

Two Feuilletonists: Saltykov and Sleptsov

«Pisma ob Ostashkove» («Letters about Ostashkov») were written on the advice of Saltykov. This fact explains Saltykov's high opinion of these sketches as he appreciated the language and the literary school of Sleptsov. Aleksey Pleshcheyev pointed up the resemblance between Sleptsov's and Saltykov's feuilletons. Both authors worked in «Otechestvennye Zapiski» («Annals of the Fatherland») since 1867. Sleptsov was not productive, feeling taking a back seat to Saltykov.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin; Vasily Sleptsov; literary generation; «Sovremeni» («The Contemporary»); «Otechestvennye Zapiski» («Annals of the Fatherland»).

О.В. Быстрова

Открытое письмо М. Горького С.М. Буденному: к истории вопроса

В статье рассматривается проблема взаимоотношений М. Горького и И.Э. Бабеля; впервые публикуется черновой автограф «Ответа С. Буденному» Горького, в котором писатель защищает молодого автора от нападок со стороны руководства Первой Конной армии. Рассмотрен вопрос редакторской правки этого письма со стороны редколлегии газеты «Правда».

Ключевые слова: М. Горький; «Ответ С. Буденному»; И. Бабель; «Конармия»; творческий метод.

Максим Горький узнал о начинающем авторе И. Бабеле зимой 1916 г., когда опубликовал два его рассказа — «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла» — в журнале «Летопись». Редактор журнала стал для молодого автора первым учителем, о котором он никогда не забывал: «я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы <...> он научил меня необыкновенно важным вещам» [4: с. 31–32].

Много позже Бабель, вспоминая о тех годах, писал: «Я приносил ему все, что писал, а писал я по одному рассказу в день. Горький все читал, все отвергал и требовал продолжения. Наконец мы оба устали, и он сказал мне своим глуховатым басом: “С очевидностью выяснено, что ничего вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом... Ступайте посему в люди...”» [5: с. 369]. И Бабель пошел «в люди», как некогда сам Горький. О своей «командировке», длившейся семь лет, он вспоминал: «...много дорог было мною исхожено и многих боев я был свидетель <...> я сделал вторую попытку печататься» и получил от Горького «записку: “Пожалуй, можно начинать...”» [5: с. 369].

В качестве корреспондента армейской газеты «Красный кавалерист» Бабель воевал в годы Гражданской войны в Первой Конной армии под командованием С.М. Буденного. Новеллы из будущей «Конармии» появились в печати в феврале – апреле 1923 г. в одесских «Известиях» («Прищепка», «Учение о тачанке», «Смерть Долгушова» и др.). Но сам Бабель начало литературной работы относил к 1924 г., когда новеллы цикла стали печататься в журнале «Красная новь» (№ 1). В этих новеллах перед читателем предстала жизнь, в которой переплелись воедино героизм и жестокость, правдоискательство и душевная неразвитость, прекрасное и отвратительное, смешное и трагическое.

«Конармия» Бабеля — маленькие истории, увиденные и рассказанные Кириллом Васильевичем Лютовым, в которых резкими штрихами обрисованы люди в отдельных эпизодах и ситуациях. Логика размышлений, противоречивые чувства и впечатления Кирилла Лютова близки автору. На эту особенность повествования еще в 1924 г. обратил внимание А.К. Воронский: «Обрисовки Бабеля <...> импрессионистичны, и этого никогда не нужно забывать; он оттеняет одну-две основные черты в типе, в образе, в картине, оставляя остальное в тени, в стороне, неосвещенным, но подчеркивает он всегда точно» [12: с. 156].

Пытаясь разобраться в феномене конармейца, Бабель отмечал в своем дневнике: «Что такое наш казак? Пласты: барахольство, удальство, профессионализм, революционность, звериная жестокость» [4: с. 381–382]. Таковыми, какими они были на самом деле, без прикрас и преувеличений, Бабель и изобразил конармейцев в своих новеллах — с противоречивыми характерами, непредсказуемым поведением в неординарных ситуациях.

«Конармия» Бабеля была воспринята современниками неоднозначно. Литературная критика оценила ее восторженно, например, А.К. Воронский [9: с. 146–163] или Д. Святополк-Мирский [16: с. 486–488]. Однако командарм С. Буденный, не узнавший в «Конармии» ни себя, ни своих бойцов, выступил с обвинениями в печати, заявив, что эта книга — «клевета» и «бабьи сплетни» [11: с. 196]. Буденный обвинял писателя в намеренной дегероизации истории. Были предприняты попытки запретить печатание книги «Конармия», подвергнув очерки строжайшей идеологической цензуре (см. подробнее: [13: с. 88–111]).

Бабель пытался защищаться, говоря о других задачах, стоявших перед ним; он так объяснял движение своего творческого метода: «полученные от действительности впечатления, образы и краски я забываю. И потом возникает одна мысль, лишенная художественной плоти, одна голая тема... Я начинаю развивать эту тему, фантазировать, облекая ее в плоть и кровь, но не прибегая к помощи памяти... То, что кажется мне фантазией, вымыслом, часто впоследствии оказывается действительностью, надолго забытою и сразу восстановленной этим неестественным и трудным путем. Так была создана “Конармия”» [15: с. 3].

Логика построения текста созвучна тем беседам, которые происходили между Бабелем и Горьким на Кронверкском в далеком 1916 г. Об этом же Горький писал в ноябре 1927 г. начинающему автору Д. Хайту: «Художник должен жить не в действительности, не в стороне от нее, а над нею. Тогда-то он и найдет в ней то существенное, что даст ему неоспоримо ценный материал для подлинного искусства <...> Возьмем пример — Бабеля. Буденный украшает своих солдат и лошадей своих извне — Бабель украсил их изнутри. Подумав <над> этим, вы, надеюсь, согласитесь с Бабелем, потому что ведь его солдаты “Конармии” больше люди, чем солдаты Буденного» [7: с. 616–617].

В мае 1926 г. «Конармия» Бабеля впервые была издана отдельной книгой и выдержала восемь изданий при жизни автора; книга, вышедшая шестым изданием в 1931 г., была подарена автором Горькому и хранится в личной библиотеке писателя [14: с. 63 (№ 727)]. Писатель ценил талант молодого автора. Примечателен обмен мнениями Горького с Р. Ролланом о Бабеле. 20 февраля 1928 г. Роллан интересовался у Горького: «...знакомы ли Вы с Бабелем? Я читал отрывки из его произведений, проникнутые неукротимой силой» [9: с. 152]. В ответ получил восторженный отклик Горького: «Это — человек очень крупного и красного таланта и человек строгих требований к себе самому. Его “Конная армия” — ряд превосходно сделанных этюдов в стиле Гоголя-романтика, автора “Тараса Бульбы” — Гоголя до “Ревизора” и “Мертвых душ”. Бабель — большая надежда русской литературы» [9: с. 153].

Своего мнения Горький не изменил и в сентябре 1928 г., когда ему пришлось участвовать в новом витке скандальной эпопеи, продолженной инспектором кавалерии С.М. Буденным.

Весной 1928 г. Горький приступил к работе над статьей «О том, как я учился писать». 18 апреля 1928 г. он писал ученикам средней школы г. Месягутово Башкирской АССР, что к нему почти ежедневно обращаются с вопросом: как он учился писать, — и что, не имея возможности ответить каждому корреспонденту, он решил написать об этом книжку. Статья Горького впервые была напечатана отдельной брошюрой под названием «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать» (М.: Госиздат, 1928). Отрывок из статьи опубликован 30 сентября 1928 г. в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

В числе многих упоминаемых русских и советских авторов был И. Бабель, которого Горький охарактеризовал так: «Товарищ Буденный охаял “Конармию” Бабеля — мне кажется, что это сделано напрасно: сам товарищ Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев» [6: с. 473].

Учитывая, что все обвинения против книги Бабеля, выдвинутые в 1924 г., к 1928 г. были благополучно забыты, тем неожиданнее было получение Горьким письма от заместителя главного редактора газеты «Правда» М.И. Ульяновой 20 сентября 1928 г., в котором она просила: «Дорогой А.М.! Посылаю Вам письмо Буденного, присланное в “Правду”. Хотелось бы получить Ваш ответ на него — думаете ли дать его?» [10: с. 80]. Ответ Горького на это письмо не известен, но 26 октября 1928 г. газета «Правда» опубликовала «Открытое письмо Максиму Горькому» С.М. Буденного.

Горький откликнулся практически сразу. Он написал свое открытое письмо инспектору кавалерии. В настоящей статье публикуется впервые черновой автограф письма²:

² При публикации чернового автографа письма принято следующее обозначение: в квадратных скобках вписан текст, который был позже вычеркнут самим Горьким, например: [еще более] и т. д.; знаки препинания авторские и при публикации не правятся.

«Уважаемый товарищ Буденный!

Не могу согласиться с Вами в оценке “Конармии” Бабеля и [еще более] решительно протестую против Вашей квалификации этого талантливой писателя.

Вы говорите, что Бабель “плелся где-то с частицей глубоких тылов”. Это не может порочить ни Бабеля, ни его книгу. Для того, чтоб сварить суп, повар не должен сам [садит<ься>] сидеть в кастрюле. Автор “Войны и мира” лично не участвовал в драках с Наполеоном, Гоголь не был запорожцем.

Вы говорите [фабула] об “эротомании” автора. Я только что прочитал книжку Бабеля еще раз [но] и не нашел в ней признаков этой болезни у автора, но, разумеется, не отрицаю наличия эротических деталей в его очерках, [об этом] Это так и должно быть: война всегда возбуждает бешеную эротику, об этом говорит нам всякая война. Это подтверждается поведением немцев в Бельгии, русских в Восточной Пруссии [Это, я думаю, даже и не болезнь] Я склонен [обо<бщать>?] считать это явление естественным, — хотя и ненормальным — повышением “инстинкта [жизни] продолжения рода”, инстинкта жизни у людей, которые стоят лицом к лицу со смертью.

Читатель внимательный, я не нахожу в книге Бабеля ничего “карикатурно пасквильного”, наоборот: его книга возбудила у меня к бойцам “Конармии” и любовь и уважение, показав мне их действительно героями, [бесстрашными в своем запале и] бесстрашные, они глубоко [сознающими] чувствуют величие своей борьбы. Такого красочного и живого изображения единичных [бор<цов>?] бойцов, которое давало бы мне ясное представление о психике всего коллектива, всей массы “Конармии” и помогло бы мне понять силу, которая позволила ей совершить исторический ее поход, я не знаю в русской литературе. [Кавалерийская] Атака [французов] французской кавалерии в “Разгроме” Э. Золя показывает только механическое движение массы, механический удар ее.

Не соглашусь с Вами и в том, что [они] Ваши бойцы “простые, обыкновенные люди” — я не посчитал бы их такими даже и не читая очерков Бабеля, который талантливо дополнил мое представление о героизме первой [армии] за всю историю армии, которая знает, за что она бьется [знает, за что] и ради чего будет биться.

[Т. Буденный, Вы — не правы в Вашем отношении к Бабелю и Вы слишком резки]

Тов. Буденный, разрешите сказать Вам, что [тон] резким и неоправданным тоном Вашего письма Вы [не только] наносите молодому писателю оскорбление, не заслуженное им. [Но Вы можете физически уничтожить его, возбуждая Ваших бойцов против человека, орудие которого только перо.]

Писателям переходного момента, живущим в сложнейших условиях, в стране, где [на два] не меньше 20 миллионов собственников-индивидуалистов и только два миллиона [коммунистов] марксистов, из которых, [вероятно] может быть, [только] половина говорит по Марксу так же сознательно, как попугаи по-человечески, — в этих условиях ко всем писателям нашего времени невозможно предъявлять требования строгой идеологической выдержанности. Противоречива наша действительность и к тому же не так поучительна, как прошлое, легко и быстро учившее нас любить и ненавидеть. Писатель — человек, который живет действительностью, пользуясь красками фантазии для того только, чтоб

сделать действительность ярче, понятней, — чтоб возбудить к ней [актив<ное>?] у читателя отношение активной любви или активной ненависти [уважения к ней или презрения]. Не забудьте, что еще не вымерли люди, воспитанные на религиозном отношении к собственности, и что [собственность] все несчастья, [горе] все драмы жизни и все ее мерзости коренятся в инстинкте собственности, который издревле прославлялся как священная основа государства и [единст<венный>?] главнейший источник счастья личности.

[Мы должны дорожить писателями, для которых этот инстинкт ненавистен и даже теми, у которых он вызывает сомнение в его праве]

В десяток лет невозможно [переродить людей] перевоспитать людей, которые воспитывались тысячелетиями в поклонении [золотому тельцу, но мы должны] золоту, деньгам. Но мы, в наших интересах, обязаны относиться бережно и терпимо ко всякому человеку, который [так] способен помочь нам в борьбе против загнивших, но еще крепких устоев проклятой позорной старины. Бабель — способен. Нас вовсе не так много, чтобы мы могли беззаботно отталкивать от себя талантливых и полезных людей. Вы не правы, Тов. Буденный, Вы ошибаетесь. И Вы забыли, что к Вашим суждениям прислушиваются не только десятки тысяч Ваших бойцов.

Для того, чтобы сварить суп, повар не должен садиться в кастрюлю. Автор “Войны и мира” не участвовал в драках с Наполеоном, Гоголь не был запорожцем.

Вы въехали в литературу на коне, и с высоты коня критикуете ее, уподобляя себя тем критикам [которые разъезжают, катаются по литературе в телегах и на салазках, хотя] для правильной и полезной критики [необходимо] нужно, чтоб крит<ик>по крайней мере на одном уровне с [него] литератором. У нас критики весьма часто въезжают в литературу на телегах весьма плохо усвоенной теории и нужно...

Въехав в литературу на коне и с высоты коня критикуя ее, Вы уподобляете себя тем бесшабашным и безответственным критикам, которые разъезжают по литературе в телегах плохо усвоенной теории, а для правильной и полезной критики необходимо, чтоб критик был или культурно выше литератора, или, по крайней мере — стоял на одном уровне культуры с ним» [2].

Черновик письма дает представление о том, какой текст был направлен в «Правду». Об этом Горький сообщал М.И. Ульяновой 2 ноября 1928 г. [10: с. 80]. Однако 14 ноября 1928 г. председатель Правления Госиздата А.Б. Халатов и член Бюро редколлегии «Правды» Г.И. Крумин направили писателю официальное письмо, в котором писали:

«Дорогой Алексей Максимович!

Ваш ответ тов. Буденному о “Конармии” Бабеля мы получили.

Мы немедленно его опубликуем по получении от Вас ответа на следующий наш вопрос. Нам казалось бы, что последняя фраза: “Въехав в литературу на коне и с высоты коня критикуя ее, Вы уподобляете себя тем бесшабашным и безответственным критикам, которые разъезжают по литературе в телегах плохо усвоенной теории, а для правильной и полезной критики необходимо, чтоб критик был или культурно выше литератора, или — по крайней мере — стоял на одном уровне культуры с ним”, будет воспринята как личное оскорбление. Те товарищи,

с которыми мы советовались, придерживаются такого же мнения. Поэтому мы задержали печатание Вашего письма на несколько дней с тем, чтобы просить Вас согласиться внести некоторые изменения, редакционного, по преимуществу, порядка, касающиеся конца письма. Можно было бы сформулировать последнее предложение так: “Критика полезна при том условии, если критик объективен и внимателен к молодым растущим силам”.

Не откажите, Алексей Максимович, известить нас по телеграфу о своем согласии. По получении телеграммы от Вас, Ваше письмо будет немедленно опубликовано» [1].

В процессе обмена мнениями по редакции письма последняя фраза письма приобрела следующий вид: «Для правильной и полезной критики необходимо, чтобы критик был объективен и внимателен к молодым литературным силам» [8]; впрочем, и само письмо стало чуть сдержаннее.

Это отметил Бабель, написавший своей знакомой А.Г. Слоним в ответ на ее просьбу выслать номер газеты: «Номера “Правды” с письмом Буденного у меня, к сожалению, нету. Не держу у себя дома таких вонючих документов. Прочитайте ответ Горького. По-моему, он слишком мягко отвечает на этот документ, полный зловонного невежества и унтер-офицерского марксизма» [5: с. 291].

Действительно, «Конармия» Бабеля выделялась на общем фоне поисков литературы 1920-х гг., Горький понял художественную задачу, стоящую перед молодым автором, и по достоинству оценил и замысел книги, и ее воплощение. Бабель, поставив в центр внимания в своей «Конармии» человека, в котором причудливо переплелись старые предрассудки и проблески новой морали, сумел найти неповторимые краски и создать оригинальное произведение, без которого изображение Гражданской войны в русской литературе XX в. было бы неполным.

Но возвращаясь к истории полемики, стоит отметить и то, что в 1930 г. она была продолжена, хотя и не обсуждалась активно в центральной прессе. 23 марта 1930 г. Горькому в Сорренто было отправлено В.В. Вишневским письмо, к которому прилагалась книга «Первая конная» (М.: Федерация, 1930); адресат сообщал: «Вы участник значительного спора о “Конармии” Бабеля. Моя книга — книга рядового буденовца, до известной степени ответ Бабелю. Так ее расценивает, в кратких словах, наша пресса (“Лит. газета” и др.).

Я бы хотел, чтобы вы могли глубоко вникнуть в то, что вырвалось у меня из сердца, и сказать — насколько удачна вещь и прав ли был Бабель, когда односторонне, искривленно показал нас, буденовцев <...> Несчастье Бабеля в том, что он не боец. Он был изумлен, испуган, когда попал к нам, и это странно-болезненное впечатление интеллигента от нас отразилось в его “Конармии”.

Буденный мог оскорбиться и негодовать. Мы, б<ывшие> рядовые бойцы, тоже. Не то, не то дал Бабель! Многого не увидел. Дал лишь кусочек: Конармия, измученная в боях на польском фронте. Да и то не всю ее, а осколки. Верьте бойцу — не такой была наша Конная, как показал Бабель» [7: с. 46–47].

Однако Горький не увидел полемики с Бабелем, о чем сообщил автору: «Могу, однако, сказать, что никакого “ответа Бабелю” в пьесе Вашей нет — и хороша она именно тем, что написана в повышенном героическом тоне, так же как “Конармия” Бабеля, как “Тарас Бульба” Гоголя, “Чайковский” Гребенки. Бабеля — плохо прочитали и не поняли, вот в чем дело! Такие вещи, как Ваша “Первая конная” и “Конармия”, нельзя критиковать с высоты коня» [7: с. 48].

Казалось бы, к началу 1930 г. все акценты расставлены — все точки зрения высказаны, позиции определены; критики, по-прежнему, в восторге от талантливой книги. Доходчиво и ясно объяснен творческий метод художника: «“Конармия” Бабеля не есть Конармия Буденного. Писатель не имел в виду дать всестороннюю, художественно точную эпопею действительной Конармии, путем выделения основного ее духа и свойств, как это, например, сделал Л.Н. Толстой в “Войне и мире” <...> Толстой дал синтетическую, полную картину русского общества и армии 1812 года снизу доверху, Бабель ограничил себя тем, что из Конной армии выбрал и воссоздал ряд типов, лиц, случаев, для того чтобы с их помощью в образах выразить свое художественное мироощущение <...> Бабель — как импрессионист, хотя у него реалистический глаз наблюдателя силен всюду» [12: с. 154–155]. Позиция была сформулирована четко и без компромиссов: «Люди, ищущие у Бабеля толстовского подхода, предъявляют писателю вексель, которого он не подписывал и не выдавал, и требуют от него того, что совсем не входило в его художественные планы» [12: с. 155].

По мнению современного литературоведа И. Сорокиной, А.К. Воронский «чрезвычайно чутко и глубоко понял стиль Бабеля — его эпичность, характер его лиризма», он был убежден в «высокой художественной ценности» цикла и «пытался передать эту уверенность читателям» [17: с. 235]. Тем не менее отголоски травли Бабеля слышались еще долго. Известно письмо Горького главному редактору «Правды» Л. Мехлису, написанное в январе 1935 г., в котором писал: «К.Е. Ворошилов 15 лет не может простить талантливому Бабелю неправильно изображенный этим писателем какой-то ремень» [3].

Горький поддерживал Бабеля всегда; последние годы жизни писателя Бабель часто бывал у писателя и в Москве, и в Горках. На следующий день после смерти Горького Бабель написал матери: «Великое горе по всей стране, а у меня особенно. Этот человек был для меня совестью, судьей, примером. Двадцать лет ничем не омраченной дружбы и любви связывают меня с ним. Теперь — чтить его память — это значит жить и работать — и то и другое делать хорошо» [4: с. 349].

Обмен письмами Горького и Буденного, ставший достоянием прессы, несомненно, предопределил трагическую судьбу Бабеля. Теперь, когда не стало могучего защитника, некому было заступиться за автора «Конармии» от «очевидцев» тех далеких событий. 27 января 1940 г. И.Э. Бабель был расстрелян как «агент французской и австрийской разведок с 1934 года» [18: с. 8]; реабилитирован посмертно в апреле 1957 г.

Библиографический список

Источники

1. Письма А.М. Горького // ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. КГ-п-83а-1-27.
2. Письма А.М. Горького // Архив А.М. Горького. ПГ-рл-7-5-1.
3. Письма А.М. Горького // Архив А.М. Горького. ПГ-рл-25-29-19.
4. *Бабель И.Э.* Соч.: в 2 т. / вступ. статья Г. Белой; сост. и подгот. текста А. Пирожковой; коммент. С. Поварцова. Т. 1. М.: Худ. лит., 1991. 478 с.
5. *Бабель И.Э.* Соч.: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. Пирожковой; коммент. С. Поварцова. Т. 2. М.: Худ. лит., 1992. 574 с.
6. *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. 576 с.
7. Горький и советские писатели: неизданная переписка // Лит. наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.
8. *Горький М.* Ответ С. Буденному // Правда. 1928. № 275. 27 нояб.
9. М. Горький и Р. Роллан: переписка. (1916–1936) // Архив А.М. Горького. Т. XV. М.: Наследие, 1995. 544 с.
10. Переписка М. Горького с Н.К. Крупской, М.И. Ульяновой и А.И. Елизаровой-Ульяновой / вступ. статья, подготовка текста и примеч. О.В. Быстровой // Горький. Неизвестные страницы истории: (Материалы и исследования). Вып. 12. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 53–136.

Литература

11. *Буденный С.* Бабизм Бабеля из «Красной Нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197.
12. *Воронский А. И.* Бабель // Воронский А.К. Искусство видеть мир: Портреты. Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. 704 с.
13. *Левин С.* О героическом в «Конармии» И. Бабеля: (Характеры персонажей в свете полемики) // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: сб. материалов Междунар. науч. конф. в ГЛМ 23–26 июня 2014 г. М.: Книжники; Литературный музей, 2016. С. 88–111.
14. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: описание: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1981. 412 с.
15. *Оль Ник.* «Я рад закрепить нашу дружбу»: И. Бабель у комсомольцев // Лит. газета. 1932. 5 сент.
16. *Святополк-Мирский Д.*, кн. [Рец. на кн.] И. Бабель. Рассказы. Госиздат. М.; Л., 1925 // Современные записки. 1925. Кн. XXVI. С. 486–488.
17. *Сорокина И.* Концепции литературного процесса в советской критике // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О.А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 230–289.
18. *Andruszko С.* Жизнеописание Бабеля Исаака Эммануиловича. Poznań, 1993. 128(2) с.

References

Istochniki

1. Pis'ma A.M. Gor'kogo // IMLI RAN. Arxiv A.M. Gor'kogo. KG-p-83a-1-27.
2. Pis'ma A.M. Gor'kogo // IMLI RAN. Arxiv A.M. Gor'kogo. PG-rl-7-5-1.
3. Pis'ma A.M. Gor'kogo // IMLI RAN. Arxiv A.M. Gor'kogo. PG-rl-25-29-19.

4. *Babel' I. Je.* Soch.: v 2 t. / vstup. stat'ya G. Beloj; sost. i podgot. teksta A. Pirozhkovej; komment. S. Povarczova. T. 1. M.: Xud. lit., 1991. 478 s.
5. *Babel' I. Je.* Soch.: v 2 t. / sost. i podgot. teksta A. Pirozhkovej; komment. S. Povarczova. T. 2. M.: Xud. lit., 1992. 574 s.
6. *Gor'kij M.* Sobr. soch.: v 30 t. M.: GIXL, 1953. T. 24. 576 p.
7. Gor'kij i sovetskie pisateli: neizdannaya perepiska // Literaturnoe nasledstvo. T. 70. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 736 s.
8. *Gor'kij M.* Otvet S. Budennomu // Pravda. 1928. № 275. 27 noyab.
9. M. Gor'kij i R. Rollan: perepiska. (1916–1936) / Arxiv A.M. Gor'kogo. T. XV. M.: Nasledie, 1995. 544 s.
10. Perepiska M. Gor'kogo s N.K. Krupskoj, M.I. Ul'janovoj i A.I. Elizarovoj-Ul'janovoj / vstup. stat'ja, podg. teksta i primech. O.V. By'strovoj // Gor'kij. Neizvestny'e straniczy' istorii. Vy'p. 12. M.: IMLI RAN, 2014. S. 53–136.

Literatura

11. *Budyonny'j S.* Babizm Babelja iz «Krasnoj Novi» // Oktjabr'. 1924. № 3. S. 196–197.
12. *Voronskij A. I.* Babel' // Voronskij A.K. Iskusstvo videt' mir: Portrety'. Stat'i. M.: Sov. pisatel', 1987. 704 s.
13. *Levin S.* O geroicheskom v «Konarmii» I. Babelja: (Xaraktery' personazhej v svete polemiki) // Isaak Babel' v istoricheskom i literaturnom kontekste: XX vek / sb. materialov Mezhdunar. nauchn. konf. v GLM 23–26 iyunya 2014 g. M.: Knizhniki; Literaturny'j muzej, 2016. S. 88–111.
14. Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo v Moskve: opisanie: v 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1981. 412 s.
15. Ol' Nik. «Ya rad zakrepit' nashu družbu»: I. Babel' u komsomol'cev // Lit. gazeta. 1932. 5 sent.
16. *Svjatopolk-Mirskij D.*, kn. [Recz. na kn.] I. Babel'. Rasskazy'. Gosizdat. M.; L., 1925 // Sovremenny'e zapiski. 1925. Kn. XXVI. S. 486–488.
17. *Sorokina I.* Konceptii literaturnogo processa v sovetskoj kritike // V poiskax novoj ideologii: Sociokul'turny'e aspekty' russkogo literaturnogo processa 1920–1930-x gg. / otv. redaktor O.A. Kaznina. M.: IMLI RAN, 2010. S. 230–289.
18. *Andruszko C.* Zhizneopisanie Babelya Isaaka Jemmanuilovicha. Poznan', 1993. 128(2) s.

O.V. Bystrova

M. Gorky's Open Letter to S. Budyonny: on the Story of the Issue

The article dwells on the relations between M. Gorky and I. Babel. The draft autograph of Gorky's «Answer to S. Budyonny» is published for the first time. In it, the writer defends the young author from the attacks on the part of the First Cavalry army authorities. The letter editing by the editorial board of the newspaper «Pravda» is explored.

Keywords: M. Gorky; «Answer to S. Budyonny»; I. Babel; «Cavalry army»; constructive method.

С.А. Макарова

Словораздел в контексте метро-ритмических инноваций русских символистов

В комплексе инноваций, связанных с «музыкой» поэтической речи, звукописью, напевной мелодикой, для символистов эпохально значимыми были метро-ритмические эксперименты. Словоразделы в сочетании с нерегулярной метроритмикой привели к появлению новых стихометрических форм. Потому так важно разобраться со структурой, с вариациями словоразделов в дольниковых формах символистов, ведь в единстве с распространением дольников состоялось утверждение акцентного стиха.

Ключевые слова: «музыкальная» ритмика; разновидности словоразделов; трехударный и четырехударный дольники; переходная форма; междуударные интервалы.

Творчество русских символистов, выступивших в 1894–1895 гг. тремя сборниками и заявивших вместе с тем о появлении нового течения в отечественной словесности рубежа XIX–XX вв., отличалось как преемственностью, опорой на сложившиеся стихотворные традиции, так и стремлением к новаторству, стихометрическим экспериментам (в русской литературе творчество символистов объективно встраивается в историю модернизма). Кроме того, ни в одном поэтическом течении не было такой острой необходимости в теоретическом осмыслении собственных поэтических инноваций. «Старшими» символистами (Д. Мережковским, В. Брюсовым, Н. Минским, З. Гиппиус, Ф. Сологубом, К. Бальмонтом) написаны многочисленные стиховедческие работы с размышлениями о фонетике, поэтическом синтаксисе, строфике, метроритмике. Наконец, ни в каком другом поэтическом течении не наблюдалось такого неудержимого стремления выйти за рамки стиха в область музыкальной экспрессии и в то же время непосредственно в жизнь, духовное и нравственное преображение стихом в целях достижения теургического синтеза, «соборности», «жизнетворчества».

Столь грандиозные эстетические задачи были поставлены перед символистами революционной эпохой, общественными настроениями. Но где тот «революционный» потенциал в традиционном стихе, который бы раскрылся в анакрузах, клаузулах, корпусе стиха, междуударных интервалах? С одной стороны — задачи духовного преображения словом; с другой — комбинации ударных и безударных слогов, вариации стоп.

К словоразделу как к предмету исследования обращались незаслуженно редко [9], большая часть теоретических наблюдений принадлежит М.Л. Гаспарову [7, 8]. Для большей ясности определимся с понятием «словораздел». Словораздел — это межсловесная пауза, которая не всегда совпадает с внутри-стопной структурой стиха. Аналогично клаузулам, словораздел бывает «мужским» (слово завершается ударным слогом), «женским» (за ударным слогом в лексеме следует один безударный слог) и «дактилическим» (слово заканчивается двумя безударными слогами).

Если в двусложных ямбах и хорях ритмические вариации внутри поэтических строк достигаются прежде всего благодаря пиррихиям и спондеям, то в трехсложных метрах словораздел остается едва ли не единственным художественным средством, обеспечивающим ритмическое разнообразие. М.Л. Гаспаров писал о выразительных функциях словоразделов в стихе: «усиление дактилического словораздела в трехсложниках служит усилению внутренней ритмической связности строки» [8: с. 131], «мужской словораздел подчеркивает членение стиха на стопы» [8: с. 207], а «женский словораздел, симметрично рассекающий междуударный интервал» [8: с. 207], способствует возникновению монотонной интонации.

Для определения новаторской роли символистского стиха наиболее значимы экспериментальные формы, важнейшей из которых стал дольник — переходная форма с равноударным построением строк и вариативными междуударными интервалами в 1–2 слога. В поисках музыкальной экспрессии поэтической ритмики символисты первыми попытались «расшатать» стабильные силлабо-тонические интервалы: в символистских дольниках стяжения стоп композиционно не упорядочены, системны. Потому представляется интересным соотнести словоразделы с междуударными интервалами, выявив метро-ритмические и интонационно-мелодические тенденции в столь значимой для символистов и русского стиха инновационной форме. Именно анализ дольника через его сопоставление с классическими трехсложниками позволяет говорить о традициях и новаторстве в символистском творчестве. Между тем далеко не все поэты-символисты обращались к дольниковому стиху: трехударным дольником (Дк3) написано 67 стихотворений (1173 стиха) З. Гиппиус, В. Брюсова, А. Блока; четырехстопным дольником (Дк4) — 27 произведений (372 стиха) у тех же авторов [1, 2, 3]. К каким выводам привел анализ дольниковых словоразделов?

В трехударных дольниках символистов из всего массива стихов на первый план выходят сочетания женских словоразделов (ЖЖ) — 22,6 %: «Пробудились злые цветы» (Гиппиус), «Сырая простерлась мгла» (Блок). Несмотря на метро-ритмические стяжения, активизирующие тоническую стихию и экспрессию слова, с точки зрения интонационной мелодичности внутри стихов сохраняется напевность, монотонность, свойственная силлабо-тоническим трехсложникам и связанная с плавным окончанием слов с женскими словоразделами. Это важно,

так как помимо ЖЖ сочетаний в Дк3 символистов значимы сочетания мужских и женских словоразделов (ЖМ — 21,2 %; МЖ — 20 %), что тоже свидетельствует о достаточно гибком интонационном развитии в дольниковых стихах, но вместе с тем о первых признаках выделения отдельных лексем: «Прозвучат как песни родные» (Брюсов). Строки с резкими сочетаниями в словоразделах — мужскими (ММ), мужскими и дактилическими (МД, ДМ) — в дольниках Гиппиус, Брюсова, Блока уходят на второй план. В Дк3 пока преобладают черты напевного стиха, что встраивается в общие метро-ритмические тенденции XIX – начала XX в.

Согласно статистическим данным Гаспарова, освоение и распространение двусложных и трехсложных метров в XIX в. отличалось неравномерностью. Ямбы, популярные в первой половине XIX в., позднее утрачивают былое значение, хореи становятся более частотными во второй половине XIX в., а трехсложники получают полноценное распространение только во второй половине XIX в. [8: с. 51, 63]. При этом в середине XIX в. поэты чаще обращались к амфибрахию, а к концу столетия из трехсложников на первый план выходит анапест, что становится актуальным в связи с Дк3. Анализ анакруз и междуударных интервалов Дк3 символистов доказывает, что метро-ритмические перебои происходили на основе анапеста: в 574 стихах (48,9 %) из 1173 дольниковых наблюдается двусложная (анапестическая) анакруза. Анапест стал метро-ритмическим «плацдармом» для «музыкальных» экспериментов символистов с междуударными интервалами и словоразделами.

Итак, преобладающие плавные ЖЖ, МЖ, ЖМ словоразделы в единстве с одним стяжением междуударного интервала и анапестической (либо переменной) анакрузой говорят о прочной связи символистского Дк3 с силлабо-тоническими трехсложниками, в первую очередь с анапестами. Напевная мелодика задается метро-ритмической инерцией, в контексте которой дольниковые перебои актуализируют отдельные лексемы и свидетельствуют о робком усилении акцентности и интонаций говорного стиха: «Вхожу я в темные храмы, // Совершаю бедный обряд. // Там жду я прекрасной дамы // В мерцаньи красных лампад...» [1: т. 1, с. 209–210]. Надо признать, что в Дк3 символистов конфликт метроритмики с мелодикой обозначился с «робкой» очевидностью, в большей степени отмеченное противоречие можно наблюдать в Дк4.

Статистика словоразделов, анакруз и междуударных интервалов в Дк4 символистов несколько иная. В Дк4 преобладающими становятся сочетания женских и мужских словоразделов — в 255 стихах (25 %), которые подтверждают общую тенденцию на метро-ритмический перебой в конце поэтических строк: «Ветви склонялись в мое окно» (Брюсов), «Утомленный, влюбленный, я жду тебя» (Блок). А вариации ЖЖЖ словоразделов с их напевной монотонией уходят на второй план (всего в 44 стихах из 372): «От света исходит радость моя» (Гиппиус). Все остальные варианты словоразделов — ДЖМ, МЖД, ДЖЖ, МДД и др. — в Дк4 символистов встречаются еще реже, подтверждая при этом значение увеличивающейся тоничности в стихе,

разрушающей напевную интонационность: «Ты кинулась вниз, на пустой гранит», «За древнюю сказку мертвым лечь» (Блок).

В символистском Дк4 в сочетании со словоразделами, которые свидетельствовали о значительной роли говорных интонаций, выступают также анакрузы и междуударные интервалы. Преобладающими в Дк4 символистов стали формы с переменной анакрузой — 20 стихотворений (74,1 %). В то же время в Дк4 становятся возможными двойные стяжения междуударных интервалов в строке, что символисты и использовали в 132 стихах (46,9 %), делая более «выпуклым» не стопу, долю, а само слово. И хотя единичные стяжения еще преобладали (53,1 %), но в единстве с переменной анакрузой в Дк4 все менее и менее явным становился метрический фундамент ритмического перебоя. Стяжение происходило на базе силлабо-тонических трехсложников, но амфибрахическая и анапестическая основы в символистском Дк4 находились примерно в одинаковых статистических соотношениях — ни один из «экспериментальных» метров не доминировал.

Потому и общие стихометрические тенденции можно зарегистрировать еще определеннее, чем в символистском Дк3: в Дк4 мелодические фигуры напевного стиха властно вытеснялись говорными и акцентными интонациями, еще больше обостряя конфликт ритмики и мелодики и приближая переходную форму к экспрессии декламационно-тонического стиха: «Девушка пела в церковном хоре // О всех усталых в чужом краю, // О всех кораблях, ушедших в море, // О всех, забывших радость свою...» [1: т. 2, с. 64–65]. В длинной строке символистского Дк4 начинала концентрироваться не столько лирическая, сколько повествовательная, «эпическая» энергия.

Установки символистов на освобождение от силлабо-тонического «диктата», лирическое новаторство, музыкальную экспрессию были общими, но найденные стихометрические формы — глубоко индивидуальными и максимально разнообразными. В метро-ритмическом многоголосии символистов трехударный дольник был самой нейтральной переходной формой, в которой в большей степени сохранялись интонационные традиции напевного стиха и силлабо-тонических трехсложников. В четырехударном дольнике и всех остальных экспериментальных формах стали преобладать говорные интонации, тоническая экспрессия слова, акцентная архитектура стиха. Путь от символистского Дк3 до декламационно-тонического стиха был недолгим: оставалось только освободить междуударный интервал от силлабо-тонической «скованности» в 1–2 слога и расширить его от 0 до 4 слогов — именно тогда поэтическая «лесенка» и привела русский стих к утверждению новой системы стихосложения.

И все же в данном контексте нельзя не отметить особую роль такого «незаметного», на первый взгляд, элемента стиха, как словораздел. Исследования в области экспериментальной лингвистики подтвердили выводы стиховедов, утверждавших, что на месте метро-ритмического перебоя, стяжения междуударного

интервала не происходит интонационного растяжения, выравнивания долей, ведущих к изохронности звучания стихов [4, 10]. Значит, любые вариации с междуударными интервалами способствовали усилению тоничности стиха. В то время как именно вариации словоразделов (их дактилических и женских разновидностей) с неуклонной силой «удерживали» в символистских дольниках напевные интонации, свидетельствуя об их связи с классической силлаботоникой и прежде всего монотонией трехсложных метров. Гаспаров, ссылаясь на работы Л. Щербы, справедливо отмечал: «Психологический центр слова — ударение. Узнавание слова подготавливается на предударных слогах, определяется на ударном слоге и подтверждается послеударными слогами. Поэтому предударные слоги несут большее психологическое напряжение, послеударные — меньшее: чем больше в стихе послеударных слогов, тем менее напряженно он звучит» [8: с. 166].

Таким образом, внутри корпуса стиха словораздел в творчестве символистов оказался наиболее «прочным» элементом поэтической речи, обеспечивающим возможности метро-ритмической преемственности и эволюционного развития стиха, что лишней раз доказывает, что «незначительных» элементов в искусстве не бывает — художественные приемы всегда содержательны [5, 6].

Анализ словоразделов доказал, что в творчестве символистов наметился конфликт между «классической» мелодикой и новаторской метроритмикой, что положило начало реформированию русского стиха на рубеже XIX–XX вв. Необходимо было привести к гармонии метро-ритмические инновации с новой мелодикой стиха (в том числе усилением мужских словоразделов), его интонационно-синтаксическим строем — тогда перед нами предстала бы завершенная модель реформирования силлабо-тонического стиха, новая система стихосложения, что и осуществилось в более явной форме в творчестве футуристов.

Символисты в сложном и длительном процессе реформирования классической версификации были первыми, их бесспорная заслуга заключалась в том, что они нашли тот элемент стиха, который бы наиболее эффективными путями привел к новым стихометрическим формам. Этим элементом оказалась метроритмика, структура междуударного интервала, тоничность стиха. Не случайно символистами был создан целый философский миф о «музыке» поэтического слова, в котором они с небывалой силой актуализировали категорию ритма.

«Ритм» символисты слышали в онтологии, социально-общественных движениях, национальной культуре, религиозной мистерии, духовно-нравственном преображении человека, революционных потрясениях эпохи — буквально все в мироздании, согласно эстетике символистов, было пронизано ритмическими импульсами. В «начале» был ритм, считали символисты, но и в «начале» стиха всегда были ритмические принципы организации речи, потому можно смело утверждать, что поиски инновационных метро-ритмических форм стиха велись символистами в глубочайшем единстве философско-эстетического содержания и стихотворной формы. Цельность художественной практики, поэтики

и эстетики стиха в наследии русского символизма навсегда останется главной и исключительной приметой национальной «модели» в контексте развития мирового символистского течения и вместе с тем типичной «жизнестроительной» особенностью отечественной словесности.

Библиографический список

Источники

1. Блок А.А. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1, 2. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932–1936. 293 с.; 244 с.
2. Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1973. 670 с.
3. Гиппиус З.Н. Соч.: Стихотворения; Проза. М.: Худ. лит., 1991. 666 с.

Литература

4. Афонина Н.Ю. Метрическая переменность, ее формообразующее и выразительное значение. АКД. Л., 1983. 18 с.
5. Баевский В.С. Числовые значения силы слогов в стихе альтернирующего ритма // Филологические науки. 1967. № 3. С. 50–55.
6. Васильев С.А. Образ Игумена земли Русской в поэме Т.К. Зульфикарова «Откровения Сергия Радонежского» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 21–27.
7. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. 319 с.
8. Гаспаров М.Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 488 с.
9. Голенцев-Кутузов И.Н. Словораздел в русском стихосложении // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 21–34.
10. Павлова В.И. Исследование стиха методами экспериментальной фонетики // Теория стиха. Л.: Наука, 1968. С. 211–217.

References

Istochniki

1. Blok A.A. Sobr. soch.: v 12 t. T. 1, 2. L.: Izd-vo pisatelej v Leningrade, 1932–1936. 293 s.; 244 s.
2. Bryusov V.Ya. Sobr. soch.: v 7 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1973. 670 s.
3. Gippius Z.N. Soch.: Stixotvoreniya; Proza. M.: Xud. lit., 1973. 666 s.

Literatura

4. Afonina N.Yu. Metrisheskaya peremennost', eyo formoobrazuyushhee i vy'razitel'noye znachenie. ACD. L., 1983. 18 s.
5. Baevskij V.S. Chislovyye znacheniya sily' slogov v stixе al'terniruyushhego ritma // Filologicheskyye nauki. 1967. № 3. S. 50–55.
6. Vasil'yev S.A. Obraz Igumena zemli Russkoj v poe'me T.K. Zul'fikatorova «Otkroveniya Sergiya Radonezhskogo» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 21–27.
7. Gasparov M.L. Oчерk istorii russkogo stixa. M.: Nauka, 1984. 319 s.

8. *Gasparov M.L.* Sovremenny'j russkij stix. Metrika i ritmika. M.: Nauka, 1974. 488 s.
9. *Golenishhev-Kutuzov I.N.* Slovorazdel v russkom stixoslozhenii // Voprosy' yazy'koznaniya. 1959. № 4. S. 21–34.
10. *Pavlova V.I.* Issledovaniye stixa metodami e'ksperimental'noj fonetiki // Teoriya stixa. L.: Nauka, 1968. S. 211–217.

S.A. Makarova

The Word Boundary in the Context of Russian Symbolists' Metro-Rhythmic Innovations

The landmark part of the symbolists' innovations was metro-rhythmic experiments alongside with complicated innovations connected with the «music» of lyrical verse, phonetic stylistic devices and melodies. Junctures and irregular rhythmic resulted in the emergence of verse new forms. It is crucial to bring clarity to the structure and variations of junctures in symbolists' verse accents, since the accentual verse firmed up together with spreading of verse accents.

Keywords: «musical» rhythmic; types of junctures; three-stress and four-stress verse accents; transition form; intra-stressed intervals.

**С.Ю. Воробьева,
Е.И. Воронов**

Демифологизация литературной среды в романе Е. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов”»¹

В статье проводится исследование социокультурного мифа советской эпохи, относящегося к литературной деятельности, в связи с чем вводится понятие «топос литературной среды» в качестве тематической константы, обеспечивающей преемственность мифа. Развивая высказанные ранее в ряде работ положения, авторы статьи видят в топосе литературной среды компонент, способный выполнять интегрирующую функцию в эстетически неоднородном литературном процессе XX в.

Ключевые слова: литературная среда; топос; демифологизация; метатекст; деэстетизация.

Мифологизация реальности, будучи одним из главных проявлений художественного сознания в искусстве и литературе XX в., обусловила устойчивый интерес науки к различным формам мифа и их проявлениям в тексте современной культуры. О тесной связи мифа и художественного творчества говорил еще Ф. Шеллинг, видя в мифологии необходимое условие и первичный материал для всякого искусства [22: с. 62]. Современная филология значительно расширила сферу возможных фиксаций проявления мифологического сознания, возведя его к «слову, высказыванию, коммуникативной системе, сообщению», считая современность «привилегированным полем для мифологизирования» [5: с. 72]. Согласно концепции Р. Барта, миф из орудия первобытного образного мышления превращается сегодня в инструмент политического воздействия [5: с. 130].

Среди отечественных исследователей (А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров) утвердилось мнение, что, воссоздавая в тексте модели личного и общественного поведения, миф позволяет читателю преодолеть социально-исторические и пространственно-временные ограничения ради постижения некоего универсально значимого содержания, задать универсальную «ценностную шкалу явлениям и отношениям, происходящим между человеком и окружающим миром» [13: с. 37], выполнив таким образом кроме гносеологической и коммуникативной еще и аксиологическую функцию.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00068.

С мифом тесно коррелирует понятие «топос», содержание которого также соотносится учеными с универсализмом образного мышления. Так, Ю.М. Лотман, связывал его структуру с возникающей в художественном произведении системой пространственных отношений, которая выступает в качестве языка для выражения других, *непространственных отношений текста* (курсив наш. — С. В., Е. В.) [14: с. 281]. Согласно утверждению В.Е. Хализева, топосы — это «константы всемирной литературы», составляющие «фонд преемственности, без которого литературный процесс был бы невозможен» [21 с. 106] и который уходит корнями в долитературную архаику и пополняется от эпохи к эпохе [21: с. 229]. А.М. Панченко, относя понятие «топос» к сфере риторики, тем не менее также указывает на его связь с национальной аксиоматикой [16: с. 236], видит в топике проявление поэтического и нравственного аспекта [17: с. 244].

В работах последних лет выявлен и описан целый ряд топосов, обеспечивающих, по мнению исследователей, преемственность фактов литературного процесса. Это топосы смерти [18], дороги [10], дома [11], детства [19], школы [15], сада, парка [8], конкретного города [20]. Таким образом, топос является актуальным понятием для современного литературоведения, одним из средств проявления мифологического сознания в произведениях различных эпох, реализующих различные эстетические концепции, соответствующие различным социальным «заказам».

Поиск органичной связи между основными пластами русской литературы XX в. — советской подцензурной, «официальной» литературы (в первую очередь соцреалистической), литературой русского зарубежья, «возвращенной» или задержанной и постперестроечной, представленной, в частности, постмодернистской парадигмой, — насущная задача современного отечественного литературоведения [3, 7, 9, 12, 23]. Топос литературной среды является, на наш взгляд, одной из универсалий, репрезентативной для отечественного культурного поля XX в. и вполне способной стать «скрепой», обеспечивающей единство исследовательского взгляда на литературный процесс XX в. Данный топос довольно регулярно и последовательно реализуется в качестве фабульно-тематического компонента литературных произведений XX в., вследствие чего литературная среда, не будучи магистральной для указанного периода темой, все же объединяет ее различные русла в один поток. Так, в рамках советской подцензурной литературы к этой теме обращались И. Бабель (рассказы «Вдохновение», «Мой первый гонорар», «Пробуждение», 1923–1924), Ю.Н. Тынянов (романы «Кюхля» (1925), «Смерть Вазир-Мухтара» (1928), «Пушкин» (частично закончен к 1936 г.)), В.Б. Шкловский («Зоо, или Письма не о любви», 1929), И. Ильф и Е. Петров (различные фельетоны, самые ранние из которых относятся к 1929 г.: «Бледное дитя века» и «Великий лагерь драматургов»), К.Г. Паустовский («Золотая роза», 1950); А.Т. Твардовский («За далью — даль», создавалась в 1950–1960 гг.), В.Г. Лидин («Люди и встречи», 1957), С.Я. Маршак (автобиографическая повесть «В начале жизни», 1960), В.Г. Распутин (повесть «Вниз и вверх по течению», 1972), В. Катаев

(«Алмазный мой венец», 1978), в чьих произведениях тема литературной среды реализуется прежде всего как социально значимая сила. В приведенных произведениях тематика литературной среды проявляет себя не столько через пространственно-временные координаты, сколько через аксиологические нормы, отсылая читателя к полузабытым и утраченным ценностям ушедших эпох. Не обошла эту тему стороной и «задержанная» литература (произведения М. Булгакова «Театральный роман» и «Мастер и Маргарита» (создавались в 1930-х гг.); пьеса Л.Г. Зорина «Римская комедия» (1965); роман-комментарий «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» Е. Попова (впервые опубликован в 1999 г., но содержание основан на рассказе 1974 г.)). Этот пласт произведений частично пересекается с русской постмодернистской литературой (роман А. Битова «Пушкинский дом» (создавался в 1964–1971 гг.), повесть «Ремесло» (1985) и очерки разных лет С.Д. Довлатова; повесть В. Войновича «Шапка» (1987); повесть А.И. Слаповского «Глокая куздра» (1990); роман Ю. Полякова «Козленок в молоке» (1995)), где литературная среда представлена с помощью приемов, выходящих за рамки реалистической эстетики.

Далеко не полный, но вполне внушительный список произведений позволяет судить о высокой степени релевантности темы литературной среды для отечественной литературы XX в. Актуальность ее изучения обусловлена как литературоцентричным характером отечественной культуры в целом, так и относительной независимостью данной темы от официозных идеологических конструктов, ограничивающихся, как правило, вниманием к категории авторства. Книга Е. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» (1997) видится нам вполне репрезентативным в этом отношении текстом.

Произведение представляет собой метароман [4] и имеет авторский подзаголовок «роман-комментарий». Оно открывается коротким рассказом «Зеленые музыканты», повествующим о судьбе молодого писателя Ивана Ивановича. Такое «блеклое», подчеркнуто немаркированное, с «нулевой» степенью ассоциативности имя главного героя задает определенный код всему повествованию, подчеркивая его игровой характер: «...под видом Иван Ивановича я практически самого себя описывал. А-а, вот почему я все время настаивал на том, что плохо его знаю. Опять же чтобы следы замести» [2: с. 100]. Сам рассказ, по собственным словам Попова, был создан еще в 1974 г. как самостоятельный текст [2: с. 93], что вполне соответствует фактам реальной биографии автора, так как в период с 1968 по 1976 г. он написал большое количество рассказов [1], некоторые из них действительно остались неопубликованными.

Стиль повествования нарочито прост и непритязателен, обнаруживается некоторое сходство с мовизмом В. Катаева. Основная часть романа — обширный автобиографический комментарий, погружающий читателя в атмосферу быта и культуры советского периода: «Я, например, из-за знаменитого горбачевского указа “Об усилении борьбы с алкоголизмом” два года был вынужден

гнать высококачественный самогон — не стоять же мне в очереди часами. Поэтому, когда М.С. Горбачев посетил в 1996 году Русский ПЕН-центр, чтобы “встретиться с писателями” и поругать Ельцина, я после его зажигательных речей на последовавшую за этим выпивку не остался. И вовсе не из-за политических соображений» [2: с. 176].

Такое применение «рамочного» текста ярко демонстрирует постмодернистскую тенденцию к изменению жанрового статуса прозы, когда «...рассказ о писателе становится простой условностью, “рамка” разрастается уже не только до самостоятельного сюжета, но составляет само существо романа» [3: с. 56]. Таким образом, рассказ «Зеленые музыканты», являясь, по сути, вставным эпизодом, функция которого — стать поводом для документальных воспоминаний якобы биографического автора об ушедшей эпохе. При этом некоторые комментарии, составляющие основную часть произведения, представляют собой небольшие, сжатые, но перенасыщенные фактами и действующими лицами рассказы. В силу этого сюжет романа в целом приобретает свойства ризомы, где тема литературной среды из основной превращается в одну из множества равноценных. Например, комментарий 222, посвященный первой супруге биографического автора, Е. Попова, содержит объемное воспоминание в повествовательной форме о первых днях брака [2: с. 150], комментарий 719 является практически полноценным эссе на тему бытового национального шовинизма [2: с. 288], а комментарий 197 содержит пространное воспоминание об улицах Красноярска [2: с. 140].

Иное дело — сюжет «центрального» рассказа, где тема литературной среды является главной. В нем изображен кружок литераторов-любителей «Кедровник», возглавляемый журналистом Василием Попугасовым. Имя персонажа, созвучное со словами «попугай» и «папуас», используется автором для обмана ожиданий читателя, так как его буффонадное звучание не находит прямой поддержки в сюжете. Герой выполняет роль проводника: как некий пародийный вариант Вергилия из «Божественной комедии» Данте, Попугасов проводит Ивана Ивановича в мир литературы, одобряя к печати его рассказ, а затем принимая в собственный литературный кружок [2: с. 25]. Он же, правда, уже неосознанно поспособствовал и выходу героя из мира литературы в повседневную реальность: порекомендовал ему употребить наркотик (анашу) с целью вдохновиться и уйти от рутины. Однако возникшая галлюцинация привела к обратному, заставив Ивана Ивановича осознать разницу между жизнью конформиста и бытием творца, следствием чего стал отказ героя от литературной деятельности и возникший в нем всепобеждающий интерес к материальному благоустройству своей жизни. Переломным моментом в галлюцинации для Ивана Ивановича стало зрелище мучений истинных творцов, которые в тексте названы «зелеными музыкантами», хотя в их облике отсутствует зеленый цвет, а сами они являются либо писателями, либо представителями самых разных видов искусства:

«...Это была (595)² какая-то странная, страшная, бесконечная (596), все той же серой омерзительной грязью (597) залитая площадь.

А там — о, Господи! Там, в серой омерзительной грязи молча корчились ОНИ. Иван Иванович сразу понял, что это — ОНИ. Они, те самые ЗЕЛЕННЫЕ МУЗЫКАНТЫ (618).

Лица их (619) были усталы, злы, напряженны. Нагие тела облеплены грязью. Молча корчились они и тянули руки, но народ безмолвствовал (620), народ кротко глядел вперед (621)» [2: с. 64].

Представленный в галлюцинации венец жизни конформиста напоминает травмированный вариант небесного рая у Данте: «И Голос указал (564) на СИЯЮЩУЮ ВЫСШУЮ СФЕРУ. Была она, эта сфера, конечно, тоже в виде каната, но такого широкого да такого удобного, что люди там просто уж даже и не плясали, и не ходили, а натурально блаженствовали (565)» [2: с. 61]. В итоге герой последовал именно за этим видением «рая», устранившись подобия «ада», уготовленного творцам при жизни.

Историю Ивана Ивановича, т. е. собственно фабулу рассказа, автор-повествователь узнает от Попугасова, о чем сообщает читателю в финале: «Так журналист и рассказал мне ее всю, идеологически правильно расставив акценты (878), дав верную оценку действиям, не утаив, как я уже говорил, даже крайне невыгодных для себя фактов и обстоятельств» [2: с. 86]. Таким образом, Попугасов берет на себя роль посредника-медиатора, транслирующего информацию уже в откорректированном виде. Покорность, с которой герой принимает эти искажения, говорит не столько о его природной доверчивости, сколько о готовности быть в меру инфантильным, принимать удобную для себя истину, поданную в готовом виде, и не стремиться к ее критическому осмыслению. Пустота сознания обывателя неизбежно порождает процесс его заполнения симулятивными истинами, поэтому «властителем дум» Ивана Ивановича становится не творец в образе «зеленых музыкантов», выстрадавший право говорить истину, а вполне приземленный стяжатель.

Эта мысль развивается и в описании литературного кружка, возглавляемого Попугасовым, представленного автором-повествователем как пустотное, энтропийное явление:

«У них даже выработался своеобразный кружковый ритуал. Василий Александрович стучал карандашиком по графину (184).

— Ну и что? Кедровник в сборе?

— В сборе, — шумели ребята.

— Растет?

— Растет (185)...

— Ну и начали...

Читали по кругу (186), кто чего за неделю насочинял. Судили, рядили (187), спорили» [2: с. 32].

² Здесь и далее в цитировании художественного текста присутствуют номера авторских метакомментариев, составляющих «рамочный» текст. Заключены в круглые скобки в оригинале.

Читатель узнает о не каких-либо художественных достижениях членов этого кружка, а лишь о его непосредственном быте. Заседания становятся самоцелью, а собственно литературное творчество уходит на некий дальний план.

Из безликой массы участников, составляющей кружок (безымянные школьники, рабочие, студенты и несколько лиц, о литературной деятельности которых так ничего и не будет известно, милиционер Геллер, врач Гусаков), читателю детально показаны лишь два персонажа. Во-первых, молодая поэтесса Ниночка: «Ох, и доставалось же иногда легкомысленной, а оттого и несколько безыдейной Ниночке от принципиального Ивана Иваныча.

— Но ведь это же стихи! Я — поэт (188). А поэт прежде всего обязан воспеть красоту (189), — оправдывалась Ниночка» [2: с. 32]. Тезис о красоте никак не раскрывается и не конкретизируется Ниночкой, что выражает ее наивное стремление к поверхностному эстетизму. Кроме того, по прошествии скорого времени она покидает кружок, так как находит себе мужа среди его участников, погрузившись также в сферу бытовой реальности.

Не менее карикатурен и второй персонаж — старик Суховерхов:

«— Ну уж это — тоже крайность (198), — возмущался Иван Иваныч. — Мне кажется, что вовсе не шириной брюк определяется умственный и общественный багаж человека (199).

— Ах, вам кажется? — трясясь от неизвестной злобы (200), говорил Суховерхов. — А мне кажется, что вот не было у нас в стране этой заразы (201), и жили мы замечательно (202). Пока не развели рокенролы на каждом шагу (203)!..» [2: с. 32]. В самой фамилии «Суховерхов» угадывается семантика закоснелого мышления и неразумной консервативности, не способной дать живых, «не сухих» побегов и плодов.

Персонажи выделяются, во-первых, своей дуалистичностью: внешней противоположностью (молодой — старый; женщина — мужчина) и внутренним абсолютным подобием друг другу, как нетворческие, приземленные личности. Во-вторых, обоих отличает очевидная масочность, карнавальная схематичность облика: карикатурно увлеченная внешней красотой девушка противопоставляется столь же карикатурно напыщенному старику, ведущему словесную борьбу против эфемерных стилей. Слово рыжий и белый клоун, два персонажа, несмотря на внешний контраст, функционально идентичны, а содержание их суждений о литературе приобретает свойства буффонадной декорации, подчеркивая общую фальшь и пустоту литературной среды. Образ «Кедровника» подвергнут автором «Подлинной истории» явной десакрализации, выступая фальшивой, псевдолитературной средой, существующей в тени великих традиций.

Е. Попов воспроизводит пространство советской культуры как художественный текст, созданный в соответствии с канонами соцреализма. Так, фрагменты художественного пространства в рассказе об Иване Ивановиче — редакция газеты, технологический институт, ткацкая фабрика, литературный

кружок — описаны как отдельные топосы, так как связаны с различными сферами официальной деятельности, и за их пределами ничего значимого будто бы не существует. В противоположность этому художественное пространство «Комментариев» автор конструирует по принципу «центр — периферия»: официальный центр с его идеологизированной несвободной культурой и фальшивыми ценностями противопоставлен более свободной периферии с ее талантливой народной культурой и субкультурой: «Не знаю, как в Москве, но в те времена в провинции взятки врачи не брали. Их “благодарили” — в основном коньяком, отчего многие из них начисто спивались. В городе К. имелись не просто хорошие, а, прямо нужно сказать, замечательные врачи. С детства помню доктора по фамилии Рафаэль. Многие из местных светил от греха подальше уехали из Питера и Москвы во время “космополитизма”, потому что почти все они, как и Рафаэль, были евреи» [2: с. 201].

Так как литературная жизнь связана с центром (редакция газеты, кружок), то демифологизация литературной среды происходит за счет травестийного обыгрывания самой идеи центра: в рассказе об Иване Ивановиче это происходит посредством карнавализации образов обитателей центра (Попугасов, Суховерхов и пр.), а в комментариях — прямым обличением: «Многие мои сверстники годами ждали, когда их напечатают, позовут, признают. Они сидели в кафе Дома литераторов, курили “Беломор”, и глаза их горели нехорошим блеском. Работать где-либо еще, на грязных работах, как это делали диссиденты, они решительно отказывались, и мне было жалко скорее не этих лбов, а их несчастных, зачуханных жен и голодных детей. Некоторые из них так и “сгнули под забором”, другие, часто с помощью КГБ, ссучились, стали “советскими писателями”, бросили старых жен и завели новых» [2: с. 180]; «Ненависть, ревность и взаимная злоба среди советских писателей не имели границ, как и у всякой челяди, добивавшейся «режима наибольшего благоприятствования» у барина» [2: с. 216]. Более того, в пережитой Иваном Ивановичем галлюцинации таким «центричным» символом стяжательской жизни становится сияющая сфера, к которой ведут нити и канаты. Символ же подлинного творчества («зеленые музыканты») обнаруживается в декорациях, свойственных периферии, т. е. на некоей площади и в грязи.

Отрицание Е. Поповым советской культурной парадигмы приобретает в романе тотальный характер и демонстрирует стремление автора наметить другую, субкультурную, систему ценностей: «Это и есть та самая духовность, когда ничего нет, кроме Духовности: билетов нет, автомобилей нет, одежды нет, лекарств нет, книг нет, баня раз в неделю» [2: с. 172]. Метатекстовые комментарии выполняют в романе функцию деструктуризации «советской» псевдоэстетики, ее снижения на формальном и содержательном уровнях. Топос литературной среды в «Подлинной истории...» демифологизируется таким образом дважды: он художественно травестируется в открывающем роман рассказе (Попугасов и его масочные последователи) и открыто обличается

в комментариях как явление, симулятивное по сути. Иными словами, топос литературной среды в романе-комментарии Е. Попова переживает процесс деэстетизации, выражая позицию автора, утверждающего несовместимость подлинного творчества и советской номенклатурной литературы, не признающего ее полноценной литературой, и исключая ее из литературного процесса.

Библиографический список

Источники

1. *Попов Е.А.* Веселие Руси. Рассказы. Ann Arbor: Ardis-Press, 1981. 160 с.
2. *Попов Е.А.* Подлинная история «Зеленых музыкантов». М.: Вагриус, 2003. 335 с.

Литература

3. *Абашева М.П.* Литература в поисках лица. Русская проза в конце XX века. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2001. 319 с.
4. *Барина Е.Е.* Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2008. 248 с.
5. *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. 616 с.
6. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
7. *Берг М.Ю.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 352 с.
8. *Замятина Е.В.* Садово-парковый топос в лирическом творчестве П.А. Вяземского и А.А. Дельвига // Молодой ученый. 2009. № 6. С. 100–104.
9. История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена: учеб. пособие / отв. ред. С.И. Кормилов. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 480 с.
10. *Крикливец Е.В.* Мифологическое пространство-время в повестях В. Астафьева и В. Козько: топос дороги // Вестник Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. 2010. № 1 (55). С. 86–90.
11. *Крикливец Е.В.* Социальные аспекты топоса дома в прозе В. Астафьева и В. Козько // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 2. С. 19–27.
12. *Курицын В.* Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. 1992. № 2. С. 225–232.
13. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
14. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство СПб, 1998. С. 14–285.
15. *Мокрушина О.А.* Топос школы в женской прозе 2000-х годов // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2014. Вып. 3. С. 161–169.
16. *Панченко А.М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–250.
17. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А.М., Живов В.М., Николаев С.И., Плюханова М.Б. и др. Из истории русской культуры /

сост. А.Д. Кошелев. Т. III (XVII – начало XVIII века) М.: Языки русской культуры, 1996. 624 с.

18. *Проданик Н.В.* Топосы смерти в лирике А.С. Пушкина // От текста к контексту: сб. науч. ст. / редкол.: д-р филол. наук, проф. А.А. Асоян и др. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 169–179.

19. *Рябцева Н.Е.* Топос детства в современной женской поэзии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2013. № 4. С. 140–144.

20. *Хабутдинова Н.Н.* Топос Казани в творчестве Аяза Гилязова // Филология и культура. 2012. № 1(27). С. 136–141.

21. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высш. шк., 1999. 110 с.

22. *Шеллинг Ф.* Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Интернет-ресурсы

23. *Глотов А.Л.* ...Иже еси в Марксе: (Русская литература XX века в контексте культового сознания) [Электронный ресурс]. URL: http://www.russofile.ru/articles/article_149.php (дата обращения: 10.09.2016).

References

Istochniki

1. *Popov E.A.* Veselie Rusi. Rasskazy'. Ann Arbor: Ardis-Press, 1981. 160 s.

2. *Popov E.A.* Podlinnaya istoriya «Zeleny'x muzy'kantov». М.: Vagrius, 2003. 335 s.

Literatura

3. *Abasheva M.P.* Literatura v poiskax licza. Russkaya proza v konce XX veka. Perm': Izd-vo PGPU, 2001. 319 s.

4. *Barinova E.E.* Metatekst v postmodernistskom literaturnom narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Bajtov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08; In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN. Novosibirsk, 2008, 248 s.

5. *Bart R.* Izbranny'e raboty': Semiotika. Poe'tika. М.: Progress, Univers, 1994. 616 s.

6. *Baxtin M.M.* E'stetika slovesnogo tvorchestva. М.: Iskusstvo, 1986. 445 s.

7. *Berg M.YU.* Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature. М.: Novoe lit. obozrenie, 2000. 352 s.

8. *Zamyatina E.V.* Sadovo-parkovy'j topos v liricheskom tvorchestve P.A. Vyazemskogo i A.A. Del'viga // Molodoj uchyony'j. 2009. № 6. S. 100–104.

9. Istoriya russkoj literatury' XX veka (20–90-e gg.). Osnovny'e imena: ucheb. posobie / otv. red. S.I. Kormilov. М.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1998. 480 s.

10. *Kriklivecz E.V.* Mifologicheskoe prostranstvo-vremya v povestiyax V. Astaf'eva i V. Koz'ko: topos dorogi // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.M. Masherova. 2010. № 1 (55). S. 86–90.

11. *Kriklivecz E.V.* Social'ny'e aspekty' toposa doma v proze V. Astaf'eva i V. Koz'ko // Vestnik Poloczskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Gumanitarny'e nauki». 2011. № 2. S. 19–27.

12. *Kuriczy'n V.* Postmodernizm: novaya pervoby'tnaya kul'tura // Novy'j mir. 1992. № 2. S. 225–232.

13. *Losev A.F.* Dialektika mifa. M.: My'sl', 2001. 558 s.
14. *Lotman YU.M.* Struktura xudozhestvennogo teksta // *Ob iskusstve*. SPb.: Iskusstvo SPB, 1998. S. 14–285.
15. *Mokrushina O.A.* Topos shkoly' v zhenskoy proze 2000-x gg. // *Vestnik Permskogo universiteta*. Ser. «Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya». 2014. Vy'p. 3. C. 161–169.
16. *Panchenko A.M.* Topika i kul'turnaya distanciya // *Istoricheskaya poe'tika*. Itogi i perspektivy' izucheniya. M.: Nauka, 1986. S. 236–250.
17. *Panchenko A.M.* Russkaya kul'tura v kanun petrovskix reform // *Panchenko A.M., Zhivov V.M., Nikolaev S.I., Plyuxanova M.B. i dr.* Iz istorii russkoj kul'tury' / sost. A.D. Koshelev. T. III (XVII – nachalo XVIII veka). M.: Yaz'yki russkoj kul'tury', 1996. 624 s.
18. *Prodanik N.V.* Toposy' smerti v lirike A.S. Pushkina // *Ot teksta k kontekstu: sb. nauch. st. / redkol.: d-r filol. nauk, prof. A.A. Asoyan i dr.* Omsk: Izd-vo OmGPU, 1998. S. 169–179.
19. *Ryabczeva N.E.* Topos detstva v sovremennoj zhenskoy poe'zii // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Ser. «Filologicheskie nauki». 2013. № 4. S. 140–144.
20. *Xabutdinova N.N.* Topos Kazani v tvorchestve Ayaza Gilyazova // *Filologiya i kul'tura*. 2012. № 1(27). S. 136–141.
21. *Xalizev V.E.* Teoriya literatury'. M.: Vy'ssh. shk., 1999. 110 s.
22. *Shelling F.* Filosofiya iskusstva. M.: My'sl', 1966. 496 s.

Internet-resursy'

23. *Glotov A.L.* ...Izhe esi v Markse: (Russkaya literatura XX veka v kontekste kul'tovogo soznaniya) [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.russofile.ru/articles/article_149.php (data obrashheniya: 1.09.1016).

S.Yu. Vorobyeva,
E.I. Voronov

Demythologization of Literary Environment in E. Popov's Novel «The True Story of “The Green Musicians”»

The paper contains a research of a sociocultural Soviet-age myth about personalities and organizations related to literary activities. Due to this, the concept of «topos of literary environment» is introduced as a thematic constant to provide continuity of the myth. The authors of the article develop some ideas from earlier studies and consider the topos of literary environment as a unifying component in the aesthetically heterogeneous literature process of XX century.

Keywords: literary environment; topos; demythologization; meta-text; marginalization.

Е.В. Коструб

Архетипический сюжет о Давиде и Голиафе в романах Джона Гришема

Архетипический сюжет о противостоянии Давида и Голиафа является одним из центральных жанрообразующих компонентов целого ряда юридических романов известного американского писателя Джона Гришема. В статье анализируется реализация данного сюжета на материале нескольких романов автора. Образ Давида, одерживающего победу над Голиафом, воплощается автором через образ адвоката-одиночки, противостоящего крупным юридическим фирмам, государственным службам США и несовершенствам законодательной и юридической систем страны.

Ключевые слова: архетипический сюжет; Давид и Голиаф; юридический роман; Джон Гришем.

Известный современный американский писатель Джон Гришем (John Grisham) (1955 г. р.) работает преимущественно в жанре юридического триллера. Тематика большинства его романов связана с юриспруденцией. Это прежде всего обусловлено тем, что автор работал адвокатом в области уголовного и гражданского права, и именно данная сфера деятельности до сих пор является для него источником вдохновения. Бесспорно утверждение о том, что личный жизненный и духовный опыт писателя, так или иначе, отражается в художественном мире созданных им книг [8: с. 11].

Все работы писателя относятся к произведениям массовой литературы, одна из особенностей которой заключается в необходимости соответствовать ожиданиям публики [10]. В своей монографии американский ученый-культуролог Джон Кавелти говорит о том, что определенные типы сюжетов массовой литературы, которую он называет «*formulae*» (формульной), представляют собой некую формулу, по сути являющуюся тем, что ряд ученых называют *архетипом*. Для написания удачной книги, по мнению ученого, необходимо использовать определенные архетипические образцы, воплощенные в индивидуальные образы, темы и символы и вписанные в рамки конкретных культур в определенный период [9: р. 39]. Социологи литературы отмечают, что массовая литература подчеркнута социальна, так как одним из обязательных элементов в ней выступает социальный критицизм, направленный на обличение таких явлений, как преступность, коррупция властей, проблемы общественного статуса [6].

Принимая во внимание вышесказанное, становится понятно, почему книги Дж. Гришема, переведенные более чем на 30 языков, чрезвычайно популярны

не только в США, но и во всем мире. Журнал *Publishers Weekly* официально объявил его самым продаваемым автором 1990-х. В интервью Дж. Гришем признается, что формула его успеха в том, что большинство героев его романов — обычные люди, оказавшиеся по воле обстоятельств один на один с «системой», под которой писатель подразумевает законодательный и юридический институты США, а также государственные структуры, такие как полиция и ФБР. В своих произведениях автор описывает современное американское общество, гражданам которого порой приходится бороться и добиваться справедливости вопреки существующим правилам и законам. По мнению писателя, эти правила и законы, созданные для защиты общества, как бы парадоксально это ни звучало, часто затрудняют торжество справедливости, а иногда и напрямую угрожают жизни граждан. Характерно, что те, кто призван бороться за «свободу и равенство, за невинность и чистоту, достаточно часто подавляют и угнетают тех, чьи взгляды противоречат их точке зрения» [5: с. 12]. Очевидно, такая позиция находит отклик у современного читателя, испытывающего недоверие к социальным институтам и силовым структурам, а также обеспокоенного коррупцией власти и своим бессилием перед бюрократией чиновников.

Основой сюжета многих романов Дж. Гришема, созданных в конце XX — начале XXI в., таких как «Фирма» («The Firm», 1991), «Золотой дождь» («The Rainmaker», 1995), «Уличный адвокат» («The Street Lawyer», 1998), «Серая гора» («The Gray Mountain», 2014) и ряда других, служит известный архетипический сюжет о поединке Давида и Голиафа, реализуемый в противостоянии главного героя силам могущественных корпораций, крупных юридических фирм или федеральных служб США.

Как известно, миф о Давиде и Голиафе восходит к Ветхому Завету (Первая книга Царств 17:1–53) [1]. Образ Давида, олицетворяющий в себе идеал храброго и уверенного в своих силах воина, — один из самых ярких библейских образов, который получает широкое распространение в литературе. Идея о том, что даже относительно слабый, но благородный человек способен противостоять изначально более сильному и ловкому противнику и выиграть в схватке, привлекала писателей во все времена. Например, сюжет поединка Давида с Голиафом мы находим в произведениях А.С. Пушкина (стихотворение «Певец Давид был ростом мал...»), С.Г. Фруга (стихотворение «Давид и Голиаф»), М. Гладуэлла (книга «Давид и Голиаф: Как аутсайдеры побеждают фаворитов»), Ж. Мессадье (роман «Царь Давид»), А. Пауля (драма «Давид и Голиаф»).

Известный отечественный ученый-филолог, изучавший архетипы в мировой литературе, Е.М. Мелетинский относит архетипический сюжет о Давиде и Голиафе к мотиву «мнимо низкого героя, героя, не подающего надежд, незаметно и постепенно обнаруживающего свою героическую сущность, торжествующего над своими врагами и соперниками» [7: с. 28]. На наш взгляд, это как нельзя точно отражает сущность образа персонажей многих произведений Дж. Гришема, где образ Давида реализуется, как правило, через

образ адвоката, сражающегося в суде за справедливость. При этом в нескольких из рассмотренных романов главный герой юн и неопытен («Фирма», «Золотой дождь», «Дело о пеликанах»), что ставит под сомнение вероятность его победы над более сильным противником, тем самым подкрепляя идею о герое «не подающем надежд», но тем не менее одерживающем в конечном счете победу.

Книги писателя можно условно разделить на две группы по принципу того, что именно побуждает персонажей к тем или иным действиям. К первой группе можно отнести романы, где главным героем является юрист, защищающий интересы простых людей («Золотой дождь», «Уличный адвокат», «Серая гора»). Чаще всего это молодой, амбициозный адвокат, который выглядит немного наивным в своем стремлении сделать мир вокруг себя лучше. Однако автор не пытается изобразить идеального героя, так как подобный персонаж был бы лишен реалистичности. Во всех романах, наряду с желанием помогать людям, героями движут амбиции, такие как признание своей профессиональной состоятельности, честолюбие, стремление к финансовому благополучию.

Ко второй группе принадлежат произведения, главный персонаж которых действует исключительно в своих личных интересах и манипулирует законодательной системой для обретения физической свободы или финансового благосостояния («Партнер» («*The Partner*», 1997), «Рэкетир» («*The Racketeer*», 2012)). На первый взгляд, подобные герои не соответствуют традиционному образу Давида в литературе, так как у них отсутствуют благородные мотивы. Однако, на наш взгляд, ключевой составляющей архетипического сюжета о Давиде и Голиафе является не столько благородство Давида, сколько идея противостояния сильного и слабого соперника, в котором победу одерживает последний. Таким образом, архетипический сюжет поединка Давида и Голиафа реализуется в романах Джона Гришема даже при том, что сами образы действующих лиц могут быть противоположными образам Давида и Голиафа в их традиционной интерпретации.

Для всех упомянутых выше романов характерно наличие главного героя, который практически в одиночку противостоит силам, значительно превосходящим его по численности, влиятельности и материальным ресурсам. При этом в качестве пращи «давидов» Джона Гришема выступает закон, а в качестве камней — возможность использовать его в своих интересах. Именно благодаря четкому следованию букве закона или, наоборот, с помощью манипуляций несовершенствами правоохранительной системы юрист Давид одерживает победу над «голиафами», в роли которых могут выступать крупные юридические фирмы, представляющие интересы табачных или страховых корпораций, государственные службы, такие как ФБР и ЦРУ, полиция, государственные чиновники и даже представители мафии. Отметим, что в большинстве случаев в качестве отрицательных персонажей выступают представители структур, призванных защищать общество и обеспечивать его функционирование. Но вместо этого данные организации вызывают у граждан скорее

недоверие, нежели чувство защищенности. Дж. Кавелти, исследуя природу вестерна и детектива, отмечал, что они «укрепляют представление о том, что истинная справедливость — дело рук личности, а не закона, показывая беспомощность и неэффективность механизмов правопорядка» [9: р. 44]. На наш взгляд, это утверждение применимо и для анализа большинства юридических романов Дж. Гришема. В своих произведениях писатель снова и снова обличает несовершенство законодательной и юридической систем США. Его герои одерживают победу в суде или находят выход из сложной жизненной ситуации, в которой они оказываются не по своей вине, не столько благодаря существующим законам, сколько вопреки им.

Одним из наиболее ярких примеров реализации архетипического сюжета о Давиде и Голиафе является роман «Золотой дождь». Главный герой романа, Руди Бейлор (Rudy Baylor), начинающий адвокат, берется за дело безнадежно больного юноши, жизнь которого можно было бы спасти, если бы страховая компания вовремя выплатила положенную ему страховку. Однако несмотря на то, что в конце книги Руди Бейлору удается добиться вердикта в пользу истца, нельзя сказать, что справедливость торжествует. Клиент, на стороне которого находятся симпатии читателей, умирает еще до начала судебного процесса. Страховая компания объявляет себя банкротом, освобождаясь тем самым от необходимости выплачивать компенсацию матери потерпевшего. А адвокат, разочаровавшись в системе американского правосудия, навсегда оставляет юридическую практику [4]. В то же время победа в суде адвоката-одиночки против сплоченной корпорации, обладающей почти неограниченными ресурсами, свидетельствует о потенциальной возможности выиграть дело в такого рода случаях, что дает надежду на будущее жертвам подобных обстоятельств.

Другим примером реализации образа Давида может служить Митч МакДир (Mitch McDeer), главный персонаж романа «Фирма». Молодой выпускник Гарвардской юридической школы, соглашаясь на работу в процветающей юридической фирме в Мемфисе, не подозревает, что ему придется работать на мафию. Сам МакДир родом из бедной семьи и не в состоянии устоять перед соблазнами, которые ему предлагают: хороший дом, внушительную для начинающего специалиста зарплату, дорогую машину. Однако начав работать, он понимает, что попал в преступное сообщество. Приняв предложение ФБР о сотрудничестве, Митч собирает доказательства о причастности нанявшей его фирмы к отмыванию денег мафии. В результате жизнь адвоката и его близких оказывается под угрозой [3]. Следует отметить, что в качестве антигероя в данном романе фигурируют не только фирма и мафия, но и ФБР, которые фактически путем шантажа заставляют МакДира подвергать свою жизнь опасности. Таким образом, в данном произведении противостояние Давида и Голиафа реализуется не как «Давид vs Голиаф», а скорее как «Голиаф 1 vs Давид vs Голиаф 2», т. е. речь идет о противостоянии нескольким противникам, каждый из которых значительно сильнее Давида-Митча.

Дж. Гришем дает прямую аллюзию на сюжет о противостоянии Давида и Голиафа в целом ряде своих романов. Впервые сравнение адвоката-одиночки, выступающего в суде против целой команды юристов из крупной фирмы, появляется в книге «Дело о пеликанах». В одном из последних романов Дж. Гришема — «Серой горе», отсылкой к данному архетипическому сюжету автор в диалоге двух главных персонажей объясняет стратегию поведения адвоката в зале суда:

«— Strayhorn and its insurance company will have a dozen dark suits swarming around their table. I like the contrast, just Lisa Tate and me.

— **David and Goliath**, huh?

— Something like that» [2: p. 142].

Один из центральных героев книги, адвокат Донован Грей, практически в одиночку борется против угольных компаний, которые в буквальном смысле стирают с лица земли целые горы в цепи Аппалачей и попутно уничтожают не только экосистему данного региона, но и подвергают смертельной опасности местных жителей. Дж. Гришем наглядно демонстрирует то, что данная модель поведения юриста привлекательна для присяжных (в роли которых невольно чувствует себя читатель) еще в «Золотом дожде», но спустя почти десять лет автор вновь доказывает, что образ не утратил своей актуальности.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что архетипический сюжет о противостоянии Давида и Голиафа выступает центральным сюжетообразующим компонентом многих романов Дж. Гришема. Большинство вышеперечисленных произведений писателя раскрывают такие недостатки судебной и законодательной систем США, как несправедливость, коррупция и жажда наживы, а также показывают полное безразличие общества к судьбе простого человека. Крупные корпорации, мафия, ФБР, полиция при этом выступают в качестве Голиафа, а образ Давида реализуется через образ центрального персонажа, которым чаще всего является адвокат. Данная концепция отражает авторское видение мира и его веру в то, что один человек способен и должен противостоять системе.

Библиографический список

Источники

1. Ветхий завет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/oldest/main.htm> (дата обращения: 10.09.2016).
2. *Grisham J. Gray Mountain*. New York: Doubleday, 2014. 384 p.
3. *Grisham J. The Firm*. New York: Dell, 2009. 560 p.
4. *Grisham J. The Rainmaker*. New York: Doubleday, 1995. 598 p.

Литература

5. Баранова К.М. Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1 (7). С. 8–13.
6. Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 80 с.

7. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
8. Солодовник В.И. Возвращение Идеала (о романах Н. Спаркса) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 1 (18). С. 10–15.
9. Cawelti J.G. Adventure, Mystery, and Romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 344 p.

Справочные и информационные издания

10. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А.П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. 584 с.

References

Istochniki

1. Vexij zavet [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/oldtest/main.htm> (data obrashheniya: 10.09.2016).
2. Grisham J. Gray Mountain. New York: Doubleday, 2014. 384 p.
3. Grisham J. The Firm. New York: Dell, 2009. 560 p.
4. Grisham J. The Rainmaker. New York: Doubleday, 1995. 598 p.

Literatura

5. Baranova K.M. Vedushhie lejtmotivy' rannej amerikanskoj slovesnosti i ix vliyaniye na sovremennuyu literaturu // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 1 (7). S. 8–13.
6. Gudkov L., Dubin B., Strada V. Literatura i obshhestvo: vvedenie v sociologiyu literatury'. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 1998. 80 s.
7. Meletinskij E.M. O literaturny'x arxetipax. M.: RGGU, 1994. 136 s.
8. Solodovnik V.I. Vozvrashchenie Ideala (o romanax N. Sparksa) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1 (18). S. 10–15.
9. Cawelti J.G. Adventure, Mystery, and Romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 344 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Literatura i yazy'k. Sovremennaya illyustrirovannaya e'nciklopediya / pod red. A.P. Gorkina. M.: Rosme'n, 2006. 584 s.

E.V. Kostrub

David and Goliath Archetype in John Grisham's Novels

The article focuses on the analyses of the way the David and Goliath archetype is realized in the novels of John Grisham. The detailed examination of several novels proves that the archetypal confrontation of David vs Goliath is depicted through the portrayal of a lawyer who almost single-handedly confronts the powerful lawyer firms, federal authorities and overcomes the shortcomings of the USA legal system. The article concludes that the plot of the David-Goliath myth is one of the central elements of the legal novels of the author.

Keywords: archetype; David and Goliath; legal novel; John Grisham.

О.Г. Чупрына

Дискурсивные особенности английского средневекового медицинского трактата

Статья посвящена проблеме развития англоязычного научного дискурса. В ней представлены некоторые результаты изучения среднеанглийского медицинского трактата Джона Ардерна «Fistula in Ano» как образца средневекового научного дискурса. Автор определяет основные способы актуализации категории авторитетности и достоверности и устанавливает их маркеры в этом тексте.

Ключевые слова: научный дискурс; средневековый медицинский дискурс; нарративные маркеры; интертекстуальные маркеры.

Актуальность и значимость изучения научных сочинений Средневековья не может быть подвергнута сомнению. С одной стороны, их изучение носит эпистемиологический характер, поскольку формирует знание об эволюции образа мысли человека, складывавшегося в результате постижения человеком окружающего мира и самого себя. С другой стороны, анализ этих сочинений позволяет проследить развитие и совершенствование ученого дискурса и стиля научного изложения. Современный научный дискурс отвечает определенным требованиям, обусловленным тем обстоятельством, что данный дискурс, как и сама «научная деятельность существует в системе норм и конвенционально установленных ориентиров» [4: с. 80]. Правила научной коммуникации — результат длительного развития письменной научной традиции, в которой каждый новый текст основывается на предшествующих трудах, получающих в дальнейшем ту или иную оценку в сочинениях научных последователей или противников. В более ранних работах намечается тенденция в использовании тех или иных языковых единиц, синтаксических моделей, которые впоследствии воспроизводятся в готовом или модифицированном виде в более поздних текстах. Таким образом, происходит отбор адекватных научной коммуникации языковых средств и способов изложения идей, которые всегда культурно и исторически обусловлены.

Труды античных философов и естествоиспытателей послужили основой западной науки в ее поисках принципов мироздания и канонизации способов представления научных идей. Изменения в научном стиле изложения и в самой философии научного развития, как указывают историки языка, могут быть подтверждены лингвистическим анализом [9].

Зарубежные лингвисты и прежде всего финские ученые во главе с Ирмой Таавитзайнен уже в начале 1990-х гг. получили возможность подробно описать научные сочинения Средневековья благодаря созданию корпуса среднеанглийских медицинских текстов [10]. Выполненные исследования имеют метадискурсивный характер. Они сфокусированы на изучении деонтической модальности медицинских текстов, способов представления в них мнения автора и его отношения к читателю, усилению достоверности излагаемых идей. Изучение собственно языковой составляющей текстов привело к выводу о преобладании в них фраз предписывающего характера, безличных и пассивных конструкций. Все это говорит в пользу воспроизведения в английских средневековых медицинских текстах образцов латинской научной традиции. Изучались не только академические тексты, но и, говоря современным языком, научно-популярные тексты, а также собрания рецептов. Ученые установили, что безличные конструкции соседствуют с изложением от первого лица, межличностными возражениями, изложением от лица пациента, а также с личными комментариями автора [9]. Таким образом, результаты исследований медицинских текстов Средневековья убеждают в том, что древний текст также может быть рассмотрен как «целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1: с. 136–137]. Подобный вывод указывает на несостоятельность утверждения о том, что термин *дискурс* не может быть применим к древним текстам [Ibid]. Подобно современному тексту, древний текст может быть рассмотрен как коммуникативная ситуация, поскольку за текстом всегда стоят автор или авторы (даже если их авторство документально не подтверждено), аудитория и совокупность значений, транслируемых автором и воспринимаемых аудиторией.

Сложность диахронического дискурсивного анализа состоит в том, что исследователь не имеет непосредственного доступа к социокультурному и психологическому контексту и лишен возможности наблюдать живую речевую стихию. Метадискурсивный анализ в значительной степени снимает эту проблему. Суть метадискурсивного анализа, как пишет К. Хайленд, состоит в концептуализации взаимодействия между создателями текстов и их текстами, с одной стороны, и между создателями текстов и их потребителями, с другой стороны [6: р. 1]. Ссылаясь на З. Харриса, включившего термин *метадискурсивный анализ* в научный оборот, он отмечает, что этот подход позволяет обобщить такие дискурсивные особенности текста, как уклончивые выражения (*hedges*), коннекторы, текстовые комментарии, и проследить,

как создатель текста развивает свое произведение, чтобы тем или иным образом воздействовать на реципиента [6: p. 3].

И. Таавитзайнен отмечает, однако, что без модификаций применить современные модели метадискурсивного анализа к ранним медицинским текстам невозможно. Она указывает, что интерпретации в соответствии с современным образом мышления часто вводят в заблуждение, а социоисторические факты противоречат ожиданиям исследователя [8: p. 436].

Применительно к английским средневековым текстам использование метадискурсивного анализа осложняется тем обстоятельством, что почти все тексты являются переводными, поэтому неясной может быть не только иллюкуция автора, но и иллюкуция переводчика. В этой связи, как пишет далее И. Таавитзайнен, не всегда понятно, кто стоит за личными местоимениями «I» и «he» [Ibid].

В предлагаемой статье излагаются некоторые результаты анализа английского трактата «Fistula in Ano» как образца научного медицинского дискурса Средневековья. Автор указанного текста — Джон Ардерн, известный врач-хирург XIV в., практиковавший в Англии. Сохранившиеся о нем сведения фрагментарны. Неизвестно, получил ли он образование в какой-либо медицинской школе на континенте, но его высокие профессиональные качества были неоспоримы. Как пишут историки [7], Ардерн, возможно, принимал участие в Столетней войне как военный хирург, хотя надежных подтверждений этого факта нет. Однако одно важное обстоятельство говорит в его пользу: в своем научном сочинении Джон Ардерн демонстрирует хорошее знание французской Гаскони и ее городов и перечисляет их не в географической последовательности, но в той последовательности, в какой в них заходили английские войска [Ibid]. По всей видимости, на войне он приобрел богатый опыт лечения свищей в анусе, поскольку это заболевание было в то время типичным для рыцарей, проводивших в тяжелой амуниции много времени в седле в холодную, сырую погоду и не имевших возможности соблюдать элементарные гигиенические правила. Трактат был написан в 70-х гг. XIV в. на латыни и довольно быстро был переведен на английский язык. У трактата есть и другое название — «Practica», поскольку помимо большого раздела, посвященного лечению фистулы, в нем есть разделы, посвященные другим видам болезней и лекарственным средствам. Как указывается в предисловии к изданию «Fistula in Ano», Ардерн писал на разговорной латыни и всякий раз, когда испытывал затруднения с каким-либо латинским словом, не колеблясь заменял его на английское [2]. «Fistula in Ano» представляет собой образец средневекового академического дискурса, для жанров которого, как замечают И. Таавитзайнен и П. Пахта, были характерны компиляции, комментарии, а также такой жанр, как *consilia and practica*, которые с современной точки зрения можно обозначить как *Case Studies* [9]. Поскольку рассматриваемое сочинение было специализированным, то следует предположить, что его читателями

были образованные и начитанные хирурги. Сам факт перевода трактата на английский язык говорит, с одной стороны, о распространении медицинского знания в Англии XIV–XV вв., а с другой — о становлении и развитии научного дискурса на английском языке.

В том, как в трактате строится изложение материала, можно увидеть зарождение некоторых правил современного научного дискурса. В первую очередь речь пойдет о способах и средствах выражения **категории авторитетности**, которая, по мнению В.Б. Кашкина, «является одной из важнейших для дискурсивного процесса» [3: с. 65]. Авторитетность — имманентное свойство коммуникации, поскольку коммуникация происходит не просто между адресантом и адресатом, но всегда включает личности, каждая из которых обладает разной степенью знаний, опыта, в том числе культурно-языкового, образованности и пр. В дискурсе категория авторитетности отражает доверие участников дискурсивного процесса к передаваемой информации и к друг другу. В речевом произведении она выражается при помощи определенных маркеров.

Применительно к письменной форме дискурса можно выделить нарративные маркеры категории авторитетности. К таковым относятся языковые средства, обозначающие и характеризующие автора или рассказчика. Так, Джон Ардерн представляется читателю как *Master John of Ardern*, фокусируя внимание не только на своем имени, но и на звании. Звание подтверждает ученость автора, а его включение в начало текста имеет своей целью подготовить читателя к серьезному восприятию материала. В латинском оригинале Джон Ардерн подтверждает свое авторство замечанием о том, что текст был написан им собственноручно. Оно также содержит дату и место создания текста: «*hunc libellum propria manu mea exaravi apud London anno, videlicet regis Ricardi 2di primo et etatis me lxx³*» («эту книгу собственной своей рукой написал в Лондоне в году, а именно в первый год царствования Ричард II и в семидесятый мой год» (перевод здесь и далее мой. — О. Ч.)). Таким образом, складывается информационная модель описания научного труда: *кто (автор, звание) — что (книга) — где (в Лондоне) — когда*, которая непосредственно относится к категории авторитетности.

Поскольку категория авторитетности выражает наиболее заметные отношения в обществе к ученым, научному труду и его результатам, то она оказывается тесно связанной с социокультурным контекстом. В социокультурном контексте, в котором бытовал медицинский дискурс Средневековья, одну из высоких ступеней во врачебной иерархии занимали «*Masters Surgeons*» («магистры хирургии»), которых также называли «*surgeons of the long robe*» («хирурги в длинных халатах») в противоположность «*surgeons of the short robe*» («хирурги в коротких халатах») или брадобреи [11: р. 62]. Можно предположить, что современники Джона Ардерна не только понимали значение

³ Все примеры приводятся по [2].

слова *Master*, но и интерпретировали его смысл адекватно статусу автора и интенции автора.

Категория авторитетности отражается в средневековом медицинском тексте в способе представления результатов лечебной деятельности врача. В рассматриваемом трактате это последовательное перечисление имен людей, которым Джон Ардерн помог избавиться от недуга. В перечне приводятся не только имена, но и титулы: герцог, сэр, лорд. Информационная насыщенность перечня должна убедить читателя не только в высоком профессионализме врача, но и в достоверности сведений. С этой целью Ардерн упоминает место и время оказанной им хирургической помощи. Например, «in the yere of oure lord 1370, I come to London, and ther I cured Iohn Colyn, **Mair** of Northampton» («в году 1370 от рождения нашего Господа я приехал в Лондон и там я вылечил Джона Колина, **мэра** Нортхамптона»). Важной информационной составляющей являются сведения о продолжительности лечения и продолжительности жизни пациента после операции: «within half a yere» («в течение полугода»), «aftirward ... he ledde a glad lif by 30 yere and more» («впоследствии он вел счастливую жизнь около 30 лет и больше»).

В дискурсивное пространство взаимодействия автора и читателя включается интеракционная модель *автор — третьи лица*. Она имеет ретроспективный характер и включает в себя изложение не только результатов опыта самого Джона Ардерна, но и опыта его пациентов до встречи с известным хирургом. Здесь важно заметить, что психологическим аспектом категории авторитетности является оценочное восприятие, которое в научном дискурсе может быть сформировано за счет противопоставления разных мнений, взглядов и подходов. Джон Ардерн противопоставляет собственный опыт, который представлен положительными результатами, и отрицательный опыт других хирургов. Противопоставление усиливает авторитетность Ардерна благодаря упоминанию не одного, но многих хирургов. Рассказывая о сэре Адаме, страдавшем от свища, автор не приводит конкретных имен, но использует определительное местоимение *all* и перечисляет большое число мест, куда сэр Адам отправлялся за *советом*: Gascone, Burdeux, Briggerac, Tolows, Neyrbon, Peuyters. Само противопоставление образуют утверждения «all forsoke hym» («все ему отказали») и «I helid hym» («я исцелил его»).

Достоверность утверждений о профессиональных знаниях, умениях хирурга, обоснованности его научных тезисов и практических инструкций создается за счет интертекстуальных маркеров. В широком смысле интертекстуальные маркеры представляют собой любые фрагменты авторского текста, которые автор обозначает как заимствования из чужого текста. Чужой текст не нарушает авторского изложения, но ассимилируется в нем и служит средством связи между излагаемыми фактами, отношением к изложению автора и ожидаемым отношением читателя к фактам и автору. Чужой текст достаточно часто встраивается в трактат как пересказ. В первую очередь это касается текста Евангелия. Так, Джон Ардерн пересказывает евангелический

сюжет о сыновьях Зеведеевых и их матери в той части сочинения, где говорит о пользе и необходимости принимать горькие лекарства. Пересказ выполняет двойную функцию: назидания и подтверждения справедливости требований хирурга.

В «Fistula in Apo» доверие читателей к тексту призваны сформировать высказывания, содержащие ссылки на Господа и Святого Духа. Бог как высшая инстанция служит самым надежным подтверждением в глазах читателя, хорошо знакомого с текстом Евангелия и знающего из него о Христе-целителе и чудесных излечениях им больных и немощных. Автор ссылается на Иисуса Христа в подтверждение своих слов: «Oure lord Ihesu y-blessid God knoweth that I lye not» («наш Господь Иисус пресвятой Бог знает, что я не лгу»). Автор использует клишированную фразу «oure lord be yng mene» («наш Господь заступник»), которая, как правило, следует за изложением успешных результатов лечения: «and did my cure to hum and, oure lord be yng mene» («и применил свое лечение к нему, наш Господь заступник») [2].

Как уже отмечалось, Джон Ардерн не получил университетской подготовки и, вероятно, изучал свою профессию как ученик или подмастерье. По всей видимости, данный факт биографии заставил ученого в подтверждение его компетентности назвать источником своих знаний и умений Иисуса Христа, который, как говорит Джон Ардерн, помог ему открыть новый метод лечения: «Therefore to the honour of god almy — ti that hath opned witte to me that I shuld fynde tresour hidde in the felde of studiers» («по этой причине честь Господу всемогущему, что он открыл разум для меня, что я должен найти сокровище, спрятанное среди ученых») [Ibid].

Приемом обоснования достоверности и надежности научных положений следует признать изречения целителей древности, мудрых людей и поэтов. Несмотря на то что в изданиях трактата, относящихся к XIX–XX вв., эти изречения приводятся в кавычках, на самом деле они не могут рассматриваться как цитаты, поскольку оформление интертекста с помощью кавычек появляется в английском языке не ранее XVI в. [5]. Ардерн не приводит ссылок на источник, что, также вероятно, еще не стало требованием научного дискурса XIII–XIV вв. Прецедентные имена сами по себе выступают в тексте как надежное подтверждение источника чужого текста. Они не носят орнаментальный характер и не служат иллюстрацией начитанности автора. Их назначение в убеждении практикующего или начинающего практиковать хирурга в надежности предлагаемого метода и достоверности всего того, о чем пишет Джон Ардерн. В начале трактата автор рассуждает о главенстве опыта над теорией и подтверждает их достоверность именами Авиценны, персидского философа и врача Средневековья и Галена, римского медика и хирурга I–II вв. н. э. Таким образом, авторитетность нового текста подтверждается авторитетностью текстов предшественников: «Auicen forsoþ seiþ, “experience ouercomeþ reson”; and Galienin Pantegni seiþ, “No man ... ow for to trust in reson

aloon but yit it be proued of experience”») («Авиценна воистину говорит: “Опыт превосходит рассуждение”; и Гален Пантегни говорит: “Никто не должен доверять одному рассуждению, но оно должно быть подтверждено опытом”») [2].

Маркерами текста, приписываемого неизвестному мудрецу или поэту, служат вводные предложения «for a wise man seith» («поскольку мудрый человек говорит»), «as seith a wise man» («как говорит мудрец»), «seif a versiflour» («говорит поэт»). Неопределенный артикль указывает на неопределенное лицо, что также свидетельствует о том, что точность информации об источнике высказывания неважна в анализируемом трактате. Употребление определенного артикля «for the wise man seith» ситуацию не меняет, поскольку мудрый человек не идентифицирован, так же как и не идентифицирован источник. Обезличенность эвиденциальных сведений отражается и в употреблении пассивной конструкции «it is seid» [2].

Достаточно часто чужой текст сопровождается его латинским вариантом. Поскольку исходный текст был написан на латыни, нет сомнений, что латинская фраза была сохранена переводчиком. По-видимому, сохраняя ее, переводчик руководствовался собственными представлениями об обязательных составляющих научного сочинения, к которым, по его мнению, относились латинские изречения. Также вероятно и то, что переводчик сохранял латинскую фразу из-за опасения неточной передачи фрагмента оригинального текста. Например: «as seith a wise man, “Ebrietas frangit quicquid sapiencia tangit”: ‘Dronkenes breketh what-so wisdom toucheth» («как говорит мудрец, “пьянство разрушает то, чего касается мудрость”») [2].

Как дискурсивное произведение, трактат «Fistula in Ano» предполагает установление взаимодействия между автором и читателем. Как пишет К. Хайланд, интеракционное (interactional) взаимодействие подразумевает включение читателя в дискурсивное пространство, управление степенью личностного присутствия в тексте. Функция подобного взаимодействия в предвосхищении, признании, оспаривании или замалчивании других точек зрения и взглядов [6: р. 43]. В средневековом трактате данную функцию выполняет вводное предложение «witte þou» («да будет вам известно; как вам известно»), после которого следует либо упоминание персонализированного или обезличенного источника знания: «And witte þou after Gilbertyne» («как вам известно из Жильбера»), «witte þou after all auctours» («как вам известно от всех авторитетных учителей»); либо придаточное предложение, вводимое союзом that: «witte þou here þat if þou may haue wormed it» («да будет вам известно, что если вы возможно разогрели это...») [2].

В создании взаимодействия с читателем участвуют и так называемые кодовые глоссы [6: р. 43], наиболее заметным примером которых в трактате является лексико-грамматическая модель «þat is to sey» («то есть, а именно»): «soueraune astronomiez and astrologiens, þat is to sey Ptholomeus, Pictagoras, Rasis, and Haly» («выдающиеся астрономы и астрологи, а именно Птоломей, Пифагор, Расис и Хали»).

Весь трактат написан от первого лица, местоимение *I* не только маркирует присутствие автора, но и помогает убедить читателя в честности автора. Оно также создает метадискурс восхваления. Автор не пользуется пассивными конструкциями или неопределенно-личными предложениями, когда речь идет о его практических достижениях. Всякий раз, когда Джон Ардерн пишет об успешных результатах проведенного им лечения или о своих умениях, он использует местоимение *I*: «All this forseid cured I afore the makynge of this boke» («всех этих упомянутых выше вылечил я до создания этой книги»); «I am ofte tymes expert» («очень часто я являюсь знатоком»).

Подытоживая проведенный анализ, следует сказать, что трактат «Fistula in Ano» представляет собой образец английского средневекового научного дискурса. Познавательный потенциал, которым он наделен, сосредоточен не столько в самом тексте, сколько за его пределами: в социокультурном контексте, личности автора, предполагаемой аудитории, характере устанавливаемых отношений между автором, текстом и читателем. В трактате различимы такие дискурсивные особенности, как нарративные маркеры авторитетности и интертекстуальные маркеры достоверности. Не будет преувеличением сказать, что информационная модель описания научного труда *кто – что – где – когда* уже присутствовала в средневековом научном дискурсивном пространстве.

Библиографический список

Источники

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. 685 с.
2. *Arderne J. Treatises of fistula in ano: haemorrhoids, and clysters* [Электронный ресурс]. URL: <http://name.umdl.umich.edu/ArderneFistula> (дата обращения: 10.09.2016).

Литература

3. *Кашкин В.Б.* Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.
4. *Чернявская В.Е.* Ценностные ориентиры научной деятельности: бескорыстие исследователя или экономизация науки? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 80–86.
5. *Finnegan R.* Why Do We Quote? The Culture and History of Quotation. Cambridge: Open Book Publishers, 2011. 327 p.
6. *Hyland K.* Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. Bodmin, Cornwall: MPG Books Ltd., 2005. 229 p.
7. *John of Arferne.* Medical Treatises. England: c. 1475–150. Sp Coll MS Hunter 251 (U.4.9) [Электронный ресурс]. URL: <http://special.lib.gla.ac.uk/exhibns/month/may2006.html> (дата обращения: 10.09.2016).
8. *Taavitsainen I.* Audience Guidance and Learned Medical Writing in Late Medieval English // *Advances in Medical Discourse Analysis: Oral and Written Contexts* / Eds. M. Gotti, F. Salage-Meyer. Bern: Peter Lang AG, 2006. P. 431–457.

9. *Taavitsainen I., Pahta P.* Corpus of Early English medical writing 1375–1750. [Электронный ресурс]. URL: <http://clu.uni.no/icame/ij21/irma.pdf> (дата обращения: 10.09.2016).

10. The Corpus of Early English Medical Writing (1375–1800) — a register-specific diachronic corpus for studying the history of scientific writing // *Studies in Variation, Contacts and Change in English* Volume 14. Principles and Practices for the Digital Editing and Annotation of Diachronic Data/Eds. A. Meurman-Solin, J. Tyrkkö [Электронный ресурс]. URL: http://www.helsinki.fi/varieng/journal/volumes/14/taavitsainen_pahta (дата обращения: 10.09.2016).

11. *The Fine Arts, Neurology, and Neuroscience: Neuro-Historical Dimensions* / Eds. S. Fisher, D.W. Zaidel, F. Boller, J. Bogousslavsky. Amsterdam: Elsevier, 2013. 285 p.

References

Istochniki

1. Bol'shoj e'nciklopedicheskiy slovar'. Yazy'koznanie / pod red. V.N. Yarcevoj. M.: Bol'shaya Ros. e'nciklopediya, 1998. 685 s.

2. *Arderne J.* Treatises of fistula in ano: haemorrhoids, and clysters [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://name.umdl.umich.edu/ArderneFistula> (дата обращения: 10.09.2016).

Literatura

3. *Kashkin V.B.* Vvedenie v teoriyu diskursa. M.: Vostochnaya kniga, 2010. 152 s.

4. *Chernyavskaya V.E.* Czennostny'e orientiry' nauchnoj deyatel'nosti: beskory'stie issledovatelya ili e'konomizaciya nauki? // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2014. № 3 (15). S. 80–86.

5. *Finnegan R.* Why Do We Quote? The Culture and History of Quotation. Cambridge: Open Book Publishers, 2011. 327 p.

6. *Hyland K.* Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. Bodmin, Cornwall: MPG Books Ltd., 2005. 229 p.

7. *John of Arferne.* Medical Treatises. England: c. 1475–150. Sp Coll MS Hunter 251 (U.4.9). [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://special.lib.gla.ac.uk/exhibns/month/may2006.html> (дата обращения: 10.09.2016).

8. *Taavitsainen I.* Audience Guidance and Learned Medical Writing in Late Medieval English // *Advances in Medical Discourse Analysis: Oral and Written Contexts* / Eds. M. Gotti, F. Salage-Meyer. Bern: Peter Lang AG, 2006. P. 431–457.

9. *Taavitsainen I., Pahta P.* Corpus of Early English medical writing 1375–1750 [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://clu.uni.no/icame/ij21/irma.pdf> (дата обращения: 10.09.2016).

10. The Corpus of Early English Medical Writing (1375–1800) — a register-specific diachronic corpus for studying the history of scientific writing // *Studies in Variation, Contacts and Change in English* Volume 14. Principles and Practices for the Digital Editing and Annotation of Diachronic Data / Eds. A. Meurman-Solin, J. Tyrkkö [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.helsinki.fi/varieng/journal/volumes/14/taavitsainen_pahta (дата обращения: 10.09.2016).

11. *The Fine Arts, Neurology, and Neuroscience: Neuro-Historical Dimensions* / Eds. S. Fisher, D.W. Zaidel, F. Boller, J. Bogousslavsky. Amsterdam: Elsevier, 2013. 285 p.

O.G. Chupryna

Discourse Features of English Medieval Medical Text

The article is focused on the problem of English scientific discourse development. It comprises some results of the study of the Middle English medical text «Fistula in Ano» by John Arderne which is considered as a sample of Middle English medical discourse. The author specifies how the categories of authority and validity are represented in the text; their markers in the text are also identified.

Keywords: scientific discourse; Medieval medicine discourse; narrative markers; intertextual markers.

Л.В. Фадеева

Апозиопеза как стилистическое средство редукции синтаксической структуры предложения в современном немецком языке

Статья посвящена детальному анализу апозиопезы как стилистического средства создания синтаксической выразительности предложения в современном немецком языке. Классифицируются функционально-стилистические возможности прерванных синтаксических конструкций. Выявляются отличия апозиопезы/прозиопезы от других стилистических средств, связанных с изменением структуры предложения.

Ключевые слова: синтаксическая выразительность; апозиопеза/прозиопеза; прерванные синтаксические конструкции; эллипсис.

В синтаксической стилистике существуют фигуры, нарушающие структурную полноту и смысловую завершенность высказывания. Редукция (усечение) синтаксической структуры связана с опущением одного или нескольких необходимых членов предложения. *Апозиопеза* (греч. ἀποσιώπησις — сокрытие, утаивание; нем. Aposiopese, Satzabbruch) как усеченная конструкция или незавершенное, недоговоренное, внезапно прерванное высказывание давно известна в стилистике, но как прием повышения выразительности синтаксических структур сравнительно недавно стала объектом специального лингвистического исследования [8: с. 35].

Сознательная незавершенность высказывания, которая порождает неясность смысла и ведет к усилению выразительности, является сутью риторического приема *умолчания*. Начатая речь прерывается в расчете на догадку слушающего или читателя, который должен мысленно ее закончить: «Художественный смысл умолчания состоит в том, что несказанное оказывается важнее, значимее сказанного» [11: с. 113]. Разновидностями художественного приема умолчания выступают: аллюзия (ассоциативная отсылка к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности), эмфатическое цитирование (использование части фразеологизма или крылатых слов, известных собеседнику как целое) и апозиопеза (апосиопезис, апозиопеза, апосиопеза) / прозиопеза.

Стилистический прием апозиопезы представляет собой внезапный обрыв мысли в середине высказывания или недоговаривание ее до конца из-за резкого изменения коммуникативной интенции говорящего, наплыва чувств, неосведомленности или, напротив, нежелания называть вещи своими именами и т. д.

Графически данное явление оформляется многоточием либо тире, возможны вопросительный и восклицательный знаки, в устной речи сопровождается особой интонацией.

Германские лингвисты, наряду с терминами *Aposiopesis* и *Satzabbruch*, используют для обозначения синтаксического явления усечения такие понятия, как *Redeansatz*, *Redeabbruch* и *Formulierungsabbruch* [15: S. 910, 1239]. Соответствие приведенным терминам в русском языке трудно подобрать, так как они применяются для обозначения не только начатых и внезапно прерванных синтаксических конструкций, но и тех, что были все же завершены, несмотря на возникшее затруднение. Причиной, нарушающей синтаксическое построение в устной речи, на наш взгляд, может служить несвоевременная смена ролей, например, преждевременное вступление в диалог собеседника. В ходе непосредственного речевого акта устные высказывания появляются спонтанно, у говорящих зачастую нет времени на обдумывание и выстраивание логической последовательности, что нередко приводит к синтаксической несогласованности членов предложения (анаколуф, нем.: *Anakoluth*, *Konstruktionsbruch*, *Konstruktionsmischung*) [7: с. 38]. Такое коммуникативно значимое грамматическое рассогласование в процессе порождения высказывания может остаться незамеченным или быть допущенным говорящим умышленно для придания фразе характерной остроты (например, в бытовой речи или в речи взволнованного человека).

Усеченные конструкции функционируют в конкретных (устных и письменных) речевых актах и отличаются разной степенью смысловой незавершенности. Апозиопеза может выражать как вполне определенную информацию, вплоть до однозначной, так и неопределенную, допускающую несколько вариантов осмысления. Рассмотрим функционирование апозиопезы в конкретной ситуации устного речевого акта на материале творчества современных немецкоязычных писателей П. Штамма и Т. Бруссига.

Так, в рассказе П. Штамма «Поцелуй» взрослая дочь предлагает пожилому отцу, приехавшему погостить, варианты совместного отдыха, которые не вызывают у него интереса, поэтому ее высказывание остается незавершенным. Даже очень приблизительное восстановление невербальной части прерванной фразы представляется весьма затруднительным из-за большого разнообразия возможных вариантов: «Was wollen wir machen? Wir können ein Stück mit dem Zug fahren und dann...¹ Aber er wollte wieder durch die Schlucht» [4: S. 150].

Автор может сознательно не до конца выражать мысль, предоставляя читателю или слушателю самому догадаться о невысказанном. Опора на контекст, окружающий апозиопезу, создает относительную смысловую определенность незавершенного предложения. Характерный пример данного явления мы также находим в рассказе П. Штамма «Эксперимент»: «Eine

¹ Здесь и далее многоточия авторские.

Inderin, Yotslana. Sie hat das schönste schwarze Haar, das du dir vorstellen kannst. Und Augen...» [4: S. 129].

Лексическое наполнение базового предложения, предшествующего апозиопезе, создает смысловую определенность недоговоренной части высказывания, которая усиливается за счет невербальной составляющей речи. Так, в романе Т. Бруссига «Герои вроде нас» читаем: «Ein Schüler der 3. Klasse als Experte für akustische Experimente! Was würde mein Vater dazu sagen? Ein Vater, der so wenig an mich glaubte, daß er sich nicht mal der Anstrengung unterzog, einen vernichtenden Satz wie “Ach, aus dem Jungen wird doch nichts!” zu Ende zu bringen; er winkte nach den Worten “Ach, aus dem Jungen...” immer nur resignierend ab» [1: S. 10]. Таким образом, прерванное предложение рассматривается как своеобразный трансформ исходного полного предложения, полученный в результате усечения части синтаксической структуры [6: с. 9].

Апозиопеза характерна для разговорной немецкой речи, где велика доля окказиональной и персонально-личностной составляющей, а форма выражения не является доминантой. Говорящий может прервать высказывание, не желая озвучивать мысль до конца, называть вещи или обстоятельства, вполне очевидные для участников беседы, или соблюдая общепринятые социальные нормы, например, из чувства неудобства.

Отечественный германист В.Д. Девкин отмечает необходимость проводить принципиальное разграничение между несвязанной речью (Stammeln) и узуальными моделями сознательного сокращения высказывания с переключением на имплицитность. «Многие “речевые осколки” отражают несформированность мысли, то, что суждение еще не состоялось. Логические связи и отношения еще не созрели в сознании, а потому и не нашли должного четкого выражения» [10: с. 89]. Например: «Es hat keine Bedeutung mehr. Und trotzdem... sollst du wissen... möchte ich dir sagen...» [3: S. 196].

По мнению В.Д. Девкина, никакой «экономии», сжатия состава предложения или обдуманного сокращения в данном случае не может быть, поскольку мысль пока не родилась полностью. Все речевые «недоделки», элементы несформировавшейся мысли «спасают» додумывание, «доделка» слушающим, когда исходят не из реальной картины, а из идеальной, воображаемой.

В ситуации письменного речевого акта (в художественном и публицистическом стилях) апозиопеза как стилистический прием используется сознательно и выполняет характерологическую функцию. Усеченные синтаксические конструкции рисуют речевой портрет персонажа, характеризуют его с какой-либо определенной стороны. Во-первых, апозиопеза показывает специфику устного говорения автора речи, ее ситуативность, неподготовленность и слабооформленность, во-вторых, служит достижению выразительного эффекта высказывания, сообщает различные эмоции и эмоциональные состояния говорящего. В этом случае апозиопеза служит средством выражения эмоционального тонуса адресанта, сигналом его взволнованного состояния. На материале произведений современных немецкоязычных

писателей выделим ведущие функции апозиопезы в ситуации письменного речевого акта.

Реализация *изобразительной (эстетической)* функции усеченных конструкций связана не столько с описанием субъекта речи, сколько с передачей обстановки разговора или обстановки его восприятия. Введение в речь усеченных конструкций способствует возникновению или усилению наглядно-образных представлений, помогает избежать излишней детализации описания, устранить из высказываний говорящего всё несущественное с точки зрения задач его характеристики или описания ситуации. Например, в романе «Герои вроде нас» Т. Бруссиг описывает диалог родителей о сыне: «Irgendwann ging es mir in Fleisch und Blut über, all meine Verfehlungen als Steckbrief zu reflektieren: Gesucht wegen Nichtabschließens der elterlichen Wohnung... Tot oder lebendig!

Sie, barmend: “Eberhard...”

Er, trotzig: “Wie oft hast du ihm gesagt...”

Sie: “War doch nicht mit Absicht...”

Er: “Als ob das...”

Sie: “Tut er ja nicht wieder...”

Er: “Wie oft hat er das schon...”» [1: S. 34–35].

Высказывания с высокой степенью смысловой неопределенности невербализованной (недоговоренной) части реализуют в речи персонажей художественных произведений функцию *имитации аффективной разговорной речи*. В рассказе П. Штамма «Пылающая стена» герой затрудняется передать словами яркость своих ощущений от выполнения сложных цирковых трюков: «Die Bretter bersten, das brennende Holz fliegt durch die Luft. Das ist wie, wie...

“Das ist das Schönste überhaupt”.

“Du bist verrückt”, sagte Manuela.

“Verstehst du denn nicht”, sagte Henry. “Das ist wie...”» [4: S. 27].

Следующая функция апозиопезы — *создание подтекста* — характерна прежде всего для высказываний, смысловая незавершенность которых компенсируется их наличным составом и окружающим контекстом. Такую апозиопезу можно считать разновидностью приема умолчания. Деметрий Фалерский (354–283 гг. до н. э.) так писал об этом риторическом приеме: «Умолчание часто включает в себе некоторую силу. Мало того, даже неясность: недосказанное производит более сильное впечатление, а к тому, что пространно выражено, относятся с пренебрежением» [5: с. 303]. Такие конструкции апозиопезы в письменном речевом акте современного немецкого языка служат активизации воображения адресата, рефлексии. Например, в автобиографическом романе «Луковица памяти» Г. Грасс использует апозиопезу в целях активации воспоминаний о детстве: «Zumeist sind es Gegenstände, an denen sich meine Erinnerung reibt, das Knie wundstößt oder die mich Ekel nachschmecken lassen: Der Kachelofen... Die Teppichklopfstangen auf den Hinterhöfen... Das Klo in der Zwischenetage... Der Koffer auf dem Dachboden... Ein Stück Bernstein, taubeneigroß...» [2: S. 10].

В определенном контексте апозиопеза как прием, основанный на умолчании, может выполнять *манипулятивную* функцию. Литератор, пользующийся таким стилистическим приемом, ограничивается намеком. Апозиопеза вводит в речь многозначительность, побуждает другую сторону к домысливанию, подчеркивает несоразмерность глубины якобы заложенной мысли со скромностью самого выражения.

В нежелании называть вещи своими именами, стремлении выразить мысль не прямо, а намеком, проявляется другая функция апозиопезы — *эффемистическая*. Осуждая поступок главной героини романа Т. Хюрлимана «Сорок роз», настоятельница монастыря говорит: «Uns liegt ein Antwortschreiben eines gewissen Meier vor. Es beweist, daß Sie sich diesem Manne dargeboten haben wie eine ... wie eine schamlos schmutzige ... Sie kennen das Wort; für uns existiert es nicht» [3: S. 151].

Усеченные конструкции могут выполнять также функцию своеобразного *композиционного «переключателя»* [13: с. 103], обеспечивая естественность, мотивированность перехода из одного повествовательного плана в другой. Так, в диалоге героев романа Г. Грасса «Луковица памяти» апозиопеза «переключает» тему повествования: «Ich sagte: “Also, wenn dich mein Lagerleben unter Bayerns Himmel nicht interessiert...”

Sie drauf: “Na, erzähl schon...”» [2: S. 420].

При переходе от одного композиционного звена к другому апозиопеза выполняет роль интригующей, активизирующей внимание читателя (слушателя) связки и реализует функцию *привлечения внимания*, например, в эпизоде решения отца о будущем дочери (роман Т. Хюрлимана «Сорок роз»): «Er hat uns gewissermaßen ein Ultimatum gestellt. Entweder bist du bereit, in ein Pensionat zu gehen... /Oder?/ Oder wir verreisen» [3: S. 104].

Умолчание об очевидном может быть использовано как прием языковой игры, творческое экспериментирование, где множество условных «подстановок» создают неограниченное количество свободных вариаций. Т. Бруссиг в романе «Герои вроде нас» использует в диалоге родителей о сыне апозиопезу, построенную на основе приема языковой игры. Цель такой апозиопезы не увеличение экспрессивности высказывания, а создание эмоциональной недосказанности. Автор придает синтаксическому построению напряжение, побуждает к домысливанию. Тем самым он реализует функцию *эмоционального воздействия* родителей на сына, который присутствует при разговоре: «Ich bitte Sie, ich wurde nie geschlagen oder angeschrien, und selbst wenn ich bestraft werden sollte, mußten meine Eltern wie in jedem Schwurgerichtsprozeß zu einem einstimmigen Urteil kommen, was manchmal gar nicht so einfach war.

Sie: “Wir müssen doch nicht immer so streng...”

Er: “Willst du durchgehen lassen...”

Sie: “Aber wenn er verspricht...”

Er: “Ja, soll er davonkommen, ohne...” [1: S. 36–37].

Апозиепе́за широко представлена во внутренней речи героев художественных произведений. Внутренняя речь, обращенная индивидуумом к самому себе, отражает рефлексии по отношению ко всему, что его волнует, например, к событиям своей прошлой жизни, как в романе Г. Грасса «Луковица памяти»: «Doch Klagen wie, ach hätte ich doch einen standhaften Vater wie Wolfgang Heinrichs gehabt und nicht einen, der bereits sechsunddreißig, als im Freistadt Danzig der Zwang noch mäßig war, in die Partei eintrat, sind billig und haben als Echo allenfalls jenes Gelächter zur Folge, das der Spötter in mir freigibt, sobald vergleichbare Ausreden laut werden: Hätten wir damals... Wären wir damals...

Aber ich habe nicht, bin nicht» [2: S. 25–26].

В ситуации письменного речевого акта апозиепе́за может служить средством создания несобственно-прямой речи, совмещения субъектных планов повествователя и персонажа. Данный прием применяется в художественной литературе и публицистике, когда автору нужно показать героя как бы изнутри, дать читателю услышать его внутренний голос. Например, при описании внутреннего монолога главной героини романа Т. Хюрлимана «Сорок роз»: «Nein, sie wollte jetzt nicht an Oskar denken. Oder an Adeles Neugier. Oder an das Geschwätz im Städtchen, die reden immer, hocken in der Tankstelle, verfolgen das An- und Abfahren der Autos und lassen sich vom Briefboten die Neuigkeiten des Tages erzählen, die immergleichen Geschichten vom Werden und Welken, vom Kommen und Gehen...

Vorfahren.../Nachfahren.../Autoauto, Autoauto...» [3: S. 116].

Апозиепе́за нередко вступает в конвергенцию с другими стилистическими приемами. Например, в романе Г. Грасса «Луковица памяти» отрывочные воспоминания автора предстают перед читателем в виде целого ряда апозиепез, которые взаимодействуют с анафорой (die Anapher) и перечислением (die Aufzählung): «Schon ist widerlegt, was jeweils auf Wahrheit bestehen will, denn oft gibt die Lüge oder deren kleine Schwester, die Schummelei, den haltbarsten Teil der Erinnerung ab; niedergeschrieben klingt sie glaubhaft und prahlt mit Einzelheiten, die als fotogenau zu gelten haben: Das unter der Julihitze flimmernde Teerpappendach des Schuppens auf dem Hinterhof unseres Mietshauses roch bei Windstille nach Malzbonbon...

Der abwaschbare Kragen meiner Volksschullehrerin, des Fräulein Spollenhauer, war aus Celluloid und schloß eng, daß ihr Hals Falten warf...

Die Propellerschleifen der Mädchen sonntags auf dem Zoppoter Seesteg, wenn die Kapelle der Schutzpolizei muntere Weisen spielte...

Mein erster Steinpilz...

Als wir Schüler hitzefrei hatten...

Als meine Mandeln schon wieder entzündet waren...

Als ich Fragen verschluckte...» [2: S. 9].

Последовательное перечисление отдельных обрывков воспоминаний автора романа не только служит средством выразительности, приемом создания фотографической точности описания, но и структурирует повествование,

упорядочивает его многослойность, сближая его тем самым по манере изложения с простой спонтанной речью.

Усеченным синтаксическим структурам присуща естественная выразительность, поэтому их введение в речь способствует созданию эффекта интимизации, рекламности, усилению субъективно-модальных значений [9: с. 478–479]. Апозиопеза может быть успешно использована в ораторской речи, в деловой беседе неформального характера. Для официально-делового и научных стилей усеченные конструкции практически не характерны; редко, в основном в качестве окказионального явления, употребляются в научно-популярном стиле.

Следует различать апозиопезу, в которой могут быть опущены любые части предложения независимо от их информативной ценности, и эллипсис (нем.: *Ellipse*, *Auslassungssatz*). В эллипсисе опускаются как главные, так и второстепенные члены предложения, легко восстанавливаемые в контексте или же не несущие особой смысловой информации. В современном немецком языке эллипсис является продуктивным средством не только языковой экономии, но и эмоциональной экспрессии.

Противоположный апозиопезе стилистический прием называется *прозиопеза* (или *просиопеза*, *просиопезис*, *прозиопезис*) (греч. *προσιώπησις* — умолкание впереди; англ. *prosiopesis*) — усечение (элизия) предшествующей части высказывания, обычно в быстрой (фамильярной, непринужденной) речи [14: с. 365]. Намеренное опущение начала высказывания объясняется существенной долей автоматизма разговорной речи, а также широким использованием стереотипных оборотов. Языковым сигналом «усечения» начала высказывания служит нереализованность (незаполненность) «левосторонней» валентности его вербализованной части, а пунктуационным — многоточие [12: с. 515–516]. Пропущенный элемент высказывания легко восстанавливается в сознании адресата, так как прозиопеза обычно представляет собой конец цитаты, поговорки, фразеологизма или устойчивого выражения. Для создания прозиопезы также используются крылатые слова и строчки из широко известных литературных произведений. Гораздо реже для восстановления первой части высказывания требуется привлечение контекста всего целого.

В публицистическом стиле прозиопеза как фигура убавления или нарочито неполной речи часто используется в газетных заголовках в интригующей функции, а также в рекламных текстах. На основе свободных сочетаний слов прозиопеза создается достаточно редко.

В языке сети Интернет прозиопезы в виде пропуска ожидаемых инициальных частей реплик диалога довольно широко распространены в дискуссионных группах. Так, реплика нового участника дискуссии подхватывает реплику предыдущего и становится ее грамматическим продолжением, даже если предшествующая реплика представляет собой законченное высказывание. В подобных случаях между репликами, как правило, выстраиваются не гипотактические, а паратактические отношения путем простого соположения соотносящихся

элементов, без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого. Реплики-подхваты представляют собой составную часть сложносочиненного предложения или новый член продолжающегося однородного ряда.

Таким образом, выделенные нами функции апозиопезиса в различных речевых ситуациях и стилях, сравнение апозиопезиса с близкими ей стилистическими приемами эллипсиса и прозиопезиса дают представление о выразительных возможностях современного немецкого языка. Апозиопезиса может рассматриваться как способ превращения базовых структурных моделей немецкого предложения в стилистические приемы, наделяющие основные модельные грамматические структуры дополнительным потенциалом выразительности.

Библиографический список

Источники

1. *Brussig T.* Helden wie wir. Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. 325 S.
2. *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 480 S.
3. *Hürlimann T.* Vierzig Rosen. Amman Verlag, 2006. 368 S.
4. *Stamm P.* In fremden Gärten. Erzählungen. btb Verlag, 2005. 154 S.

Литература

5. Античные теории языка и стиля: (Антология текстов). СПб.: Алетейя, 1996. 362 с.
6. *Артюшков И.В.* Прерванные предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 16 с.
7. *Беляева М.В.* К вопросу о специфике синтаксиса устного дискурса в немецком языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 2 (4). С. 37–42.
8. *Беляева М.В.* О началах дискурсивного синтаксиса немецкого языка // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1 (5). С. 33–38.
9. *Данилевская Н.В., Трошева Т.Б.* Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 474–482.
10. *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 257 с.
11. *Джанжакова Е.В.* О разграничении тропов и фигур // Риторика и синтаксические структуры. Красноярск: КГУ, 1988. С. 112–114.
12. *Сковородников А.П.* Прозиопезис // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 515–516.
13. *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. 255 с.

Справочные и информационные издания

14. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Либроком, 2010. 576 с.
15. *Duden.* Die Grammatik. Band 4. 7. Auflage. Dudenverlag. Mannheim, 2006. 1344 S.

References

Istochniki

1. *Brussig T.* Helden wie wir. Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. 325 S.
2. *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 480 S.
3. *Hürlimann T.* Vierzig Rosen. Amman Verlag, 2006. 368 S.
4. *Stamm P.* In fremden Gärten. Erzählungen. btb Verlag, 2005. 154 S.

Literatura

5. Antichny'e teorii yazy'ka i stilya: (Antologiya tekstov). SPb.: Aletejya, 1996. 362 s.
6. *Artyushkov I.V.* Prervanny'e predlozheniya v sovremennom russkom yazy'ke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1981. 16 s.
7. *Belyaeva M.V.* K voprosu o specifikе sintaksisa ustnogo diskursa v nemeckom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 2 (4). S. 37–42.
8. *Belyaeva M.V.* O nachalax diskursivnogo sintaksisa nemeckogo yazy'ka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 33–38.
9. *Danilevskaya N.V., Troshcheva T.B.* Stilisticheskie resursy' sintaksisa (sintaksicheskaya stilistika) // Stilisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazy'ka / pod red. M.N. Kozhinoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2006. S. 474–482.
10. *Devkin V.D.* Nemeckaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1979. 257 s.
11. *Dzhanzhakova E.V.* O razgraničenii tropov i figur // Ritorika i sintaksicheskie struktury'. Krasnoyarsk: KGU, 1988. S. 112–114.
12. *Skovorodnikov A.P.* Prosiopeza // Kul'tura russkoj rechi: e'nciklopedicheskij slovar'-spravochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryaeva i dr. M.: Flinta: Nauka, 2003. S. 515–516.
13. *Skovorodnikov A.P.* E'kspressivny'e sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1981. 255 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. *Axmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskix terminov. Izd. 5-e. M.: Librokom, 2010. 576 s.
15. *Duden.* Die Grammatik. Band 4. 7. Auflage. Dudenverlag. Mannheim, 2006. 1344 S.

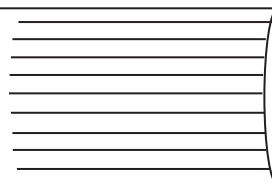
L.V. Fadeeva

**Aposiopesis as a Stylistic Means of Sentence Structure Reduction
in Modern German**

The article is devoted to a detailed analysis of aposiopesis as a stylistic means of creating syntactic expressiveness in Modern German. The author classifies functional and stylistic features of interrupted syntactic structures; differences identified between aposiopesis/prosiopesis and other stylistic means related to the change in sentence structure.

Keywords: syntactic expressiveness; aposiopesis/prosiopesis; interrupted syntactic structures; ellipsis.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81'276.6

**А.Г. Фомин,
А.А. Телегуз**

**Структурный анализ
терминополей аэрологии и вентиляции
в английском и русском языках**

Статья посвящена рассмотрению терминопоя аэрологии и вентиляции в английском и русском языках. На основе дефиниционного анализа выделены следующие ключевые термины: *воздух (air)*, *газ (gas)*, *пыль (dust)*, *метан (methane)*, *вентиляция (ventilation)*. Также учтены частотность употребления терминов и продуктивность их корневых морфем. Выявлены внутрисистемные связи между ключевыми терминами. Данные термины создали основу для развития рассматриваемой терминосистемы. Благодаря значительному числу валентностей данные термины (и соответствующие терминопоя) образовали множество производных терминов.

Ключевые слова: словообразование; терминосистема; терминопоя; терминопоя; словообразовательное гнездо.

Терминосистема аэрологии и вентиляции начала складываться на заре XX в., однако в отличие от многих сложившихся терминосистем данная область не получила системной интерпретации и не служила предметом специального анализа. Интенсивное развитие рассматриваемых областей деятельности и соответственно обогащение терминосистем позволяют утверждать, что на современном этапе развития исследуемая терминосистема достигла зрелости, полностью сформировалась. При этом горное дело и аэрология как его раздел в России и англоязычных странах развивались независимо, и активная интеграция накопленных знаний начала проявляться лишь в последние 25 лет. Наш исследовательский интерес связан с задачей выявления структуры терминопоя аэрологии и вентиляции в английском и русском языках. Так как понятийные системы в обоих языках на данный момент практически идентичны, логично предположить, что и терминопоя организованы аналогичным образом.

Материалом для проведенного исследования послужили термины предметной области аэрологии и вентиляции, отобранные методом сплошной выборки из горных словарей (англо-русские, электронные, энциклопедические), текстов учебников и учебных пособий, монографий, нормативных документов (руководства, инструкции, положения), специализированных журналов на английском и русском языках.

Полевой подход помогает установить внутрисистемные связи между ключевыми элементами терминосистемы аэрологии и вентиляции. О.И. Лукина отмечает, что терминопole помогает выявить структуру терминосистемы и способствует ее моделированию [10]. «Терминопole — искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками. Принадлежность к терминологическому полю служит самым существенным признаком, отличающим термины от слов. Одной из важнейших характеристик терминопole выступает экстралингвистическая направленность, в соответствии с которой организуются языковые средства выражения» [11: с. 110–111].

Для выделения ключевых терминов, определения места, занимаемого каждым из них в терминосистеме, и выявления структурной организации соответствующего терминопole, помимо результатов дефиниционного анализа, авторы статьи используют два критерия: частотность употребления терминов и продуктивность их корневых морфем. Под последним критерием понимается возможность соединяться с терминоэлементами (как свободными, так и несвободными) для создания новых терминов. Методика исследования основана на дефиниционном анализе терминов и определении сочетаемости самых частотных терминов.

Для определения ключевых понятий и отражающих их терминов прежде всего необходимо обратиться к дефиниции термина *аэрология*. «Рудничная аэрология — это отрасль горной науки, изучающая свойства **рудничной атмосферы**, законы **движения воздуха**, перенос его **газообразных примесей**, пыли и тепла в горных выработках и в прилегающем к выработкам массиве горных пород. Она является научной основой для разработки инженерных приемов, методов и средств вентиляции шахт» (здесь и далее выделено нами. — А. Ф., А. Т.) [7: с. 4]. «Аэрология горных предприятий (**вентиляция**) — отрасль горной науки, изучающая свойства атмосферы, законы движения воздуха, перенос его газообразных примесей, пыли и тепла в горных выработках и производственных помещениях, а также технику проветривания» [1: с. 2]. В рассматриваемых определениях совпадают как архисемы (*отрасль горной науки*), так и интересующие нас дифференциальные семы.

На вершине моделируемого терминопole находится термин *воздух*: он самый частотный в рамках изучаемой терминосистемы, на современном этапе развития изучаемой области употребляется (в зависимости от источника) в 3,4–8,1 раза чаще термина *атмосфера* и 1,5–2,5 раза чаще термина *метан*;

является частью таких терминов, как *рудничный воздух* и *шахтный воздух*. Как правило, первый элемент обоих терминов опускается.

«Шахтный воздух — это поступающий в выработки **атмосферный воздух**, который в результате взаимодействия с горными породами, происходящих в шахте окислительных процессов, выделения различных газов претерпевает изменения: в нем понижается содержание кислорода за счет увеличения содержания углекислого газа, азота и присоединения ядовитых (сероводород, сернистый газ, окись углерода) и взрывчатых (**метан**, водород) **газов**. Кроме того, в шахтном воздухе содержится **угольная и породная пыль**» [5: с. 5].

Словообразовательная способность терминоэлемента *воздух-/воздуш-* в рамках терминосистемы аэрологии и вентиляции очень высока. Сочетаясь с другими элементами (общеупотребительными словами либо терминами), он образует множество как терминов-слов (*воздухонепроницаемость, воздухо-распределение*), так и терминов-словосочетаний (*водовоздушная завеса, без-вентиляторный воздухонагреватель*) конкретного и абстрактного содержания с прозрачной мотивировкой.

Английский коррелят терминоэлемента *воздух-/воздуш-* терминоэлемент *air-* образует главным образом термины-словосочетания (*ventilation air methane*). Количество английских терминов-слов значительно ниже, чем в русской терминосистеме (*airflow, airborne, airway, airtight, air stream airing, aerial, airman, air-dried, de-aired, airlock*), однако они образуют значительное количество терминов-словосочетаний. Продуктивность словосложения как способа образования терминов в английской терминосистеме намного ниже, чем в русской (*airborne, airway, airshaft*). Появившиеся таким образом термины также активно образуют многокомпонентные термины (*airborne dust analysis*). Терминологическая мотивированность указанных единиц связывает их форму с семантикой, а также с семантикой и формой других терминов терминосистемы аэрологии и вентиляции.

Термин *воздух* сочетается с множеством других терминов и слов. Получившиеся в итоге термины-сочетания образованы по двум основным моделям:

1) прилаг. + сущ. «воздух»:

атмосферный/свежий/несвежий/сжатый/мертвый воздух;

2) сущ. 1 + сущ. «воздух» в родительном падеже: *утечки/распределение/столб/вязкость/рециркуляция/запыленность воздуха.*

Вторая модель используется намного активнее, что обусловлено рядом лингвистических факторов: частеречной принадлежностью первого элемента (от ряда существительных (*обеспыливание, утечка*) прилагательные не образованы); в тех случаях когда прилагательное существует, оно имеет другое значение (*скорость — скорый/скоростной, состав — составной, расход — расходный* и т. д.)

В английской терминосистеме в состав многокомпонентных терминов наиболее часто входит элемент *air* (по своей частеречной принадлежности

являющийся именем прилагательным), *aerial* употребляется редко. При помощи суффиксального способа словообразования от существительного *воздух* образовано прилагательное *воздушный*, которое стало основой создания терминов-словосочетаний. Наиболее частотными из них являются *воздушная струя*, *воздушный поток*, *метановоздушная смесь*. Термин *атмосфера* образует гораздо меньше многокомпонентных единиц.

Другое фундаментальное понятие терминополья аэрологии и вентиляции передается при помощи существительного *газ* (*gas*). «Шахтный воздух можно рассматривать состоящим из трех частей: атмосферный воздух + активные газы + мертвый воздух. Под активными газами понимаются всякого рода ядовитые или взрывчатые газы, которые выделяются в горных выработках (окись углерода ..., метан, водород и др.)» [5: с. 5]. Словообразовательное гнездо термина *газ* обширно (*аэрогазопылединамика*, *газообильность*, *дегазация*).

«Исходя из проектного расхода газовой смеси... производится расчет количества одновременно действующих скважин...» [6: с. 167].

Аналогичное словообразовательное гнездо в английской терминосистеме охватывает следующие термины: *degas*, *degasification*, *noxious gas*, *gas detection*, *multi-gas detector*, *gassy*, *mine gas*. Термин *газ* (*gas*) в зависимости от источника употребляется в 1,8–3 раза реже, чем *воздух*. Терминоэлемент *газ-* в среднем употребляется в 2 раза реже, чем *воздух-/воздуш-*.

В данное объемное словообразовательное гнездо входит один из ключевых терминов аэрологии — *дегазация*. Он образует большое количество терминов-словосочетаний, например: *текущая/комплексная дегазация*, *дегазационная система/скважина* и т. д.

Следует отметить, что в английском языке термины *degassing* и *degasification* менее частотны, чем их русские корреляты. Для английской терминосистемы аэрологии и вентиляции характерно наличие системы наименований различных газовых смесей (*damps*). Различают следующие газовые смеси: *whitedamp*, *stinkdamp*, *afterdamp*, *blackdamp*, *iredamp*. Данные термины, за исключением *iredamp*, в русской терминосистеме аэрологии и вентиляции представлены лишь в описательном виде. Понятие *iredamp* соответствует термину *метановоздушная смесь* (МВС). Однако термин *methane-air mixture* в последние десятилетия практически полностью вытеснил *iredamp* из употребления. Отчасти это произошло благодаря более прозрачной мотивировке первого термина.

В терминосистеме аэрологии и вентиляции в обоих языках под термином *газ* понимается, как правило, либо *метан*, либо *углекислый газ*. Если в терминосистеме горного дела термины *газ* и *метан* были синонимами, то в терминосистеме аэрологии и вентиляции они являются таковыми и сейчас. «The gas or gas mixture is commonly referred to as methane, even when the presence of other gases is known» [8: p. 66].

Термин *метан* (*methane*) занимает особое место среди опасных газов в понятийной системе аэрологии и вентиляции. Он был заимствован из терминосистемы органической химии, в таком случае в качестве фона заимствования выступает терминологическая система другой науки [9]. «Метан (CH_4) — газ без цвета, вкуса и запаха, является основной составной **частью рудничного газа** в угольных шахтах, представляющего собой смесь газов, выделяющихся в горные выработки из пород и полезного ископаемого» [7: с. 22]. В русской терминосистеме понятия *метан* и *шахтный метан* не имеют аббревиатур. От существительного *метан* образовано множество терминов: *метаноносность*, *метанообильность*, *метанодобываемость*, *метановоздушная (смесь)*. Подавляющее их большинство образовано посредством сложения основ.

При этом только один из данных терминов имеет сокращенный вариант (метановоздушная смесь — МВС). Большая часть английских терминов (*methane-air mixture*, *methane bearing capacity of coal*) в отличие от своих русских эквивалентов являются терминами-словосочетаниями. Лишь *methane-air mixture* имеет аббревиатуру (*МAM*). В обоих языках аббревиатуры употребляются в 25–30 раз реже самих терминов.

Следующим системообразующим термином, на который необходимо обратить внимание, является *вентиляция* (*ventilation*). «Рудничная вентиляция — отрасль горного дела, охватывающая научные основы и технические средства по обеспечению **обмена воздушной среды** в подземных горных выработках с наружным **атмосферным воздухом**» [2: с. 7].

Словообразовательное гнездо данного термина немногочисленно. В него входят слова *вентиляционный*, *вентилятор*, *(без)вентиляторный*, *пылевентиляционный*. Перечисленные понятия образуют множество двух- и более компонентных терминов (*вентиляционный штрек*, *безвентиляторный воздухонагреватель*, *участок вентиляции и техники безопасности (ВТБ)*, *вентилятор местного проветривания (ВМП)*). Вышесказанное характерно и для англоязычной терминосистемы аэрологии и вентиляции: *ventilation doors*, *ventilation ducts*, *ventilating fan*, *ventilating current*, *ventilation circuit*. Наибольшее число терминов образовано посредством использования слов *вентиляционный* и *ventilation*. В исследуемой терминосистеме понятия *вентиляция* и *проветривание* синонимичны. Однако термин *проветривание* наиболее частотный. Это связано с тем, что он перешел в терминосистему аэрологии и вентиляции раньше термина *вентиляция* и в отличие от него имеет прозрачную внутреннюю форму. Вследствие этого он послужил основой для образования большого количества многокомпонентных терминов: *нагнетательный способ проветривания*, *фланговая схема проветривания*.

На основе термина *проветривание* образовано значительное количество четырех- и пятисловных понятий с прозрачной мотивировкой. При этом для обозначения сложных схем проветривания используются многокомпонентные термины, состоящие из четырех и более элементов. Для их компрессии

применяются инициальные сокращения (цифровые и буквенные): например, «1-В-Н-в-вт (возвратноточная восходящая независимая схема проветривания выемочного участка с последовательным разбавлением вредностей с выдачей исходящей струи на выработанное пространство)» [3: с. 89]. Практически все двусоставные термины с элементом *проветривание* принадлежат к абстрактным существительным, однако при увеличении количества элементов возрастает число конкретных терминов.

Существительное *вентиляция* послужило основой для создания меньшего количества терминов, причем в отличие от словосочетаний с элементом *проветривание*, в их составе не более двух слов (*участок вентиляции*, *рудничная вентиляция*). Однако образованный от него суффиксальным способом термин *вентиляционный* — один из самых частотных. На его основе образовано значительное количество двух- и многокомпонентных понятий: *вентиляционный штрек*, *вытяжное вентиляционное отверстие*. При этом лишь порядка 15 % из них относятся к абстрактным существительным. Таким образом, благодаря высокой частотности терминоэлемента *вентиляц-* термин *вентиляция* следует отнести к числу ключевых в рамках исследуемой терминосистемы.

Следующее центральное понятие выражено существительным *пыль* (*dust*). «Рудничная пыль — это совокупность тонкодисперсных твердых частиц полезного ископаемого и пустой породы, взвешенных в рудничной **атмосфере** или осевших на стенках, почве и кровле горных выработок» [4: с. 4]. В русской терминосистеме *пыль* образует следующие одно- и двухкомпонентные термины: *гидропылевзрывозащита*, *пылегазовыделение*, *пылевая смесь*, *инертная пыль*, *обеспыливающее проветривание* и др. Следовательно, терминоэлемент *пыл-* высокопродуктивен. Терминоэлемент *dust-* образует такие термины, как *coal-dust explosion*, *dustiness*, *dust-emission compliance*, *dustless zone*. Необходимо отметить, что в терминосистеме аэрологии преимущество отдается именно терминам-словосочетаниям (*источник пылеобразования*, *пылевентиляционная служба*). В зависимости от источника термин *пыль* (*dust*) употребляется в 7–9 раз реже термина *воздух* (*air*).

В отличие от рассмотренных в статье ключевых терминов понятие *тепло* является низкочастотным, а терминоэлемент *тепл-* образует намного меньше производных терминов (*теплоноситель*, *тепловыделяющий*).

Ключевые термины дали начало обширным словообразовательным гнездам. Для русскоязычной терминосистемы характерно преобладание терминов-слов (наиболее продуктивный способ образования терминов — словосложение), в то время как для англоязычной свойственно преимущественное распространение терминов-словосочетаний.

В результате обращения к дефинициям терминов установлены внутрисистемные связи между ключевыми элементами терминосистемы. Выделенные термины имеют высокую частотность употребления, кроме того, они могут выступать в качестве высокоактивных терминоэлементов, которые, сочетаясь

с другими терминами и словами, служат образованию большого количества новых терминов. Практически все ключевые термины являются производными в рамках терминосистемы аэрологии и вентиляции. Принадлежность к рассматриваемой терминосистеме позволяет им сохранять однозначность.

Библиографический список

Источники

1. *Веденин А.Н.* Аэрология горных предприятий. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. горный ин-т им. Г.В. Плеханова (техн. ун-т), 2010. 68 с.
2. *Горбунов В.И.* Вентиляция шахт. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2007. 110 с.
3. *Горбунов Н.И.* Теория и практика аэрологии горных предприятий. Алчевск: ДонГТУ, 2003. 116 с.
4. *Городничев А.П.* Комплексное обеспыливание рудничной атмосферы. Владикавказ: Северо-Кавказск. горно-металлургический ин-т (гос. технологический ун-т), 2006. 63 с.
5. *Игнатенко К.П., Брайцев А.В., Эйнер Ф.Ф.* Вентиляция, подземные пожары и горноспасательное дело. М.: Недра, 1975. 248 с.
6. Инструкция по дегазации угольных шахт. Сер. 05. Вып. 22. М.: ЗАО НТЦ ПБ, 2012. 250 с.
7. *Ушаков К.З., Бурчаков А.С., Пучков Л.А., Медведев И.И.* Аэрология горных предприятий. М.: Недра, 1987. 421 с.
8. The occurrence, emission and ignition of combustible strata gases in Witwatersrand gold mines and Bushveld platinum mines, and means of ameliorating related ignition and explosion hazards [Электронный ресурс]. URL: <http://geoweb.princeton.edu/research/geomicrobio/samp/simpros.pdf> (дата обращения: 04.05.2015).

Литература

9. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 360 с.
10. *Лукина О.И.* Полевой подход к сопоставительному изучению лингвистической терминологии // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 80. С. 225–229.
11. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология. Вопросы теории. М.: Либроком, 2012. 248 с.

References

Istochniki

1. *Vedenin A.N.* Ae'rologiya gorny'x predpriyatij. SPb.: Sankt-Peterburgsk. gos. gorny'j in-t im. G.V. Plekhanova (texn. un-t), 2010. 68 s.
2. *Gorbunov V.I.* Ventilyaciya shaxt. Magnitogorsk: Magnitogorsk. gos. texn. un-t im. G.I. Nosova, 2007. 110 s.
3. *Gorbunov N.I.* Teoriya i praktika ae'rologii gorny'x predpriyatij. Alchevsk: DonGTU, 2003. 116 s.

4. *Gorodnichev A.P.* Kompleksnoe obespy'livanie rudnichnoj atmosfery'. Vladikavkaz: Severo-Kavkazsk. gorno-metallurgicheskij in-t (gos. texnologicheskij un-t), 2006. 63 s.
5. *Ignatenko K.P., Brajcev A.V., E'jner F.F.* Ventilyaciya, podzemny'e požary' i gornospasatel'noe delo. M.: Nedra, 1975. 248 s.
6. Instrukciya po degazacii ugol'ny'x shaxt. Ser. 05. Vy'p. 22. M.: ZAONTCPB, 2012. 250 s.
7. *Ushakov K.Z., Burchakov A.S., Puchkov L.A., Medvedev I.I.* Ae'rologiya gorny'x predpriyatij. M.: Nedra, 1987. 421 s.
8. The occurrence, emission and ignition of combustible strata gases in Witwatersrand gold mines and Bushveld platinum mines, and means of ameliorating related ignition and explosion hazards [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://geoweb.princeton.edu/research/geomicrobio/samp/simpros.pdf> (data obrashheniya: 04.05.2015).

Literatura

9. *Baranov A.N.* Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku: ucheb. posobie. M.: E'ditorial URSS, 2003. 360 s.
10. *Lukina O.I.* Polevoj podxod k sopostavitel'nomu izucheniyu lingvisticheskoy terminologii // *Izvestiya Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gercena.* 2008. Vy'p. 80. S. 225–229.
11. *Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V.* Obshhaya terminologiya. Voprosy' teorii. M.: Librokom, 2012. 248 s.

A.G. Fomin,

A.A. Teleguz

Structural Analysis of Aerology and Ventilation Term Fields in Russian and English

The article deals with the aerology and ventilation term systems in Russian and English. Using the results of definitional analysis, the authors selected the following key terms: *воздух (air), газ (gas), пыль (dust), метан (methane), вентиляция (ventilation)*, and paid special attention to the frequency of term usage and productivity of term roots. The key terms have internal systematic links and establish the basis of the term system in question. Due to numerous valencies the terms and corresponding term-elements turned rather productive.

Keywords: word building; term system; term element; term field; word family.

Н.В. Горохова

Номенклатурные единицы в терминологии трубопроводного транспорта

Статья посвящена анализу и сравнительной характеристике терминов и номенов. На основе примеров лексических единиц терминологии трубопроводного транспорта исследуется номенклатурный регистр, затрагивающий предметную сферу данной научно-профессиональной деятельности, приводятся примеры и основания систематизирования номенов.

Ключевые слова: термин; терминология; номен; лексика; трубопроводный транспорт.

При системном упорядочении специальной терминологии ученый-лингвист сталкивается с проблемой разграничения терминов и смежных единиц, и от определения отличительных признаков терминов по отношению к другим номинациям специальной лексики зависят процесс и результаты терминоведческой работы.

Англоязычная терминология трубопроводного транспорта представлена терминологическими единицами, неоднородными по своему составу. В зависимости от степени кодифицированности и информационной содержательности используемой лексики в исследуемой области терминологические единицы данной сферы научно-профессиональной деятельности можно представить, основываясь на традиционной классификационной схеме, в трех регистрах [13: с. 31]:

- 1) регистре общенаучных терминов;
- 2) регистре общетехнических терминов;
- 3) регистре специальных терминов.

Подобное деление вписывается в общепринятые классификационные схемы, представленные в трудах многих выдающихся ученых (Г.И. Ахманова, Р.А. Будагов, М.М. Глушко, М.Н. Кожина, А.Н. Лаврова, О.А. Лаптева, О.Д. Митрофанова, Н.М. Разинкина, В.А. Серебренников) и др. Эти регистры создают то, что называется терминологией, т. е. представляют собой набор языковых элементов и их взаимоотношений. Однако такая стратификация рассматривается как начальный анализ научной систематизации терминологии на уровне слова и не отражает всего разнообразия словоформ терминологического поля, одним из важных составляющих которого выступает регистр номенов.

Современное трактование номена сближает его с термином по основным характеристикам. Отметим, что упомянутые наименования зачастую оппозиционируются, сосуществуя в терминологическом пространстве.

Противопоставление термина номену можно представить в виде следующей таблицы:

Функционально-прагматическое различие термина и номена

Термин	Номен
Важен в теоретическом аспекте	Важен в прикладном аспекте
Выполняет функцию отражения понятия, называя идеализированную сущность	Выполняет функцию этикетирования, называя тип реальных объектов
Стремится к объективности отражения информации в сознании исследователя	Отражает субъективность восприятия мира ученым-практиком

Последний признак субъективность/объективность отражения информации представляется несколько спорным, поэтому лексические единицы, вероятно, корректнее определять по типу мотивированности, т. е. единицы, которые соответствуют признаку «отражение субъективности восприятия мира ученым-практиком» [17: с. 51] либо семантически немотивированные [16: с. 413].

Несмотря на противопоставленность по перечисленным параметрам, термин и номен имеют точку соприкосновения: оба связаны с необходимостью отразить понятия.

Проанализируем синхронную оппозицию *термин* — *номен*. Совокупность номенов, или номенклатурных знаков, принято называть номенклатурой. Сопоставляя два авторитетных специализированных лексикографических издания, можно увидеть, что в определении номинаций этого типа нет полной ясности. «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяет номенклатуру как «совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названия типичных объектов данной науки» [1: с. 270]. А «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо определяет ее как «совокупность названий, употребляемых в какой-либо отрасли науки, производства и т. д., для обозначения объектов (в отличие от терминологии, содержащей также обозначения отвлеченных понятий и категорий)» [14: с. 151]. Оба толкования объединяет противопоставление номенов терминам по признаку конкретность/абстрактность обозначаемого. В то же время в первом источнике номены предстают в роли разновидностей терминов (совокупность специальных терминов-названий). Во втором толковании введен союз *также*, вследствие чего термины-номены представляют собой средство обозначения не только отвлеченных, но и конкретных понятий. Фактически это стирает границу между двумя разновидностями элементов терминологического поля. Представляется, что по сравнению с единицами иных

типов, также входящими в состав поля, номены, определенно, наиболее близки к терминам. Можно предположить, что номены входят в околоядерную часть терминологического поля, в субстанциональном плане отличаются от членов терминосистемы именно более конкретным характером денотата.

Критерием разграничения термина и номена служит учет их роли в сфере специальной коммуникации. Если термины позволяют осуществить изолирующую, или идеализирующую абстракцию высокого уровня, то номены нужны в процессе отождествления, идентификации, этикетирования реального объекта, причем обобщение оказывается минимализированным. В то время как для термина характерна функция отражения понятия (термины «обслуживают» теорию), номенклатурный знак создается в целях названия, этикетирования отдельного вида предметов (номены связаны с реализацией теоретического знания в прикладном плане) [4: с. 43]. Как подчеркивает С.В. Гринев, «для номенклатурной единицы номинативная функция является основной, в то время как для термина основной является сигнификативная функция» [11: с. 139].

Функциональная специфика номенов обуславливает своеобразие выбора их формы. Если термины на этапе создания в соответствии с принципом естественной классификации стремятся к объективности отражения информации и потому тяготеют к мотивированности, номенам свойственна тенденция к искусственному классифицированию, они отражают субъективность восприятия мира человеком [16: с. 413]. Мера субъективности выбора наименования при создании номенов так высока, что терминоведы даже считают, что по степени десемантизации они приближаются к ономастической лексике (В.М. Лейчик, С.В. Гринев).

С.В. Гринев, подтверждая свою солидарность с мнением Т.Л. Канделаки, определяет номены как «наименования конкретной массовой продукции народного хозяйства, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз, а также наименования единичных понятий» [11: с. 142]. Наименования массовой продукции в речи специалистов оказываются востребованными не тогда, когда надо охарактеризовать отдельный продукт, изделие, а тогда, когда рассматриваются некая модель, тип продукта, изделия. Видимо, несмотря на очевидную близость номенов к онимам, стоит все же отделять первые от вторых на основании разграничения их по уровню обобщения: номен обозначает некий тип, разновидность объектов (хотя в сфере функционирования может использоваться и для номинации отдельного представителя типа); оним обозначает единичный, конкретный объект (хотя потенциально может применяться как обозначение некоего типа объектов, которые будут тиражировать копии данного единичного объекта).

А.Ю. Белова отмечает: «Номены, объединяясь в номенклатуру, являются системой абстрактных и условных символов» [9: с. 16]. Однако нельзя сказать, что номены исключают мотивацию в принципе.

В деривационную базу номенклатурного знака может входить термин. В соответствии с этим многие единицы номенклатуры представляют собой

своеобразные сложные слова, состоящие из двух компонентов: 1) словного — опорного, ядерного, выполняющего функцию указателя рода, показателя принадлежности обозначаемого номеном объекта к группе однотипных объектов, определителя места данного номена в системе наименований; 2) цифрового или графемного, который свидетельствует о наличии у объекта особенностей, выделяющих его из совокупности однотипных объектов, и выступает в качестве дифференцирующего показателя. Компонент словного характера несет в себе мотивационный признак. Цифровой и графемный компоненты, будучи средствами искусственной классификации объектов, этой мотивации практически лишены, хотя нельзя абсолютно исключить их мотивированность. Тем не менее, независимо от выраженности второго компонента цифрами или буквами, номен рассматриваемого типа связан с элементом терминосистемы двойной связью, причем за каждым из двух составляющих его компонентов закреплены определенные функции, и каждому из них соответствуют четкие семантические признаки.

В сфере функционирования номены могут обладать еще меньшей степенью мотивированности, поскольку стремление к минимизации формы может выражаться в аббревиации или стяжении словной части.

Многообразие видов предметов, возможность постоянного роста их числа (особенно в случае, когда речь идет о продуктах человеческой деятельности, например, о производстве различных аппаратов, механизмов, агрегатов и др.) приводят к подвижности и сохранению открытости системы номенов в терминологическом поле. Как пишет А.В. Суперанская, «...система номенов не замкнута и не столь строго организована, как система терминов. К ней можно добавить или исключить из нее отдельные номены и целые блоки, не меняя системы в целом» [15: с. 35]. Появление номенов или их исчезновение из круга специальных номинаций происходит с разной скоростью — от нескольких месяцев до многих лет. Терминосистеме может сопутствовать несколько сменяющих друг друга систем номенклатур.

В разных терминологических полях различие между термином и номеном может быть большим или меньшим. Так, в области естественных или технических наук эмпирическая отнесенность номена и идеальная отнесенность термина очевидны. В гуманитарных областях знания такая дифференцированность не всегда наглядна. Оппозиции *термин* — *номен*, выявляемые в синхронии, как становится очевидно, поддерживаются существованием разных целей функционирования данных номинаций.

Отметим, номенклатура — категория значительно более новая, чем терминология. Как особый лексический класс она возникла лишь в XVIII в., первоначально только для естественных наук. Но ни о какой номенклатуре не может идти речи там, где еще нет терминологии: терминология — инструмент, фиксирующий номенклатуру [1: с. 47].

Терминология каждой науки исчислима, ибо словесно отражает систему ее понятий. Номенклатура слабее сопряжена с понятиями, она более номинативна

и может совсем не отражать сущности именуемых вещей, опираясь на чисто внешнее сходство (например: *S-tube* (S-образная труба), *V-tube* (V-образная труба), *T-pipe* (T-образная труба); *J-tubes* (J-образные трубопроводы); *X-system* (X-образная система трубопроводов). Так, Г.О. Винокур, впервые поставивший вопрос о необходимости разграничения термина и номена, под номенклатурой понимал «систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [10: с. 8]. Однако следует признать, что на тот момент развития научной мысли в области терминоведения номены (номенклатурные обозначения, называемые также номенклатурными наименованиями и номенклатурными знаками) были почти не исследованы.

Для термина важно терминологическое поле или терминологический контекст. Номены, в свою очередь, свободно употребляются вне контекста, поскольку свойства именуемых вещей не меняются от употребления их названий в научной или бытовой сфере общения.

Трубопроводный транспорт как специальная техническая область промышленности энергетического машиностроения развивается и существует в том числе за счет материальной базы, частью которой является различное оборудование, механизмы, расходные материалы и т. д. Участие большого количества предприятий в оснащении и создании нового трубопроводного оборудования привело к тому, что разные фирмы при разработке новых систем, технологий, программ, установок, машин, дают собственные названия своим изобретениям. В результате, например, машины, предназначенные для перемещения, наводки, опускания и укладки в проектное положение труб, такие как *pipelayers* (трубоукладчики), *excavators* (экскаваторы), *loaders* (погрузчики), *tractors* (тягачи), *gradors* (грейдеры), *bulldozers* (бульдозеры) и др., примерно с одними и теми же функциями имеют разные наименования [5].

Кроме того, стремительное развитие технологий требует постоянных модификаций оборудования и расходных материалов, что приводит к большому количеству версий одной разработанной серии.

Говоря о форме номенов, Г.А. Александрова отмечает наличие графемной и цифровой составляющей, где графемная часть представляет собой компрессию родового для данного номена термина, а цифровая — показывает основные технические характеристики объекта [8: с. 7]. За каждой из частей номена (своеобразных «морфем») закреплены вполне определенные функции, что выявляется при сопоставлении номена с паспортными данными обозначаемого им оборудования, конструкций, объектов и т. д. [12: с. 55].

Выборка номенклатурных единиц включает в себя 80 номенов, что составляет 2 % от общего количества единиц терминологии трубопроводного транспорта

(4053 единицы). Системность номенклатурных единиц относительна, но их классификация на основе тематического подбора вполне возможна:

1. Наименования систем и машин:

- *PL61, PL72, PL83, PL87* — pipelayer — трубоукладчик (Caterpillar);
- *PL3005D, PL4809D* — pipelayer — трубоукладчик (Volvo);
- *PL52, PL52 3, PL22* — pipelayer — трубоукладчик (Liebherr);
- *PL95H* — pipelayer — трубоукладчик (Delta);
- *D355 C(28)-pipelayer, D355 C(09)-pipelayer, D355 C(34)-pipelayer* — трубоукладчик (Kamatsu);
- *BL61B, BL71B* — bulldozer — бульдозер [7].

2. Наименования процессов и технологий:

- *OSR* — Global Industry Oil Spill Response — ликвидация аварийных разливов нефти;
- *HiPo* — highly potential incident — потенциально опасное происшествие;
- *EMSolutions* — PipeLine Machinery International (PLM) introduces Cat® Equipment Management Solutions for the pipeline construction industry — технологии решений по эффективному управлению оборудованием;
- *Cat Tier 4 Interim* — technologies to reduce the carbon footprint left by the engines and equipment for North America — технологии по снижению выбросов углекислого газа двигателями и оборудованием на территории Северной Америки [2].

3. Наименования продукта:

- *SRB* — sulfate-reducing bacteria — сульфатвосстанавливающие бактерии.

4. Наименование оборудования и сопутствующих материалов:

- *Modular S centrifugal pump, NSL centrifugal pump, ESL centrifugal pump, SA centrifugal pump* — центробежный насос;
- *Rotan CD, Rotan CC, Rotan GP, Rotan HD, Rotan ED* — шестеренчатый насос;
- *6G-7270, 6S-4728, 7W-1947, 9W-2883 (Tubes and Pipes)* — трубы и трубопроводы.

5. Зарегистрированный знак:

- *AccuGrade®* (Grade Control System);
- *RealAudio®* (streaming technology);
- *Distributed Component Object Model®* (distributed object technology);
- *COM®* (component technology).

6. Типы стандартов:

- *ASME/ANSI B16.5* — Трубные фланцы и фланцевые соединения;
- *ASME/ANSI B31.3* — Трубопроводы химических заводов;
- *ASME/ANSI B31.4* — Системы трубопроводного транспорта [3].

Графемная часть приведенных номенов расшифровывается как стандарт, принятый Американским обществом инженеров-механиков (American Society

of Mechanical Engineers, ASME) и Американским национальным институтом стандартов (American National Standards Institute, ANSI). Таким образом, налицо мотивированность графемной части. Обычно она представляет собой компрессию соответствующего (родового для данного номена) термина, выраженного сложным словом или словосочетанием, а поэтому выполняет двоякую роль: устанавливает место номена в ряду однородных единиц, указывает на тематическую область, к которой он принадлежит, и основные конструктивные особенности называемого объекта.

Существуют европейские стандарты, установленные Немецким институтом по стандартизации (DIN — Deutsches Institut für Normung) и Европейским комитетом по стандартизации (EN — European Committee for Standardization), например, *DIN/EN 1092-1* — Фланцы [6]. Цифровая часть номена показывает основные технические характеристики объекта и выделяет его из совокупности однотипных объектов. Существуют основания полагать, что такая структура характерна для большинства технических терминов: *ISO 50001* — Энергетический менеджмент, *ISO 31000* — Управление рисками, где *ISO* (International Organization for Standardization) — Международная организация по стандартизации (ИСО), разработчик и издатель международных стандартов.

Многие технические номены можно рассматривать как своеобразное сложное слово, состоящее из двух «морфем», одна из которых — графемная — является опорной, ядерной и выполняет функцию указателя рода, показателя принадлежности обозначаемого номеном объекта к группе однотипных объектов, определителя места данного номена в системе наименований. Второй элемент номена — цифровой — указывает на особенности данного объекта, выделяющие его из совокупности однотипных объектов, является дифференцирующим показателем. Поэтому можно предположить, что номен вдвойне мотивирован, во-первых, в силу того, что он состоит из двух четко выделяемых элементов, за каждым из которых закреплены вполне определенные функции, и, во-вторых, поскольку каждому из элементов соответствуют вполне четкие смысловые признаки. Являясь наименованием конкретного объекта, номен одновременно представляет собой его сжатое определение и поэтому не нуждается в дефиниции.

7. Наименования документов/актов:

- *ISGOTT* — International Safety Guide for Oil Tankers and Terminals — Международное руководство по безопасности нефтяных танкеров и терминалов;
- *SOLAS* — International Convention for the Safety of Life at Sea — Международная конвенция по безопасности людей на море;
- *MARPOL 73/78* — International Convention for the Prevention of Pollution from Ships — Международная конвенция, предусматривающая комплекс мер по предотвращению эксплуатационного и аварийного загрязнения с судов нефтью [6].

8. Наименования единичных понятий:

<i>Asian stream</i>	<i>EastWay</i>	<i>Orient stream</i>
<i>Blue diamond</i>	<i>Eurasian wave</i>	<i>Pacific stream</i>
<i>Blue stream</i>	<i>Far East Stream</i>	<i>Smile</i>
<i>Diamond</i>	<i>Great East Stream</i>	<i>SISTERHOOD</i>
<i>Drugnavostok</i>	<i>Helium</i>	<i>SUPER Line stream</i>
<i>East Stream</i>	<i>Milky Way</i>	<i>TRANSGASFORMATION</i>
<i>Eastern connector</i>	<i>Ocean stream</i>	<i>Urajio</i>

Номены трубопроводного транспорта специфичны: по их графемной части можно определить, какого рода предмет они называют, и, зная терминологию, нетрудно определить систему, к которой они относятся, где цифры в основном указывают на модификацию. Большая часть (51 единица, что составляет 63 % от всего числа — 80 единиц) номенов связана через термин в графемной части с понятием, которое он называет. Именно этот факт и позволил сделать тематический подбор групп, который показал, в каких областях трубопроводного транспорта разрабатываются новые технологии, и спрогнозировать дальнейшее появление номенов с сохранившейся графемной частью и измененной цифровой. При образовании номенклатурной единицы трубопроводного транспорта используется смешанный способ, как семантико-синтаксический, так и метод сложения, аббревиации.

Следует признать, что систематизация номенклатурных единиц является весьма проблематичной из-за их классификационного места. Одно и то же название может занимать разные места в различных кодификационных сетках. Например, в системе отраслевых классификаций наблюдается тенденция к делению одних и тех же объектов по различным параметрам. В частности, трубопроводный транспорт может классифицироваться в зависимости от вида прокладки и (или) перехода (типа опирания), транспортируемой среды, назначения, материала трубопроводов, а также по форме трубопроводов, применению, изготовлению — количество принципов деления весьма велико. Специалистами было подсчитано, что если исходить из существующей системы нормативных документов, то одни только изоляционные материалы можно классифицировать по 11 параметрам. Классификации в этом случае зависят от практических потребностей людей [12: с. 52], а номенклатурные единицы, являя собой особый пласт специальной лексики, в сотни раз превосходят количество терминов. Заметим, что без хорошо развитых и системно упорядоченных терминологий и номенклатур невозможен прогресс науки.

Кроме того, с развитием терминологии, с появлением и широким употреблением более современных, экономически эффективных и удобных разновидностей оборудования, сооружений, материалов, изделий и т. д. их названия приобретают все большую важность. Появляются модификации этих предметов,

и единичные понятия превращаются в общие, а бывшее видовое название становится родовым для нового класса названий. Может происходить и обратный процесс, когда названия менее эффективных материалов, оборудования и т. д., вытесняемых более совершенными образцами, превращаются из родовых в видовые, а впоследствии выходят из употребления.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы о том, что в современную терминологию трубопроводного транспорта входят номены, тем самым пополняя ее лексический состав, однако они проявляют определенные сложности декодирования, так как не всегда с новым номеном дается его характеристика. Терминосистема образует ядро терминологического поля, куда могут входить остальные специальные номинации, последние, в свою очередь, составляют его ближнюю и дальнюю периферию и отражают ряд оппозиций, возникающих на разных основаниях.

Таким образом, анализ ряда критериев разграничения терминов и номенклатурных знаков показывает, что границы между номенами и терминами вследствие активного развития терминологии довольно неустойчивы. Структурный анализ ряда технических номенов — названий машин, оборудования, сооружений, систем — позволяет выявить их особенности. В большинстве случаев они представляют собой своеобразные сложные слова, состоящие из графемной части — компрессии родового для данной единицы термина и цифровой части, показывающей основные характеристики объекта, его видовые отличия. Фиксированность функций каждой из частей позволяет отказаться от дефиниций и выработать правила формирования технических номенов. Характер связи номенов с терминами позволяет предполагать, что номены необходимы для легкого создания большого количества наименований конкретных изделий и единичных понятий.

Библиографический список

Источники

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотип. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. *Булатов А.И.* Англо-русский словарь по нефти и газу. М.: Руссо, 2002. 400 с.
3. *Горохова Н.В.* Англо-русский словарь терминов трубопроводного транспорта. Омск: Кан, 2012. 248 с.
4. *Куликова И.С.* Обучающий словарь лингвистических терминов. СПб.; М.: Наука, Сага, Совпадение, 2004. 176 с.
5. *Лысяный К.К., Иванов В.А.* Толковый словарь нефтегазовых объектов трубопроводного транспорта. Тюмень: Цессия, 2005. 340 с.
6. *Скрынник Ю.Н.* Нефть. Газ. Оборудование: терминологический словарь. М.: Недра, 2004. 311 с.
7. Pipeline equipment [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plmcat.com/pipeline-equipment/pipelayers> (дата обращения: 03.02.2016).

Литература

8. *Александрова Г.Н.* Соотношение знаковой структуры и функций терминологических и квазiterминологических языковых единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 Самара, 2006. 25 с.
9. *Белова А.Ю.* О разграничении терминов и номенов // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения: тезисы межгосударствен. конф., посв. 80-летию проф. Б.Н. Головина. Н. Новгород: Нижегородск. гос. ун-т, 1996. С. 15–16.
10. *Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. 1939. Т. V. С. 3–54.
11. *Гринев С.В.* Основы лексикографического описания терминосистем: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1990. 318 с.
12. *Гринев-Гриневи́ч С.В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
13. *Лаврова А.Н.* О подъязыке органической химии: монография. Н. Новгород: Нижегородск. гос. ун-т, 1994. 96 с.
14. *Марузо Ж.* *Словарь лингвистических терминов* М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 436 с.
15. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
16. *Ходакова А.Г.* Термины и номены // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 411–416.
17. *Чупрына О.Г., Жуков И.А.* Мотивы номинации астрономических терминов с колоронимом в современном английском языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 50–54.

References*Istochniki*

1. *Axmanova O.S.* Slovar' lingvisticeskix terminov. Izd. 4-e, stereotip. M.: KomKni-ga, 2007. 576 s.
2. *Bulatov A.I.* Anglo-russkij slovar' po nefiti i gazu. M.: Russo, 2002. 400 s.
3. *Goroxova N.V.* Anglo-russkij slovar' terminov truboprovodnogo transporta. Omsk: Kan, 2012. 248 s.
4. *Kulikova I.S.* Obuchayuschij slovar' lingvisticeskix terminov. SPb.; M.: Nauka, Saga, Sovpadenie, 2004. 176 s.
5. *Ly'syany'j K.K., Ivanov V.A.* Tolkovy'j slovar' neftegazovy'x ob'ektov truboprovodnogo transporta. Tyumen': Cessiya, 2005. 340 s.
6. *Skry'nnik Yu.N.* Neft'. Gaz. Oborudovanie: terminologicheskij slovar'. M.: Nedra, 2004. 311 s.
7. Pipeline equipment [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.plmcat.com/pipeline-equipment/pipelayers> (data obrashheniya: 03.02.2016).

Literatura

8. *Aleksandrova G.N.* Sootnoshenie znakovoj struktury' i funkcii terminologicheskix i kvaziterminologicheskix yazy'kovy'x edinic: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.00.00 Samara, 2006. 25 s.

9. *Belova A.Yu.* O razgranichenii terminov i nomenov // Aktual'ny'e problemy' stilelogii i terminovedeniya: tezisy' mezhgosudarstven. konf., posv. 80-letiyu prof. B.N. Golovina. N. Novgorod: Nizhegorodsk. gos. un-t, 1996. S. 15–16.
10. *Vinokur G.O.* O nekotory'x yavleniyax slovoobrazovaniya v russkoj texnicheskoj terminologii // Trudy' MIFLI. 1939. T. V. S. 3–54.
11. *Grinev S.V.* Osnovy' leksikograficheskogo opisaniya terminosistem: dis. ... d-ra filol. nauk. M.: MGU, 1990. 318 s.
12. *Grinev-Grinevich S.V.* Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zavedenij. M.: Akademiya, 2008. 304 s.
13. *Lavrova A.N.* O pod'yazy'ke organicheskoy ximii: monografiya. N. Novgorod: Nizhegorodsk. gos. un-t. 1994. 96 s.
14. *Maruzo Zh.* Slovar' lingvisticheskix terminov M.: Izd-vo inostr. lit., 1960. 436 s.
15. *Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V.* Obschhaya terminologiya: oprosy' teorii. M.: Nauka, 1989. 246 s.
16. *Xodakova A.G.* Terminy' i nomeny' // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 4 (1). S. 411–416.
17. *Chupry'na O.G., Zhukov I.A.* Motivy' nominacii astronomicheskix terminov s koloronimom v sovremennom anglijskom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 50–54.

N.V. Gorokhova

Nomens in the Pipeline Transport Terminology

The article analyzes the main characteristics of terms and nomens. Various examples of pipeline transport terminology and nomens are investigated. The detailed classification of terminological nomenclature hereto is presented.

Keywords: term; terminology; nomen; lexis; pipeline transport.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

УДК 811.1/8

С.А. Герасимова

**Архитектоника индивидуально
ориентированного учебника
иностранного языка**

В статье рассматривается вопрос об архитектонике учебника иностранного языка индивидуально ориентированного типа. Доказывается, что содержание и структура учебника призваны способствовать вхождению в мир иной культуры, осуществлять диалог культур, обеспечить получение профессиональных знаний для свободного владения умениями и навыками в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: иностранный язык; межкультурная коммуникация; структура индивидуально ориентированного учебника иностранного языка; содержание учебника иностранного языка.

Общепризнан тот факт, что любой язык нельзя изучать отдельно от его мира, что предполагает изучение жизни, культуры, цивилизации страны изучаемого языка. При этом взаимодействие представителей различных культур, опосредованных языком, направлено на накопление знаний о культуре страны изучаемого языка и на выработку стратегии действий, способствующей пониманию собственной и чужой культуры на основе их сравнения.

Процесс овладения иностранным языком (далее — ИЯ) в России происходит прежде всего вне пределов страны изучаемого языка и без непосредственных контактов с культурой носителей языка, что обуславливает многомерность и сложность учебного предмета «иностранное языко», понятия «обучение иностранному языку» и определяет сущность языкового образования в целом как ценности, как результата, как процесса и как системы [5: с. 63, 116].

Любой учебник ИЯ ведет по миру изучаемого языка, призван стимулировать и осуществлять диалог культуры того, кто изучает ИЯ, и культуры страны носителей языка. Диалог культур становится проблемой практического и методического характера, проявляющейся во всех аспектах работы при обучении языку (см. подробнее об этом: [7]).

Необходимость создания современного учебника ИЯ обусловлена рядом факторов: стремительным развитием и неоднозначным характером человеческой коммуникации (межкультурной в том числе); противоречивым характером межкультурного взаимодействия; необходимостью формирования межкультурной компетентности участников общения; приобретением ИЯ статуса «вторичного средства культурного самовыражения народов» и средства «иноязычного описания культуры» [8: с. 62]; массовыми миграциями и связанными с ними аккультурационными процессами; необходимостью комментирования инокультурных явлений; повсеместным ростом разнообразных средств информации; изменением аудитории, изучающей ИЯ, объясняемым смещением жизненных приоритетов.

Последний фактор приводит к усилению и (или) переосмыслению принципа индивидуализации в контексте создания и использования учебника ИЯ. Тем не менее индивидуальный подход к обучению не всегда обеспечен содержанием учебника. Так как учебник ИЯ оказывает серьезное влияние на мировоззренческие представления своих пользователей (обучающихся, педагогов), именно поэтому он должен рассматриваться как важный элемент межкультурной коммуникации [9: с. 3] и как средство развития личности, становления тех ее качеств, которые необходимы для эффективного межкультурного диалога. Следовательно, можно говорить о необходимости *создания на межкультурной основе учебника ИЯ индивидуально ориентированного типа*. Такой учебник направлен на расширение знаний будущего специалиста об инокультурной сфере и сфере родной культуры, позволит сформировать адекватное коммуникативное поведение в поликультурной среде, в том числе профессиональной. Таким образом, исследование роли учебника ИЯ в освоении мира иной культуры представляет как теоретический, так и практический интерес.

Процесс создания учебника ИЯ — творческая работа, требующая научного и педагогического мастерства, поэтому не может быть окончательных рецептов и рекомендаций по архитектонике книги, ее объему, форме подачи информации. Под архитектоникой учебника ИЯ подразумеваются соотношение частей учебника, расположение и взаимная связь его компонентов, образующих вместе некоторое единство. Имеется в виду как внешняя структура учебника ИЯ, так и его деление на части, диалогичность, та или иная последовательность событий, введение в текст различных описаний, авторских комментариев и т. п. [13: с. 134]. Архитектоника всегда социально обусловлена, поэтому она изменяется в связи с социально-экономической жизнью данного общества.

Думается, что основная цель индивидуально ориентированного учебника ИЯ в вузе — подготовка специалиста к межкультурной коммуникации как основной сфере профессиональной деятельности. Значит, важную роль в построении, отборе и содержании учебного материала в таком издании должна играть двойная функция учебника ИЯ — как ядра обучения и как путевода

по образовательному пространству. При этом важны механизмы создания положительного имиджа той или иной страны в учебниках ИЯ. Мы присоединяемся к мнению Д.А. Шевляковой о том, что авторы учебника ИЯ не имеют права давать информацию негативного характера, так как она может разрушить мотивацию обучающихся, а содержание учебных материалов, текстов и подбор иллюстративного материала не должны превратиться в определенного рода идеологию, определяющую принципы их отбора [15: с. 12].

Отметим, что параметры (очертания) архитектоники будут изменяться в зависимости от жанра книги. Каждый жанр характеризуется рядом специфических признаков, требующих своеобразной композиции. Учебник ИЯ как жанр специализированной дидактической литературы представляет собой эффективную специализированную книгу для обучения [6: с. 79], где возможно использование не только вербальных, но и невербальных средств межкультурной коммуникации.

На наш взгляд, индивидуально ориентированный учебник ИЯ как жанр специализированной дидактики условно может планироваться в виде двух модулей: инвариантной (стандартной, фундаментальной) части, которая содержит стабильные и устойчивые теоретические знания; вариативной (подвижной и отвечающей потребностям личности) части учебника, которая представлена в виде отдельных разделов, глав и легко обновляется в соответствии с профессиональной ориентацией студентов и современным уровнем отрасли знания. Подобная структура учебника способна обеспечить получение набора профессиональных знаний, достаточных для свободного владения умениями и навыками в профессиональной деятельности [11].

Думается, что инвариантный модуль учебника ИЯ индивидуально ориентированного типа можно представить в следующем виде: оглавление, методическая записка/предисловие, совокупность блоков учебной информации, источники информации и приложения. Каждый блок учебной информации будет включать в себя параграфы (краткое обозначение целей обучения, основной текст) и соответствующие элементы аппарата организации усвоения материала.

Под аппаратом организации усвоения материала понимаются внетекстовые компоненты, которые целенаправленно ориентируют обучаемых в содержании и структуре учебника ИЯ, создавая исходные условия для работы с ним. Важным фактором в данном случае становится удобочитаемость учебника ИЯ как жанра, где ориентирование является направляющим информированием и отправляет читателя к новой информации другого уровня [3: с. 46–48].

Аппарат организации усвоения учебного материала может включать в себя оглавление, методическую записку/предисловие, указатель, список информационных источников, заключение, приложение, символы ориентировки (вопросы и задания, памятки или инструктивные материалы, таблицы, подписи к иллюстративному материалу и упражнения). Формат их представления

в учебнике ИЯ предполагает помощь преподавателю в выстраивании образовательной траектории в зависимости от конкретных условий реализации учебного процесса. Для этого могут быть использованы выделения цветом или шрифтом, специальные графические средства для задания различных маршрутов обучения.

Оглавление дает общее представление о структуре учебника ИЯ, позволяя читателю легко найти тот или иной материал в нем. К элементам справочного аппарата относится также методическая записка/предисловие, которые представляют собой вводный текст, предваряющий изложение основного материала. Данный раздел учебника ИЯ нацелен на то, чтобы характеризовать роль и значение дисциплины в образовательной программе, дать общую установку на изучение курса.

Говоря о требованиях к содержанию индивидуально ориентированного учебника ИЯ, подчеркнем, что он должен отвечать наиболее существенным потребностям педагогического процесса и специфике предмета «иностраный язык», «создавать материальные условия для овладения средствами языка, для осуществления иноязычной коммуникации, управлять познавательной и коммуникативной деятельностью учащихся» [2: с. 21]. Это значит, что для обеспечения речемыслительной активности в ходе иноязычной учебной деятельности учебник ИЯ призван обеспечить как жесткое, так и вариативное управление педагогическим процессом для адаптации к конкретным условиям преподавания и обучения ИЯ.

Основными носителями иной культуры в учебниках ИЯ индивидуально ориентированного типа являются учебные тексты, репрезентирующие ее в четырех информационных аспектах, таких как: фоновые знания (система ценностей и норм, географические особенности, традиции); материально-духовные достижения культуры; события и процессы, которые формируют общество; субъекты культуры, являющиеся культурным достоянием. Основой описания материала становится «культурная единица» (лингвокультурема), содержащая языковое представление и «внеязыковую культурную среду» — устойчивую сеть ассоциаций, составляющих культурный ореол слова, что позволяет проникнуть в смысл высказывания как отражения феномена культуры [16: с. 97]. Акцент делается на отражении в языке фрагмента национальной культуры для формирования в сознании обучаемых относительно полной картины существующего в обществе явления. В дальнейшем лингвокультуремы и связанные с ними фоновые знания используются в процессе межкультурного общения.

Образовательная деятельность, в том числе при преподавании ИЯ, оперирует ценностями. Отношение обучающихся к ценностям общества должно быть ориентировано на социально важный инвариант, рассматриваемый обществом как императив — норма, закон, правило поведения, обязательное для всех [14: с. 393]. Являясь социокультурным феноменом, письменный текст

индивидуально ориентированного учебника ИЯ воплотит в себе ценностные константы социума как высших ориентиров поведения, которые возникают на основе знания и собственного жизненного опыта индивида.

Для современной теории обучения ИЯ большое значение имеет обращение к различным сферам общения в социуме. Их выделение определяет правила социально-типового использования ИЯ, которыми овладевают обучающиеся для успешного межкультурного общения. Думается, что в индивидуально ориентированном учебнике ИЯ наряду с такими часто используемыми сферами, как семейная жизнь, работа, образование, свободное время (знакомства, общение, культура), могут быть дополнительно предложены в качестве отдельных тем и другие: средства массовой информации, общественные и частные предприятия службы быта, другие сферы (церковь, армия, политика, спорт). В содержательную часть учебника ИЯ можно включить политическую символику национального государства: флаг, герб, гимн, посредством которых государство — носитель языка, не только формирует национальную идентичность, но и ретранслирует ее за рубежом.

Обязательным элементом учебника ИЯ индивидуально ориентированного типа должна стать информация, посвященная национально-прецедентным именам, которые каждое государство продвигает как политические символы. В топонимике населенных пунктов любого государства можно найти имена политических деятелей, героев, которые имели и имеют огромное значение для каждой нации, а также формирования нации и государства — художников, архитекторов, писателей, композиторов, деятелей науки.

Текстовое пространство может быть отведено материальной культуре, важными сферами которой выступают гастрономия, мода и дизайн, где зачастую вносится существенный вклад в культуру всего мира. Кухню, моду и дизайн любой страны можно оценивать как результат сложной исторической эволюции, которую можно рассматривать как сконденсированную историю культуры [15: с. 28]. Принцип учета общественного развития, лежащий в основе выделения сфер общения, считается оправданным, поскольку язык представляет собой социальный продукт, а человек через язык включается в сеть социальных отношений.

Материалом для пополнения содержательной части современного учебника ИЯ, не только инвариантной, но и его вариативной части, могут послужить оригинальные тексты самой разнообразной тематики: образцы документов официально-делового стиля, статьи справочного характера, краткие сообщения, журнальные статьи, географические справки, исторические описания и др. В таком случае мы можем говорить о том, что тот или иной учебник ИЯ построен на актуальных материалах [4: с. 6].

В содержание современного индивидуально ориентированного учебника ИЯ необходимо включать ситуации общения, связанные с определенной темой. При рассмотрении любой ситуации общения всегда возникает серия

вопросов: кто, где, когда, как, зачем, почему, с какой целью говорит. Значит, социальные характеристики участников общения (общественный и социальный статус, пол, национальность, возраст); время, место, условия общения; каналы связи (телефонный звонок, электронное письмо, непосредственное взаимодействие и др.); цели общения (например, получение информации и т. п.); а также языковые и паралингвистические средства (жесты, мимика) выступают в данном случае компонентами межкультурной ситуации общения [12: с. 90].

На наш взгляд, учебник ИЯ должен не просто оперировать подобной информационной базой, а ориентировать на индивидуализацию и дифференциацию учебного процесса, на внедрение современной модели взаимодействия, в которой учебник ИЯ выполняет функцию консультанта и помощника. Такая организация предоставляет обучающимся возможность продемонстрировать активность, проявить самостоятельность в планировании и подготовке своей работы, стимулирует их к поиску новой информации, выполнению проектов и творческих работ [10: с. 69]. Следует говорить о расширении ресурсных возможностей учебника за счет использования внешних носителей информации. Учебник ИЯ индивидуально ориентированного типа может содержать в себе отсылки к другим учебникам и учебно-методическим пособиям, ресурсам из смежных отраслей знаний, фондам библиотек, музеев, ссылки на интернет-ресурсы, в том числе зарубежные, и т. д.

Самостоятельное познание нового материала обусловит смену традиционного линейного обучения ИЯ нелинейным, в основе которого лежат принципы комбинированного использования различных форм обучения, в том числе средств мультимедиа. Благодаря нелинейному процессу работы обучающиеся овладевают умением изучать новые тексты, что даст им возможность быть активными потребителями информации и чувствовать себя свободно в информационном пространстве. Вместо традиционного подхода «страница за страницей», «книга за книгой», обучающийся построит собственную логическую цепь информации [1: с. 8–9]. Это будет способствовать развитию критического мышления и рассмотрению проблемы с разных точек зрения.

Применение новых технологий в учебнике ИЯ индивидуально ориентированного типа подчеркнет его свойства: комплексность, инструментальность и интерактивность. Комплексность заключается в подчинении методического аппарата учебника ИЯ системе единых требований (формирование универсальных учебных действий, умение работать с другими источниками информации). Инструментальность предусматривает наличие в учебнике ИЯ методического аппарата, организующего самостоятельную учебную деятельность обучающихся за счет обращения к другим компонентам. Интерактивность подразумевает учебную деятельность при помощи учебника ИЯ за рамками урока и занятия посредством обращения к компьютеру [2: с. 23–24].

Учебник ИЯ индивидуально ориентированного типа как эффективная специализированная книга для обучения с использованием вербальных

и невербальных аспектов межкультурной коммуникации станет поликодовым инструментарием межкультурного общения. При этом полифункциональность учебника ИЯ позволит ему реализовывать следующие функции: репрезентативную, гносеологическую, информативную, интерпретационную, посредническую, коммуникативную, аксиологическую, функцию интеграции и разграничения, а также функцию формирования культурной картины мира [9: с. 14].

Выстроенная подобным образом архитектура индивидуально ориентированного учебника ИЯ даст возможность освоить новые элементы культуры, обогатить культурный опыт обучаемого, воспринять по-новому явления его собственной культуры. Повышение интереса к другой культуре способствует трансформации восприятия инокультурных событий пользователями учебника от «чужих» до «иных», формирует более толерантную личность. В процессе межкультурной коммуникации происходит идентификация себя как продукта определенной культуры, более глубокое осознание обучающимся собственной культуры и собственного мировоззрения, необходимости конструктивного взаимодействия с «чужим» для него миром, формирования культуры согласия.

Библиографический список

Литература

1. Акулова О.В. Проблема построения нелинейного процесса обучения в информационной среде // Человек и образование. 2005. № 3. С. 7–11.
2. Бердичевский А.Л., Голубева А.В. Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015. 140 с.
3. Васильев С.Л. Удобочитаемость газеты и журнала. Воронеж: Кварта, 2010. 152 с.
4. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Либроком, 2013. 464 с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв., ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стереотип. М.: Академия, 2006. 336 с.
6. Герасимова С.А. Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект: монография. М.: МГПУ, 2015. 224 с.
7. Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. конф. (Москва, 14–16 апр. 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. 620 с.
8. Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сб. науч. ст. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 51–70.
9. Карпец Е.В. Освоение мира иной культуры в культурно-образовательном пространстве учебника: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2013. 25 с.
10. Крутских А.В. Оптимизация преподавания теоретических дисциплин в новых условиях обучения (на примере курса «Основы теории второго иностранного языка») // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (11). С. 65–71.

11. *Мендубаева З.А.* Функциональная нагрузка и взаимосвязь компонентов аппарата организации в структуре учебника [Электронный ресурс]. URL: <http://ores.su/en/journals/fn-nauka/2012-nomer-3/> (дата обращения: 12.09.2016).
12. *Орбодоева Л.М.* Теоретические основы структуры и содержания учебника по практике межкультурного общения: языковой вуз, немецкий язык: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2003. 22 с.
13. *Сахарова Е.Г.* Типологическая модель учебно-методических изданий (на примере изданий для высшей школы): дис. ... канд. филол. наук: 05.25.03. Минск, 2008. 204 с.
14. *Шарунов А.И.* Критический анализ современных аксиологических проблем отечественной педагогики // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 391–416.
15. *Шевлякова Д.А.* Доминанты национальной идентичности итальянцев: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2011. 46 с.
16. *Языкова Н.В.* Культура и обучение иностранным языкам: лингводидактический аспект // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1. С. 95–100.

References

Literatura

1. *Akulova O.V.* Problema postroeniya nelinejnogo processa obucheniya v informacionnoj srede // Chelovek i obrazovanie. 2005. № 3. S. 7–11.
2. *Berdichevskij A.L., Golubeva A.V.* Kak napisat' mezhkul'turny'j uchebnik russkogo yazy'ka kak inostrannogo. SPb.: Zlatoust, 2015. 140 s.
3. *Vasil'ev S.L.* Udobochitaemost' gazety' i zhurnala. Voronezh: Kvarta, 2010. 152 s.
4. *Gak V.G., Grigor'ev B.B.* Teoriya i praktika perevoda. Francuzskij yazy'k. M.: Librokom, 2013. 464 s.
5. *Gal'skova N.D., Gez N.I.* Teoriya obucheniya inostranny'm yazy'kam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie dlya stud. lingv., un-tov i fak. in. yaz. vy'ssh. ped. ucheb. zavedenij. 3-e izd., stereotip. M.: Akademiya, 2006. 336 s.
6. *Gerasimova S.A.* Uchebno-didakticheskiy tekst v pedagogicheskoy kommunikacii: lingvopragmaticheskiy aspekt: monografiya. M.: MGPU, 2015. 224 s.
7. Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. konf. (Moskva, 14–16 apr. 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. 620 s.
8. *Kabakchi V.V.* Tipologiya teksta inoyazy'chnogo opisaniya kul'tury' i inolingvokul'turny'j substrat // Lingvistika teksta i diskursivny'j analiz: tradicii i perspektivy': sb. nauch. st. SPb.: SPbGUEF, 2007. S. 51–70.
9. *Karpec E.V.* Osvoenie mira inoj kul'tury' v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve uchebnika: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. Saransk, 2013. 25 s.
10. *Krutskiy A.V.* Optimizaciya prepodavaniya teoreticheskix disciplin v novy'x usloviyax obucheniya (na primere kursa «Osnovy' teorii vtorogo inostrannogo yazy'ka») // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 1 (11). S. 65–71.
11. *Mendubaeva Z.A.* Funkcional'naya nagruzka i vzaimosvyaz' komponentov apparata organizacii v strukture uchebnika [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://ores.su/en/journals/fn-nauka/2012-nomer-3/> (data obrashheniya: 12.09.2016).

12. *Orbodoeva L.M.* Teoreticheskie osnovy' struktury' i sodержaniya uchebnika po praktike mezhkul'turnogo obshheniya: yazy'kovoj vuz, nemeczkij yazy'k: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. M., 2003. 22 s.
13. *Saxarova E.G.* Tipologicheskaya model' uchebno-metodicheskix izdanij (na primere izdanij dlya vy'sshej shkoly'): dis. ... kand. filol. nauk: 05.25.03. Minsk, 2008. 204 s.
14. *Sharunov A.I.* Kriticheskij analiz sovremenny'x aksiologicheskix problem otechestvennoj pedagogiki // E'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya. Irkutsk: IGLU, 2008. S. 391–416.
15. *Shevlyakova D.A.* Dominanty' nacional'noj identichnosti ital'yancev: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii: 24.00.01. M., 2011. 46 s.
16. *Yazy'kova N.V.* Kul'tura i obuchenie inostranny'm yazy'kam: lingvodidakticheskij aspekt // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1. S. 95–100.

S.A. Gerasimova

Architectonics of Individually Oriented Coursebooks of Foreign Language

The paper deals with the issue of architectonics of foreign language coursebooks of an individually oriented type. It proves that the contents and structure of a coursebook are intended to facilitate entry into the world of another culture, to maintain dialogue of cultures, to provide professional knowledge for fluent command of skills in their professional activities.

Keywords: foreign language; cross-cultural communication; structure of individually oriented coursebooks of foreign language; contents of foreign language coursebooks.

Ю.В. Загорулькина

**Об одной конфликтной ситуации —
сквозь призму мифа (дядя и племянник
в драматургии А.Н. Островского)**

В статье рассматривается конфликтная ситуация «дядя – племянник», представленная в драматургии А.Н. Островского. Принято считать, что основой конфликтов является история, рассказанная в «Гамлете» Шекспира. Противостояние Гамлета и Клавдия, однако, не столько конкретная семейная распря, сколько архетипический конфликт. Архетипическая ситуация исследуется автором в контексте мифологического нарратива.

Ключевые слова: А.Н. Островский; драма; миф; конфликт; система персонажей.

Почему в драматургии А.Н. Островского особое внимание уделяется изображению родственных связей дядя – племянник? «Отбор жизненных явлений в драме производится гораздо более ремесленно и грубо, чем в лирике или эпосе», — заметил Л. Фейхтвангер [7: с. 578]. Чем мотивирован весьма часто встречающийся «отбор» именно дядюшек и племянников в качестве персонажей, противостоящих друг другу скрыто или явно и, как правило, преследующих материальные интересы (это целый ряд знаменитых пьес Островского: «Доходное место», «Гроза», «Лес», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Сердце не камень»)? Иногда место племянников занимают племянницы («Трудовой хлеб», «Красавец мужчина», «Не было ни гроша, да вдруг алтын»), а дядюшек — тетушки («Красавец мужчина», «Лес», «Волки и овцы»), порой племянники бесцеремонно вымогают деньги у дядюшек, как Горецкий у Чугунова («Волки и овцы»), порой пускаются на обман, как Лавр Мироныч в «Последней жертве» или Константин Лукич в «Сердце не камень». Но и тетушка может обездолить племянника («Лес»). В комедии «Бедность не порок» дядюшка, Любим Торцов, за богатством не гонится, племянницу не преследует, а спасает от деспотизма ее отца, но в системе персонажей этой пьесы все же сохраняются дяди и племянники, причем этих пар две (Любим и Люба, Гордей и Гуслин).

На первый взгляд, выбор именно такой степени родства (дядя — племянник) в драматургии А.Н. Островского не всегда мотивирован сюжетно и далеко не всегда объясняется особенностями конфликта. В социальном, психологическом или идеологическом конфликте, в конфликте поколений, в споре из-за наследства, в несогласиях из-за образа жизни могут быть представлены различные участники, конфликтующие стороны вовсе не обязательно должны быть связаны родственными узами, и уж тем более не обязательно такими, как дяди и племянники. Но именно этим персонажам в пьесах А.Н. Островского отдается заметное предпочтение.

В то же время в «Материалах для словаря русского народного языка» Островский отмечает: «У богатых (купцов) род — хозяева, а племя — слуги. — *Жить в племянниках* — значит жить в работниках, делать, что прикажут, ничего не получать, в ожидании чего-то; так же живут и племянницы, но тех обыкновенно за службу выдают замуж. (*Костром.*)» [1: т. 10, с. 499]. Итак, племянник в таком понимании — зависимый родственник (может быть, дальний) или просто сонаследник, но главное — ожидающий милостей (наследства, покровительства) от старшего, всесильного «дяди». Это тип приживальщика, приближающийся к *паразит* античности, с той разницей, что, живя в «работниках», сознает какие-то свои зыбкие права на принадлежность к наследству «племени», рода.

В «Доходном месте» получивший университетское образование Василий Жадов — племянник высокопоставленного Вышневого, чьи личное имя и патроним (Аристарх Владимирыч) намекают на власть, могущество и даже некоторое соперничество из-за власти (Аристарх — греч. «лучший правитель», Владимир — по народной этимологии «правитель мира»). Имя же «Василий» образовано, как известно, от греческого βασιλεύς — *базилевс*. Этимология их (почти говорящих) фамилий также прозрачна, правда, в случае Жадова отражает не его постоянное качество, но внутреннюю борьбу. «Доходное место», т. е. деньги, власть, положение в обществе, одним словом, то, что может предоставить племяннику Вышневикий, является аналогом «наследства», которого ожидает от Дикого Борис в «Грозе». Причем такое покровительство со стороны дяди было бы совершенно неприкрытым nepoтизмoм, nepoтизмoм в прямом смысле слова, чего честный и щепетильный Василий Жадов старается избежать. И все же, как и в случае с Диким и Борисом в «Грозе», именно такой вариант родства (дядя и племянник) не является сюжетно или психологически обусловленным. Если бы драматург сделал Жадова не племянником Вышневого, а сыном или другим родственником, и даже лишь подчиненным (соседом, знакомцем), к изменениям в сюжете и основном конфликте «Доходного места» это бы, как кажется, не привело.

В «Грозе» расстановка персонажей, как это давно замечено исследователями, отнюдь не ориентирована на внешний конфликт, который к тому же максимально сглажен и заслонен внутренним. К трагедии Катерины угнетение

Диким племянника не имеет никакого отношения. (Даже если бы разбогатевший и независимый Борис предложил Катерине бежать из города вместе с ним, внутренний конфликт в сознании героини остался бы неизменным.) Племянник Борис, сознающий, что милостей дяди ему не дожидаться, терпит все выходки самодура, а свое изгнание из города и даже разлуку с Катериной воспринимает как должное. О Борисе еще со времен Добролюбова известно, что он «должен быть отнесен тоже к *обстановке*» [2: с. 355]. Пожалев Катерину и назвав ее «бедной девочкой, не получившей широкого теоретического образования» (sic!) [2: с. 338], критик отметил, однако, что Борис, хотя и «хватил “образования”», «никак не справится ни с старым бытом, ни с сердцем своим, ни с здравым смыслом» [2: с. 355]. В отличие от слабой, по мнению Добролюбова, теоретической подготовки Катерины, образование Бориса ни у Добролюбова, ни у других критиков не удостоивается хоть какого-нибудь сочувствия, и причину Борисовой покорности самодуру дяде Добролюбов видит исключительно в материальной зависимости, от которой никакое «образование» не спасает.

Казалось бы, взятые Островским, по выражению Добролюбова, «из самой жизни» [2: с. 310] взаимоотношения персонажей могли бы складываться точно таким же образом, если бы Борис и Дикой не назывались «племянником» и «дядей», а были другими родственниками или просто сонаследниками. Сюжетная канва «Грозы» не претерпела бы изменений, будь Борис и Дикой, например, сыном и отцом, тем более что оппозиция двух поколений, «отцов» и «детей» в творчестве Островского почти никогда не связывается с разработкой семейных психологических черт, с каким-либо психологическим (и даже внешним) сходством, преемственностью детей и родителей (в отличие, например, от характерного для толстовской типизации подчеркивания семейного, фамильного сходства персонажей в «Войне и мире», «Анне Карениной»). Достаточно вспомнить Илью Иваныча и Петра из «Не так живи, как хочется», Любима и Гордея Торцовых, безвольного Тихона и властную Кабаниху, поэтическую Ларису Огудалову и меркантильную Хариту Игнатьевну, одаренную Александру Негину и приземленную Домну Пантелевну, искреннюю Ксению Кочуеву и ханжу Снафидину, а также многих других героев и героинь Островского, которые связаны близким родством и в то же время весьма далеки, а порой даже противоположны по психологии и мироощущению.

Итак, большей частью отношения дяди и племянника в пьесах Островского связаны с дележом наследства: денег, имущества. Дядюшка может обладать также определенной властью, возможностью оказать покровительство («Доходное место»). Нет оснований не учитывать и то расширительное значение («слуга», «работник»), которое придается А.Н. Островским «племяннику» в «Материалах для словаря». Во всех этих случаях дядя выступает просто в роли старшего родственника или хозяина, чаще гонителя, чем благодетеля племянника, а племянник (или просто младший домочадец, подчиненный)

почему-то терпит эти гонения. Может быть, отношения дяди и племянника у Островского наделены каким-то особым статусом в конфликте? Дядюшка помыкает племянником, но племянник *ждет чего-то*, и оба сознают, что племянник имеет какие-то права, узурпированные этим старшим родственником или хозяином. В драматургии же А.П. Чехова, в соответствии с ироническим модусом его пьес, ситуация инверсирована: «Дядя Ваня» в одноименной пьесе, Гаев в «Вишневом саде» уже не классические дядюшки, не толстосумы и не деспоты, а неудачники, сами нуждающиеся в утешении и внимающие успокоительным речам племянниц.

Итеративность ситуации «дядя – племянник» в драматургии А.Н. Островского, а тем более инверсирование этой ситуации в драматургии А.П. Чехова, отталкивающегося, как известно, от драматургических принципов своих великих предшественников и, что еще важнее, — от смысловых и идейных клише, может свидетельствовать только о том, что эта ситуация если не архетипична, то, во всяком случае, ритуальна для драмы. Как многие ритуальные действия, смысл которых забыт и уже не осознается исполнителями ритуала, ситуация «дядя – племянник» вводится в драматургию даже в тех случаях, где вполне можно было бы без нее обойтись.

Что же послужило моделью для такой системы персонажей, в которой младший и зависимый называется именно племянником, причем подчеркивается зависимость младшего от старшего, и, как правило, на первый план выдвигаются претензии на наследство? Такая расстановка персонажей в конфликте (или хотя бы констатация противоречий между персонажами) обусловлена не столько жизненным материалом (бытовым, юридическим, с которым А.Н. Островский был прекрасно знаком), сколько скрытой мифологической структурой драмы, ее «мифологической темой». (Термин «мифологическая тема», понимаемый как скрытый в сюжете произведения мифологический сюжет или конфликт, ввел испанский исследователь Alvares de Miranda (1959)).

Конфликт между дядей и племянником корнями уходит в мифологию. Однако эта сторона конфликтных ситуаций в драматургии Островского до сих пор не находила объяснения. В трактовке Добролюбова все сводилось к социальному противостоянию, в обстоятельной статье Н.С. Ганцовской взаимоотношения богатых дядюшек (тетушек) с бедным «племенем» рассмотрены как психологические, как «многогранные модели, состоящие из разнообразных человеческих черт характера: доброты, кротости, порядочности, трудолюбия, уступчивости, приниженности, безволия, с одной стороны, с др. — жадности, жестокости, властолюбия, чванства, глупости, ханжества и др.». [З: с. 498].

Думается, что проекция на миф позволит высветить еще одну грань весьма частой в пьесах Островского конфликтной ситуации. Чтобы конфликт между дядей и племянником раскрылся в полной мере, достаточно задать вопрос: кто должен наследовать освободившийся трон монарха — младший брат самодержца или его сын?

Конфликт дяди и племянника лежит в основе основного мифа Древнего Египта. В интересном исследовании О.З. Кандаурова отмечается, что вопрос, над которым «мучился еще Древний Египет», — это был «вопрос не юридический, а философско-практический» [5: с. 177]. Миф об Осирисе и противоборстве Гора и Сета — это целая история, связанная с проблемами престолонаследования. Осирис господствовал сакральное число лет (двадцать восемь), и в его планах было передать трон своему сыну Гору, однако младший брат правителя тоже имел виды на престол. С этого момента начинается конфликт, борьба соперников за власть, временные победы то одного, то другого, но «неуничтожимость ни того, ни другого превращает их единоборство в “борьбу нанайских мальчиков”» [5: с. 177]. Мастера коварного Сета изготавливают саркофаг по росту Осириса, тот ложится в гроб, примеряя его, и саркофаг быстро заколачивают гвоздями. Казалось, на этом месте Сет может вздохнуть свободно, но в дело вступает жена Осириса, Исида. Осирис воскресает, но вынужден оставаться в царстве мертвых. Вопрос о престолонаследии (Сет или сын Осириса Гор) решается на совете богов, но голоса разделились... «Как видим, вопрос: сын или *младший брат*? — не так прост, как кажется, а обладает крайней остротой и сложностью. Дело в том, что драгоценность атлантской крови разжигается с каждым новым поколением за счет включения в “производство” чужой крови второго партнера. Вот почему *младший брат* предпочтительней... Но — если братья контрастно поделили между собой свойства и качества, ... то, конечно, предпочтительней сын» [5: с. 180]. Египетский миф не дает однозначного ответа на этот вопрос, и в этом его сложность, но и величие. Образ верной и добродетельной супруги, оберегающей, подобно Исиде, своего полумертвого мужа от посягательств на наследство, Островский создает в пьесе «Сердце не камень», система персонажей которой вообще может быть сопоставлена с расстановкой персонажей в египетском мифе.

В Древней Греции наследование власти и трона по-своему отражается в известном мифе о проклятии Пелопидов. Отпрыски Пелопа были вовлечены в самую кровавую в греческой мифологии семейную вражду. Пелоп был одним из претендентов на руку и сердце Гипподамии, дочери Эномая. Эномай предлагал всем женихам колесничные ристания, обещая победителю руку дочери, но никто не мог его победить. Распространен вариант мифа, по которому Пелоп пообещал Миртилу, вознице Эномая, обладание Гипподамией в течение одной ночи, если тот предаст хозяина. Миртил заменил металлическую чеку в колеснице Эномая восковой, вследствие чего колесница разбилась и Эномай погиб. Умирая, царь проклял Миртила и напороочил ему смерть от руки Пелопа. Пелоп женится на Гипподамии, и Миртил требует обещанной награды за проявленное усердие. В ответ Пелоп сталкивает возницу с высокого утеса в море, и Миртил, падая, прокликает Пелопа и Пелопидов. Вереница страшных преступлений началась с соперничества двух сыновей Пелопа, Атрея и Фиеста. Фиест в борьбе за престол соблазняет жену Атрея, Атрей

в отместку устраивает «пир Фиеста» (угощает брата жарким из своих племянников — детей Фиеста). Дальнейшая история, которую мы опускаем, известна уже как «проклятие Атридов» и заканчивается тем, что один из Атридов, Орест, мстит Эгисфу, своему дяде.

Эта модель не потеряла своей актуальности и в литературе Средневековья. Гамлет, или Амлет, упоминаемый в хронике Сакса Грамматика, был сыном короля Горвендила и королевы Геруты. Дядя Гамлета по отцу, Фенге, убил своего брата короля, сам завладел тронem и женился на вдове убитого. Исследователи Шекспира указывают не только на средневековые хроники, но и на миф об Оресте, причем в имени друга Гамлета Горацио порой видят еще и отсылку к египетскому Гору. Сошлемся на мысль Б.А. Гиленсона: «Исторический опыт, расширение накопленных знаний о мире и человеке дают возможность вносить дополнительные нюансы в оценку классических произведений и художественных образов. Ярчайший пример тому — Гамлет» [4: с. 104].

Сюжет о дяде и племяннике, о борьбе за престолонаследие в европейской драматургии XVI–XX вв. стал едва ли не самым распространенным. Как всегда, образцом служила античная трагедия: трилогия Эсхила «Орестея» («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды»), трагедии Софокла и Еврипида на тот же сюжет мести Ореста. Да и датско-ютландская история Гамлета, послужившая претекстом шекспировского творения, развивалась по вполне мифологическому древнеегипетско-древнегреческому сценарию, что и обусловило превращение ее в некую сюжетно-драматургическую модель. Сам отбор материала осуществлялся и направлялся в соответствии с мифоритуальной моделью, обусловившей законы драмы. В драматургии А.Н. Островского, с его органичным усвоением античной драмы, с его уникальным ощущением античности, которая «вошла в повседневный культурный обиход, общение с людьми и размышления самого Островского» [8: с. 27], изображение конфликтных отношений дяди и племянника порождалось не столько семейно-бытовыми и имущественными противоречиями, сколько мифологической основой. На этой основе и возрождалась каждый раз метаситуация драматургического конфликта. В известной мере и спор дядюшки с племянником в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова развивается в русле такого сценария, однако его острота в эпическом жанре заключается не в имущественном, а в идейном наследовании.

Иронический отказ от традиций конфликтной ситуации, известной по античной трагедии, выражен у Гончарова в сцене, где племянник нечаянно разбил алебастровый бюст не то Эсхила, не то Софокла и получил от дядюшки выговор за неосмотрительность. «Я заплачу!» — сокрушается племянник, но старший Адуев только машет рукой: проклятие Пелопидов ушло в прошлое... Еще большее обобщение мифологической модели находим в конфликте тургеневского романа, где спорящие об идейном наследстве «отцы» и «дети»

представлены в гораздо большей степени вообще вне родственных отношений (Павлом Петровичем и Базаровым), чем дядей (Павлом Петровичем) и племянником (Аркадием). А в «Войне и мире» в эпилоге намечается как противостояние Николеньки Болконского «дяде Николаю», так и согласие с «дядей Пьером». Можно согласиться с мыслью Е.Ю. Полтавец, что, «несмотря на иронический или полемический контекст», в котором встречаются мифологемы, «роль их заключается именно в указании на архетипический смысл ситуации» [6: с. 140]. Что же касается драмы, то, по-видимому, более тесная, чем у эпоса, связь с ритуалом делает ее и более консервативной в отношении архетипной модели.

Библиографический список

Источники

1. *Островский А.Н.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Литература

2. *Добролюбов Н.А.* Статьи. Стихотворения. М.: Московский рабочий, 1972. 456 с.
3. *Ганцовская Н.С.* Язык // А.Н. Островский: энциклопедия / под ред. И.А. Овчиной. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 496–498.
4. *Гиленсон Б.А.* Вузовский учебник по зарубежной литературе: заметки о жанре // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2010. № 1 (4). С. 97–107.
5. *Кандауров О.З.* Потрясающий копьём. Чудо английских Розенкрейцеров. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2012. 418 с.
6. *Полтавец Е.Ю.* Мифологемы горы и пещеры в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина и «Войне и мире» Л.Н. Толстого // Вестник МГПУ. Филологический выпуск. 2004. № 2 (7). С. 128–140.
7. *Фейхтвангер Л.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М.: Худ. лит., 1968. 767 с.
8. *Шаврыгин С.М.* Античные литературы // А.Н. Островский: энциклопедия / под ред. И.А. Овчиной. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 27–28.

References

Istochniki

1. *Ostrovskij A.N.* Sobr. soch.: v 12 t. M.: Iskusstvo, 1973–1980.

Literatura

2. *Dobrolyubov N.A.* Stat'i. Stixotvoreniya. M.: Moskovskij rabochij, 1972. 456 s.
3. *Gancovskaya N.S.* Yazy'k // A.N. Ostrovskij: e'nciklopediya. Kostroma: Kostromizdat; Shuya: Izd-vo SHGPU, 2012. S. 496–498.
4. *Gilenson B.A.* Vuzovskij uchebnik po zarubezhnoj literature: zametki o zhanre // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2010. № 1 (4). S. 97–107.
5. *Kandaurov O.Z.* Potryasayushhij kop'yom. Chudo anglijskix Rozenkrejcerov. M.: GCTM im. A.A. Bahrushina, 2012. 418 s.

6. *Poltavec E. Yu.* Mifologemy' gory' i peshhery' v «Kapitanskoj dochke» A.S. Pushkina i «Vojne i mire» L.N. Tolstogo // Vestnik MGPU. Filologicheskij vy'pusk. 2004. № 2 (7). S. 128–140.

7. *Fejxtvanger L.* Sobr. soch.: v 12 t. T. 12. M.: Xudozh. lit., 1968. 767 s.

8. *Shavry'gin S.M.* Antichny'e literatury' // A.N. Ostrovskij: e'nciklopediya. Kostroma: Kostromizdat; Shuya: Izd-vo SHGPU, 2012. S. 27–28.

Yu. V. Zagorulkina

**On a Conflict Situation through the Lens of Myth
(the Uncle and the Nephew in A.N. Ostrovsky's Plays)**

The article examines an «uncle – nephew» conflict situation displayed in the plays by A. Ostrovsky. It is commonly believed, that the basis of this conflict is a story told in Shakespeare's «Hamlet». Yet, the confrontation of Hamlet and Claudius is not so much family argument as archetypical conflict. The archetypical situation is investigated by the author in the context of mythical narrative.

Keywords: A. Ostrovsky; drama; myth; conflict; system of characters.

О.Ф. Стрельникова

Метафора семьи как компонент политической риторики

В статье рассматриваются особенности функционирования метафоры семьи в политической риторике. Использование метафоры семьи делает возможным включение каждого этнического меньшинства или подгруппы в ближний круг, подчеркивая, таким образом, единство и сплоченность нации или сообщества.

Ключевые слова: метафора семьи; политическая риторика; политический дискурс.

Метафора привлекает интерес исследователей с древности, при этом занимая особое место среди риторических приемов. Аристотель говорит о метафоре, что она — «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [2]. Позднее разные исследователи предлагают свое определение метафоры. Так, Н.Д. Арутюнова говорит о том, что метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [8: с. 296].

В политической риторике и, в частности, в публичной речи метафора играет особую роль: она воздействует на эмоциональную сферу реципиента, способствуя реализации того компонента, который в теории Аристотеля называется пафосом (пафос — «чувство, воодушевление, вложенное в речь») (цит. по: [3: с. 148]). Метафора воздействует не на разум, а на чувства. Использование метафор делает речь красочной, а идеи — запоминающимися, однако употребление метафор может также повлечь за собой то, что в теории Дж. Лакоффа называется «затемнением»: «Позволяя сфокусировать внимание на одном аспекте понятия (например, на “военной” стороне спора), метафора может препятствовать тому, чтобы мы заметили другие аспекты понятия, несовместимые с нею» [7: с. 31]. Действительно, метафора помогает преобразовывать существующую в сознании адресата (политическую) картину мира, побуждая его к определенным действиям и формируя у него необходимое адресанту эмоциональное состояние [10: с. 127].

Способность метафор воздействовать на чувственное познание аудиторией политической речи подтверждается и результатами некоторых исследований в области социальной психологии. Они доказывают, что метафора — механизм, позволяющий влиять на восприятие людьми различных (социальных) явлений благодаря переносу тех смыслов, которые закреплены за понятиями из сферы-домена (сферы-источника), на метафорически обозначаемые понятия [12]. Так, отношение участников эксперимента к иммигрантам, прибывающим в США, было

более отрицательным в том случае, когда принимающая страна была метафорически представлена как «живой организм». В этом случае участники эксперимента воспринимали иммиграцию как опасность заражения (contamination threat). Соглашаясь с результатами данного исследования, следует отметить, что метафорическое представление действительности не искажает изображаемое, а лишь дает возможность взглянуть на него сквозь некую призму, качество которой во многом зависит от прагматических установок говорящего или пишущего.

Особую роль в политической риторике играет метафора семьи. Известно, что лидеры государств стараются подчеркнуть единство и сплоченность нации. Для этого они нередко прибегают к лингвистическим средствам (в том числе к метафоре семьи), для того чтобы позиционировать себя в качестве «отца» нации. Согласно типологии имиджей, предложенной французским политологом Р-Ж. Шварценбергом, «отец нации» — часто встречающийся в политике тип (цит. по: [11: с. 265]). Можно привести следующий пример отождествления себя как лидера с «главой семьи»: «Гитлер опасался, что наличие подруги отрицательно скажется на его имидже “отца нации”, который жертвует всем ради величия немецкого народа. “Моя невеста — Германия! — с пафосом восклицал он. — Я повенчан с немецкой нацией!”» (цит. по: [5]). Таким образом, в «тоталитарном дискурсе» (см. подробнее: [6]) также находится место метафоре семьи.

Итальянский исследователь Ф. Риготти отмечает, что «нация как семья — “это одна из старейших и наиболее распространенных политических аналогий, которая реализуется в языке с помощью метафор, и которая состоит в отождествлении составных частей политической, национальной или международной систем с отдельными членами семьи и рассмотрении существующих отношений внутри этих систем как родственных отношений”» (цит. по: [14: с. 74], перевод наш. — С. О.). Отечественный ученый Г.Г. Хазагеров также говорит о метафоре семьи в политической риторике: «“Отец” — это инвариантная характеристика всякой авторитарной власти. Это слово подразумевает, что государство строится по аналогии с большой семьей, где есть старший, наделенный высшей властью и отвечающий за все» [9: с. 25].

Метафора семьи имеет особое значение в публичной риторике, потому что отражает прием, связанный с «family psychology» [4]. Семейные ценности универсальны, важны, кажутся родными и близкими для каждого.

Следует отметить, что «метафора — вездесущий принцип языка» [8: с. 45]. Метафора семьи проявляется и в повседневной жизни. Когда мы слышим песню из старого советского кинофильма, напоминающую нам о нашем великом прошлом, видим рекламный плакат, пропагандирующий здоровый образ жизни (социальная реклама), или памятник, на котором изображена Родина-мать, — мы сталкиваемся с примерами, связанными с метафорическим представлением о нации как о семье.

Опираясь на изучение политического дискурса, можно заметить, что метафора семьи — неотъемлемый компонент обращения национальных лидеров к своему народу. При каждой возможности главы государств, взывая к нации, говорят о согражданах как о членах семьи (советские лидеры также применяли метафору семьи в обращениях, например: «Братья и сестры», — назвал Сталин советских граждан 3 июля 1941 г.).

Такое использование помогает достичь нескольких прагматических целей. Так, метафора семьи дает возможность включить в ближний круг каждое этническое меньшинство или подгруппу, как это видно на примере обращения Барака Обамы: «We are part of the American **family**. We believe that in a country where every race and faith and point of view can be found, we are still bound together as one people... That, too, is what sets us apart as a nation» («Мы являемся частью американской **семьи**. Мы верим, что в стране, где сосуществуют различные расы, вероисповедания и точки зрения, мы по-прежнему связаны вместе, как один народ... Это также делает нашу нацию уникальной») [13] и позже: «And as extremists try to inspire acts of violence within our borders, we are responding with the strength of our communities, with respect for the rule of law, and with the conviction that American Muslims are a part of our American **family**» («И в то время, когда экстремисты пытаются побудить [людей] к актам насилия внутри наших границ, мы отвечаем большей силой наших общин, уважением к закону и убеждением, что американские мусульмане являются частью нашей американской семьи») (перевод наш. — С. О.) [Там же].

Метафора семьи может последовательно разворачиваться и в художественном тексте, главным образом в прямой речи, в том числе подчеркивая ораторские способности отдельных персонажей. Так, пример употребления метафоры семьи присутствует в речи Старого Мейджора в романе «Скотный двор»: «And above all, no animal must ever tyrannise over his own kind. Weak or strong, clever or simple, we are all **brothers**» («И прежде всего, ни одно животное не должно никогда тиранить другое животное. Слабые или сильные, умные или простые, мы все братья») (перевод наш. — С. О.) [1: с. 10]. Благодаря метафоре семьи удастся объединить всех животных «Скотного двора» в одно сообщество, разделяющее идеалы добра и справедливости.

Таким образом, метафора семьи широко применяется в политической риторике — это «одна из старейших и наиболее распространенных политических аналогий» (цит. по: [14: с. 74], перевод наш. — С. О.). Она может служить полезным инструментом: использование метафоры семьи в политической риторике позволяет включить каждое этническое меньшинство или подгруппу в ближний круг, подчеркивая единство и сплоченность нации или сообщества.

Библиографический список**Источники**

1. *Orwell G.* Animal Farm. М.: Юпитер-Интер, 2009. 120 с.

Литература

2. *Аристотель.* Поэтика. Об искусстве поэзии [Электронный ресурс]. URL: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm (дата обращения: 06.08.2016).
3. *Джигоева А.А.* Фундаментальные основы публичной речи. М.: Айрис-пресс, 2011. 544 с.
4. *Джигоева А.А.* Public Speaking in Action: мастер-класс по публичной речи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=KgCaIh3bYPs> (дата обращения: 06.08.2016).
5. Женщины вождей: тысяча поцелуев Ленина и тайная подруга Гитлера [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20150422/227664254.html> (дата обращения: 06.08.2016).
6. *Костева В.М.* О термине «тоталитарная лингвистика» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1 (9). С. 59–67.
7. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова; пер. с англ; 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 252 с.
8. Теория метафоры: сб. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
9. *Хазегеров Г.Г.* Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006. 48 с.
10. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
11. *Джигоева А.А.* Insights into Politics and the Language of Politics: a Course of English: учеб. пособие. М.: Кнорус, 2013. 384 с.
12. *Landau M., Sullivan D., Greenberg J.* Evidence That Self-Relevant Motives and Metaphoric Framing Interact to Influence Political and Social Attitudes // Psychological Science. 2009. № 20 (7). Pp. 1421–1427.
13. Remarks by the president in State of the Union Address [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/25/remarks-president-state-union-address> (дата обращения: 06.08.2016).
14. *Tjarks A.* Familienbilder gleich Weltbilder, Wie familiaere Metaphern unser politisches Denken und Handeln bestimmen. VS Verlag fuer Sozialwissenschaften. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2011. 274 S.

References**Istochniki**

1. *Orwell G.* Animal Farm. М.: Yupiter-Inter, 2009. 120 s.

Literatura

2. *Aristotel'. Poe'tika.* Ob iskusstve poe'zii [E'lektronny'j resurs]. URL: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm (data obrashheniya: 06.08.2016).
3. *Dzhioeva A.A.* Fundamental'ny'e osnovy' publichnoy rechi. М.: Ajris-press, 2011. 544 s.

4. *Dzhioeva A.A.* Public Speaking in Action: master-klass po publichnoj rechi [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=KgCaIh3bYPs> (data obrashheniya: 06.08.2016).
5. Zhenshhiny' vozhdj: ty'syacha poceluev Lenina i tajnaya podругa Gitlera [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://inosmi.ru/world/20150422/227664254.html> (data obrashheniya: 06.08.2016).
6. *Kosteva V.M.* O termine «totalitarnaya lingvistika» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 1 (9). S. 59–67.
7. *Lakoff D., Dzhonson M.* Metaforj, kotory'mi my' zhivem / pod red. i s predisl. A.N. Baranova; per. s angl; 2-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2008. 252 s.
8. Teoriya metaforj: sb. / vstup. st. i sost. N.D. Arutyunovlj; obshh. red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 1990. 512 s.
9. *Xazagerov G.G.* Partiya, vlast' i ritorika. M.: Evropa, 2006. 48 s.
10. *Chudinov A.P.* Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 4-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2012. 256 s.
11. *Jioeva A.A.* Insights into Politics and the Language of Politics: a Course of English: ucheb. posobie. M.: Knorus, 2013. 384 s.
12. *Landau M., Sullivan D., Greenberg J.* Evidence That Self-Relevant Motives and Metaphoric Framing Interact to Influence Political and Social Attitudes // Psychological Science. 2009. № 20 (7). Pp. 1421–1427.
13. Remarks by the president in State of the Union Address [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/25/remarks-president-state-union-address> (data obrashheniya: 06.08.2016).
14. *Tjarks A.* Familienbilder gleich Weltbilder, Wie familiaere Metaphern unser politisches Denken und Handeln bestimmen. VS Verlag fuer Sozialwissenschaften. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2011. 274 S.

O.F. Strelnikova

The Family Metaphor as a Component of Political Rhetoric

The article considers the specific features of the family metaphor functioning in political rhetoric. The use of the family metaphor makes it possible to include each and every ethnic minority or subgroup in the inner circle, thus underscoring unity and cohesion within a nation or a community.

Keywords: family metaphor; political rhetoric; political discourse.

Н.Л. Шевченко

Способы выражения пейоративной и нейтральной оценки в рецензиях музыкальных критиков

Аксиологическая составляющая музыкально-критической деятельности актуализируется в текстах рецензий на музыкальные диски. Авторы-критики используют широкий спектр средств словесной образности для передачи «образа музыки» в целях воздействия на читателя.

Ключевые слова: аксиология; аксиологема; музыкальная критика; оценка; ценность.

Музыкальная критика как ветвь музыкальной журналистики является литературной деятельностью, высоко творческим художественным процессом, через который автор-критик выражает свою оценку какого-либо музыкального явления. Художественная оценка по своей природе субъективна и неразрывно связана с понятием художественных ценностей, которые являются частью обширной «иерархически структурированной системы ценностей» [10: с. 17] и относятся к типу художественно-эстетических. Само «понятие “ценности” является одним из ключевых междисциплинарных понятий гуманитарных наук», и в его трактовке существует множество подходов [9: с. 90].

Неразрывно с понятием ценности связано понятие *оценка* — акт осознания ценности. Художественная оценка актуализируется в текстах через *аксиологемы*, «которые, будучи явно или неявно выраженными, в конечном счете, позволяют создать впечатление и мнение как о создателе/интерпретаторе текста, так и о характере предмета текста» [10: с. 25]. Вслед за Е.Ф. Серебренниковой, мы будем понимать термин *аксиологема* как любое языковое выражение оценки в данном дискурсивном мире [Там же: с. 25].

Создателями музыкально-критических текстов выступают музыкальные критики, которые в зависимости от поставленной цели избирают литературно-публицистический жанр. Важным аспектом для музыкального критика-профессионала служит выбор языковых средств (лексических, стилистических, синтаксических) для передачи «образа музыки». Помимо этого, критику необходимо учитывать логику изложения материала, композиционную и смысловую связность текста, аргументативные тактики. Творческий процесс создания музыкально-критического сообщения целиком направлен на читателя. «Автор должен не просто предугадать, как отзовется его слово, но, в идеале, он призван реакцию моделировать» [8: с. 69].

Адресатом критических посланий могут выступать различные категории читателей: профессионалы, просвещенные любители, любители и немusыкальная аудитория. Тип адресата определяется по используемому средству массовой коммуникации. Массмедийное коммуникативное пространство имеет особую значимость «в условиях современного “информационного общества”, характеризующегося постоянной вовлеченностью человека в аудиовизуальные потоки сетевого и синергетического типа коммуникации» [7: с. 55]. Музыкальная журналистика в пространстве медиа может функционировать в разных формах, одна из которых — публикации в периодических изданиях: газетах и журналах, а также в Интернете.

Одно из значимых для современной классической музыкальной культуры медийных изданий — британский журнал *BBC Music Magazine*, функционирующий сразу в трех разных формах: в классической печатной версии, цифровом виде и как веб-сайт *www.classical-music.com*. Полный тираж издания составляет 37 850 копий, что делает его самым продаваемым среди изданий схожей тематики. Адресатами журнала являются просвещенные ценители и обычные любители классической музыки.

С точки зрения аксиологического лингвистического анализа интересны критические рецензии на недавно вышедшие в свет музыкальные диски, которые помещены в рубрике *Reviews* (Обзоры) журнала *BBC Music Magazine*. Жанр рецензии уникален тем, что, будучи небольшим по объему, «он обладает аксиологическим фактором, тем самым позволяя решать просветительские и воспитательные задачи, и, устанавливая двустороннюю связь между композитором или исполнителем и публикой, выполнять коммуникативную роль» [6: с. 58–59]. Помимо вышеперечисленных «положительных» качеств рецензии, этот жанр помогает критику «мобильно откликаться на знаменательные и животрепещущие события музыкальной жизни во всем ее многообразии» [Там же: с. 59]. Рецензия на музыкальный диск усложняется тем, что на диске могут быть записаны музыкальные произведения разных жанров, и критику необходимо заметить и подчеркнуть множество любопытных деталей в кратком изложении.

Средний объем рецензий в журнале *BBC Music Magazine* составляет 256 слов. Каждая из них сопровождается подписью автора и оценкой в виде популярной в западном мире пятизвездной шкалы. В начале рубрики *Reviews* (Обзоры) дается ее расшифровка (одна звезда — *Poor* (Сла́бо), две звезды — *Disappointing* (Не оправдывает ожиданий), три звезды — *Good* (Хорошо), четыре звезды — *Excellent* (Отлично) и пять звезд — *Outstanding* (Превосходно)). Такая оценочная шкала позволяет читателю сразу обратиться к обзорам тех музыкальных произведений или событий, которые, по мнению критика, заслуживают наивысшей, средней или же низкой оценки.

Анализ трех номеров журнала *BBC Music Magazine* показал, что среднее количество рецензий на музыкальные диски в рубрике достигает 50. Из них три рецензии — двухзвездочные, восемь — трехзвездочные, остальные диски

получили оценки «четыре звезды» и «пять звезд». Подобное соотношение говорит о том, что в большинстве случаев качество исполнения и звука находится на высоком уровне и удовлетворяет требованиям музыкальных критиков.

В статье проанализированы тексты рецензий, несущие нейтральную и пейоративную оценку авторов-критиков, соответственно: двух-, трехзвездочные. На данном этапе исследования материалы с оценкой «одна звезда» не выявлены.

Музыкальные критики журнала *BBC Music Magazine* придерживаются определенной схемы написания рецензий на музыкальные диски. В начале (зачине), как правило, дается краткая историческая справка о композиторе, либо о его задумке: «What Gluck sought in his “Reform” operas, of which this was the first, was ‘a beautiful simplicity’ of sound and substance» («В своих “Реформистских” операх, из которых эта была написана первой, Глюк стремился к “прекрасной простоте” звука и содержания»). Подобная информация позволяет критику поднять свой авторитет в глазах читателя, так как свидетельствует о наличии у него музыковедческих знаний. Вторым вариантом зачина рецензии может стать справка об исполнителях или дирижере, о которых будет говориться далее в рецензии: «Andrew Litton is billed on this recording as its “conductor and honky-tonk pianist” — not a common combination» («Эндрю Литтон представлен на этой записи как “дирижер и пианист “хонки-тонки” — не совсем стандартное сочетание») [3].

Обратимся к примерам рецензий, несущим пейоративную оценку авторов-критиков. В арсенале музыкального критика имеется широкий спектр средств словесной образности, позволяющий дать отрицательную характеристику музыкальному произведению или его исполнению. Прежде всего авторами активно используются отрицательно-окрашенные эпитеты: *tone quality proves unvaried* (характер звука **неуверенный**), *the word-utterance superficial*, at times *blurry* (**нечеткое** проговаривание слов, а порой и просто **размытое**), *the great set-pieces come across as emotionally distanced*, even *dull* (самые главные сцены оперы **неэмоциональны**, можно даже назвать их **тусклыми**), *irritatingly arch and frou-frou in presentation and <...> in the actual singing* (**раздражающе-выгнутые** и **бряцающие** не только в подаче <...> но и в самой манере пения), *tedious on repetition* (**скучны** при повторении), *inattentive pedaling* (**небрежная** педализация).

Важным средством отражения «образа музыки» через слово является сравнение: «**But compared with** previous 1762 sets conducted by John Eliot Gardiner <...> this one seems fatally bland» («Однако **в сравнении** с исполнением под руководством Джона Эллиота Гардинера <...> этот вариант кажется мне совершенно слабым») [3], «In general he (Poulenc) is explicit about dynamics, **but here** such concerns are swept aside» («Вообще-то он (Пуленк) оставил довольно ясные указания в отношении динамики, **но в данном случае** все его задумки решительно отметаются в сторону») [4]. Как справедливо отмечает Т.А. Курышева, «сравнение будит воображение читателя, стимулируя его эвристическую деятельность в процессе восприятия музыкально-критической мысли» [8: с. 75].

Для достижения сильного эмоционального воздействия на читателя автор также может прибегнуть к употреблению иронии: «Not only does **listening to her high G sharp at full steam require stronger nerves than mine**» («И я говорю сейчас не только о том, что **мои нервы не выдерживают ее соль диез в полную силу**»), «Also the final chords both in “Fleurs” and Duparc’s “Extase” wrongly retain traces of previous notes through inattentive pedalling. As for the huge interpolated pause in “Fleurs” before the return of “Fleurs promises”... **time for a coffee, I think**» («Помимо этого, в финальных аккордах “Цветов” и “Экстазе” Дюпарка слышны отзвуки предыдущих нот из-за небрежной педализации. Что же касается огромной самовольно вставленной паузы в “Цветках” перед повтором фразы “Fleurs promises” ... **пойду-ка я лучше выпью чашечку кофе**») [4]. Употребление иронии позволяет передать читателю чувство разочарования в исполнении музыкальных произведений.

В текстах рецензий, несущих оттенок пейоративной оценки, широко распространено употребление глаголов с дерогативной семой недостаточности, таких как: to lack, to need, to require (не хватать, нуждаться, требовать). Например: «The Billy the Kid ballet, heard complete, particularly **needs** extra punch and livelier phrasing» («Балету “Малыш Билли”, который я прослушал полностью, особенно **не хватает** какого-то дополнительного толчка и большей живости во фразировке»), «Perhaps the most damaging problem is that Dessay’s voice **lacks** variety of colour» («Вероятно, основная проблема заключается в том, что голосу Дессе **не хватает** большей тембральной окраски») [1].

Интересен тот факт, что для передачи нейтральной оценки (три звезды) музыкальные критики, как правило, прибегают к тем же лексическим и стилистическим средствам, что и для передачи пейоративной оценки. Однако одновременное употребление положительно и отрицательно окрашенных языковых единиц может осуществляться в одном абзаце и даже одном предложении, в результате чего в рамках общей оценки «хорошо/плохо» наблюдается контраст. Достигается данный контраст, как правило, применением противительных и concessивных союзов: but, yet, still, though, although, despite, however (но, все же, хотя, несмотря на, однако). Например: «...these Hilliard performances are rather lacking in bite and drive. **Still**, there is an impressive culminating effect» («...выступлениям Хиллиард-ансамбля недостает остроты и драйва. **И все же** они смогли добиться впечатляющего эффекта в кульминации») [2], «**Although** the Netherlands Radio Philharmonic plays the music with consummate virtuosity, the eerie string passage work seems mechanical and strangely bereft of the necessary feeling of anxiety» («**Хотя** филармонический оркестр Нидерландского радио исполняет музыку с непревзойденной виртуозностью, мрачные пассажи струнных кажутся механическими и лишают слушателя необходимого чувства тревоги»), «...this problem also affects continuity in the ensuing Andante tranquillo, **despite** some wonderfully sensitive solo woodwind playing» («...эта проблема также влияет на продолжительность в вытекающем из него фрагменте Andante tranquillo, **несмотря на** замечательно сыгранное чувственное соло деревянных духовых») [5]. Включение таких союзов позволяет

музыкальному критику нарисовать в воображении читателя контрастную картину звучания музыкальных произведений, в которой присутствуют как положительные, так и отрицательные черты. Оценить такое исполнение однозначно не представляется возможным, так как в нем есть и плюсы, и минусы. Как следствие, критик дает оценку музыкальному диску «три звезды» или, другими словами, нейтральную.

Аксиологический лингвистический анализ текстов рецензий на музыкальные диски позволил выделить явно выраженные аксиологемы, к которым обращаются музыкальные критики с целью воздействовать на адресата. С их помощью авторам удается нарисовать в сознании читателя «образ музыки», передать свои чувства и эмоции, отношение к предмету разговора.

Библиографический список

Источники

1. *Brown G.* Copland. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 5. P. 64.
2. *Johnson S.* Brahms·Bruckner. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 3. P. 70–71.
3. *Loppert M.* Gluck. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 3. P. 83–84.
4. *Nichols R.* Fiançailles pour rire. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 5. P. 76.
5. *Piccard A.* Handel. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 5. P. 70–71.

Литература

6. *Бронфин Е.* О современной музыкальной критике. М.: Музыка, 1977. 320 с.
7. *Видулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф.* Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
8. *Курьшева Т.А.* Музыкальная журналистика и музыкальная критика: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «Музыковедение». М.: Владос-Пресс, 2007. 295 с.
9. *Молодыхенко Е.Н.* Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3(19). С. 90–97.
10. *Серебренникова Е.Ф.* Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–27.

References

Istochniki

1. *Brown G.* Copland. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 5. P. 64.
2. *Johnson S.* Brahms·Bruckner. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 3. P. 70–71.

3. *Loppert M.* Gluck. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 3. P. 83–84.
4. *Nichols R.* Fiançailles pour rire. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 5. P. 76.
5. *Piccard A.* Handel. BBC Music Magazine Digital Edition. Vol. 24. № 5. P. 70–71.

Literatura

6. *Bronfin E.* O sovremennoj muzy'kal'noj kritike. M.: Muzy'ka, 1977. 320 s.
7. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.
8. *Kury'sheva T.A.* Muzy'kal'naya zhurnalistika i muzy'kal'naya kritika: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po special'nosti «Muzy'kovedenie». M.: Vlados-Press, 2007. 295 s.
9. *Molody'chenko E.N.* Ob operacionalizacii kategorii «cennost'» v tekstovom i diskursivnom analize: k voprosu o lingvisticheskoj aksiologii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 90–97.
10. *Serebrennikova E.F.* Aspekty' aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza // Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya. M.: Tezaurus, 2011. S. 7–27.

N.L. Shevchenko

Ways of Positive and Negative Evaluation Expression in Musical Critics' Reviews

The axiological component of musical criticism is actualized in reviews of music discs. Critics use a wide range of word imagery means to express «the image of music» to influence the reader.

Keywords: axiology; axiologeme; musical criticism; evaluation; value.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Рецензия на сборник научных статей
«Грани культуры Серебряного века»
(Вильнюс: Изд-во Литовского
эдукологического ун-та, 2015. 252 с.)**

Название сборника точно отражает его содержание, поскольку в статьях речь идет не только о русской литературе рубежа XIX–XX вв., но и о философии, живописи, музыке; книга иллюстрирована фотографиями Д. Мережковского, И. Бунина, М. Цветаевой, Ю. Балтрушайтиса, В. Маяковского, С. Есенина и живописными портретами А. Блока, А. Ахматовой, М. Волошина — «героев» научных изысканий авторов рецензируемого труда; а также живописными работами художников: М.В. Нестерова — «Великий постриг», И.А. Врубеля — «Царевна-Лебедь», В.А. Серова — «Портрет О.К. Орловой», В.Э. Борисова-Мусатова — «Водоем» и М.К. Чюрлениса — «Рай».

Выделенные в сборнике пять разделов позволяют монографически представить актуальные проблемы изучения культуры Серебряного века: *I. Диалог культур: границы текста и контекста; II. Художественный мир Ивана Бунина; III. Марина Цветаева — поэт «вызова» и парадоксов; IV. Юргис Балтрушайтис и Серебряный век в литовской критике; V. Художественный текст в учебном процессе.* Во вступительной статье С. Валулис обосновывается структура сборника, которая «определяется сочетанием историко-типологического подхода с конкретным литературным анализом художественного текста. Сквозная линия всех статей сборника — диалог как принцип культурного развития, личностное переосмысление “чужой” культуры» (с. 9).

Вполне оправданно первый раздел сборника открывается статьей о философе, который, наряду с Ницше, оказал влияние на развитие модернизма в России, — «Идеи А. Шопенгауэра в эстетических исканиях русских символистов» (С. Валулис). Цель автора статьи — «проанализировать рецепцию философских идей Шопенгауэра русскими символистами, установить его влияние на формирование миропонимания и эстетических концепций символистов» (с. 16). Исследователь отмечает тяготение к философии Шопенгауэра

«старших» и «младших» символистов, подчеркивая, что объем и характер усвоения его идей были различными. Представляется важным итоговый вывод статьи: «...Русские символисты, за исключением Сологуба, обращались к Шопенгауэру не как пессимистическому “философу жизни”, а к его гносеологии, в контексте которой они обосновывали свое понимание природы творчества и красоты» (с. 24). В статье акцентируется внимание читателей на творческом характере усвоения идей философа русскими символистами, на их стремлении синтезировать идеи Шопенгауэра с русской религиозной мыслью, и прежде всего с философией Вл. Соловьева.

Особый интерес у читателей вызовет статья «Онтологическое пространство в лирике Ф. Сологуба» С. Валюлис, в которой глубоко проанализирован поэтический вариант «негативной телеологии» поэта. В статье развивается и шопенгауэровская «тема»: «В духе учения Шопенгауэра Сологуб утверждает, что человек безоружен перед метафизическим злом» (с. 31). Продолжением сологубовского «сюжета» книги становится следующая статья С. Валюлис «Красота в поэтическом мире Ф. Сологуба», в которой выявляются смысл категории красоты и способы ее воплощения в лирике поэта.

Первый раздел наиболее объемный, так как диалог культур в поэзии и прозе Серебряного века осуществляется в различных контекстах: философском, мифопоэтическом, библейском, внутрилитературном, смежных видов искусств. В статье В. Гудонене «Мотив двойника-черта в русской литературе и его трансформация в “Черном человеке” С. Есенина» представлен внутрилитературный контекст, позволяющий выявить динамику мотива двойничества в русской классической литературе и в модернизме, поставить актуальные вопросы изучения поэмы «Черный человек», которые не осмыслены до сих пор. «Возникает вопрос, почему в черном человеке обнаруживаются сразу два духа, два лика одного дьявола? Ведь итог оказался неоднозначным: в понимании одних — катарсис, ведущий к очищению, для других — распад личности?» (с. 52).

Представляется оригинальным избранный аспект анализа в другой статье того же автора «1918 год. Диалог текстов (Е. Замятин, В. Маяковский, М. Волошин)», позволяющий установить диалогические связи и выявить «наращение» смысла в таких знаковых текстах «особенного» года, как рассказ «Дракон» Е. Замятина, «Ода революции» В. Маяковского, стихотворение «Родина» М. Волошина. Другие значимые, специфические, «границы» культуры рубежа веков раскрываются в статьях первого раздела сборника: «Концепция женственности в трилогии Д. Мережковского “Христос и Антихрист”» С. Валюлис, «Парадигма женственности в литературе и живописи Серебряного века» В. Гудонене, «Земное Я между миром чувственным и миром духовным: воспоминания М. Волошиной (М.В. Сабашниковой) “Зеленая змея”» В. Гудонене, «Библейский миф о Лотовой жене в поэзии XX века: А. Ахматова и О. Николаева» Е. Беляевой.

Три других раздела сборника посвящены *персоналиям* литературы Серебряного века: И. Бунину, М. Цветаевой, Ю. Балтрушайтису. Детальный анализ художественных текстов позволяет авторам статей не только по-новому интерпретировать бунинские произведения, поэзию и прозу М. Цветаевой, поэзию Ю. Балтрушайтиса, но и разработать материал, который может с успехом найти применение в учебном процессе. Данный аспект — наряду с литературоведческим — важен для составителей сборника, поскольку он завершается разделом «Художественный текст в учебном процессе», представленным статьями Г. Михайловой «Заглавие как ключ к интерпретации текста. Рассказ И. Бунина “Господин из Сан-Франциско”» и «Многосмысленность известных текстов: “Хорошее отношение к лошадям” В.В. Маяковского».

Сборник статей «Грани культуры Серебряного века» — итог многолетних научных изысканий, о чем свидетельствует время первого появления ряда статей в печати. Сама идея объединить их под одной обложкой, дополнив новыми работами, является продуктивной, поскольку рецензируемый труд представляет собой оригинальное и глубокое, концептуально целостное научное исследование феномена культуры Серебряного века в единстве литературы, философии, живописи, музыки, основанном на диалоге как принципе культурного развития. Предложенные и исследованные авторами статей «границы культуры» Серебряного века высвечивают ее по-новому и позволяют раскрыть специфические свойства и уникальный характер.

А.И. Смирнова

**Рецензия на монографию С.А. Джанумова
«Народные песни и малые жанры
фольклора в творчестве А.С. Пушкина
(литературно-критические статьи и заметки,
художественная и автобиографическая
проза, письма)» (М.: МГПУ, 2015. 296 с.)**

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и управления МГПУ С.А. Джанумов — ведущий в России специалист по проблемам литературно-фольклорных связей, фольклоризму творчества русских писателей. Его перу принадлежат книги и статьи о фольклорных традициях в художественных и документальных произведениях А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, других поэтов пушкинской поры, о фольклоризме Н.В. Гоголя, И.А. Бунина. Новое монографическое исследование — плод многолетних изысканий ученого, основные положения его были неоднократно ярко апробированы в выступлениях на научных конференциях и в статьях.

Глубокое понимание литературно-фольклорных связей изложено автором в теоретической части введения. Акцентируются три стороны фольклоризма литературы: воздействие устно-поэтических традиций на художественное творчество писателя, судьба литературного произведения в фольклорном бытовании, деятельность писателя как собирателя и исследователя фольклора (с. 4). Далее на протяжении книги эти стороны в их взаимообусловленности раскрываются на конкретном материале пушкинского наследия.

С.А. Джанумов представляет историографический обзор по теме в проблемном ключе, сопровождая его критическими и полемическими замечаниями, обнаруживая «белые пятна», которые и ставит целью восполнить в своей книге (с. 6–36).

Материал монографии обширен, в поле зрения автора — и автобиографическая, и художественная проза Пушкина («Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «История села Горюхина», «Дубровский», «Капитанская дочка»), и его немалое эпистолярное наследие. В научный оборот вводятся новые фольклорные источники прозаических произведений А.С. Пушкина. Кроме того, автор впервые собрал и внимательно изучил теоретические высказывания и рассуждения писателя (в его литературно-критических статьях и заметках) по вопросам фольклора и литературы, проанализировал суждения А.С. Пушкина о русском национальном характере, о роли устного народного творчества в формировании литературного языка. При этом убедительно доказал, как теория у Пушкина тесно увязана с художественной практикой.

Структура работы точно отражает многообразие материала и показывает нарастающий интерес писателя к фольклору, причем не только русскому, но и других народов. С.А. Джанумов постепенно и последовательно открывает читателям глубинные связи творчества Пушкина с миром народной поэзии.

Великий писатель предстает перед нами как человек, который талантлив во всем, даже в частной переписке, и который обращается к фольклору не ради красного словца и не чтобы произвести эффект, а потому что для него это естественно, он так чувствует и мыслит. Автору книги удалось впервые в истории литературы выявить свыше двухсот случаев употребления народных пословиц и поговорок в прозе и письмах Пушкина и наиболее интересную часть из них проанализировать.

Внимания не только филологов, но и историков заслуживает вторая глава исследования, в которой автор раскрывает, как высоко Пушкин-историк ценит исторический взгляд народа, выраженный в устных рассказах и исторических песнях, ставших важнейшим источником его «Истории Пугачева».

Монография органично сочетает тонкий и тщательный анализ с выверенными, концептуальными обобщениями, которые представлены как в выводах по главам, так и в обширном заключении. «Своеобразие прозы Пушкина, его место и роль в истории русской литературы, — справедливо заключает автор, — в конечном счете можно понять лишь через глубокое осмысление органической связи его творчества, его художественного мышления с богатейшими традициями фольклора, в целом — народной культуры» (с. 270).

Самостоятельную источниковедческую ценность имеет приложение, в котором автор остановился на документально подтвержденных и текстуально зафиксированных фактах обращения Пушкина к сборникам пословиц из его личной библиотеки (с. 271–284).

Библиографический список книги насчитывает 128 позиций.

Материал монографии, находки, идеи, суждения и выводы С.А. Джанумова уже используются и будут востребованы будущими исследователями — пушкинистами и фольклористами, а также в образовательном процессе высшей школы, особенно в специальных курсах для студентов магистратуры и аспирантов по фольклорно-литературным связям и творчеству А.С. Пушкина.

И.Н. Райкова

**Международная конференция
«Педагогический дискурс:
новые стратегии подготовки учителей
иностраннных языков» (Москва,
17–19 марта 2016 г.)**

В Московском городском педагогическом университете прошла международная научная конференция, собравшая на дискуссионной площадке преподавателей и учителей иностранного языка, известных ученых и молодых исследователей. По результатам конференции издан сборник материалов, где отражены проблемы изучения педагогического дискурса как институционального и личносно ориентированного, предложены подходы к описанию, формированию и развитию коммуникативной компетенции современного учителя иностранного языка, представлены модели инновационных образовательных программ подготовки учителей иностранных языков [8].

Пленарное заседание открыл приветственным словом проректор МГПУ д-р. пед. наук, проф. В.В. Гриншкун, подчеркнувший важность понятия *человекомерное пространство*, в рамках которого возможно создание качественного образовательного продукта, отвечающего вызовам современного общества знания. Во вступительном слове директора Института иностранных языков д-ра пед. наук, проф. А.В. Щепиловой прозвучал вопрос о социальной реабилитации гуманитарных наук.

В пленарном докладе, посвященном педагогическому дискурсу как объекту лингводидактического рассмотрения, д-р. пед. наук, проф. Е.Г. Тарева поставила вопрос об актуальной «потребности в переосмыслении подходов и методов подготовки преподавателей/учителей нового поколения, переоценке имеющихся традиций и в установлении на этой основе новой образовательной идеологии, направленной на формирование тех компетенций, в которых выпускник сможет испытать потребность за пределами целенаправленного обучения, начиная собственную педагогическую карьеру» [10: с. 178].

Авторитетный специалист по педагогическому дискурсу Ю.В. Щербина в докладе, посвященном исследованию содержательного наполнения, внутренних механизмов и сущностных основ педагогического дискурса, его мифологическим и мифотворческим составляющим, указала, что «архетип

необходимо отличать от стереотипа — устоявшегося общественного отношения к событиям, действиям, поступкам. Стереотипы существуют на уровне поверхностных представлений и воплощаются в штампах мысли-речи, расхожих высказываниях, словесных клише. Внешний, самый поверхностный уровень бытования стереотипов педагогического дискурса — это установки обыденного сознания, существующие в виде укоренившихся в обществе представлений, шаблонных суждений и оценок» [11: с. 185].

Интерес вызвал доклад Л.Г. Викуловой и С.А. Герасимовой, представивших коммуникативно-прагматическую (метадискурсивную) стратегию как вектор оптимизации преподавания курса истории французского языка студентам бакалавриата. Они подняли вопрос о выборе учебника по курсу истории языка, «который бы обеспечивал готовность и способность выпускников к профессиональной, научно-исследовательской и социально-культурной деятельности. Сложность выбора издания обусловлена тем, что история языка представляет собой интегративную область знания, теоретические основы которой синтетичны и учитывают теоретические разработки в филологии, теоретической грамматике, теоретической фонетике, культурологии, литературоведении, теории текста, антропологической лингвистике и других гуманитарных науках» [2: с. 22].

На секционном заседании на тему «Педагогический дискурс как институциональный и личностно ориентированный» А.В. Кулешова, анализируя вербальные и невербальные средства реализации прагматической модальности в речи учителя-носителя французского языка, заключила, что «в педагогическом дискурсе прослеживаются как основные значения иллокутивной модальности (побуждение, оценка, эмоциональное поведение говорящего, утверждение, вопрос), так и второстепенные, комбинированные значения (вопросительно-оценочные высказывания, вопросительно-эмоциональные высказывания, побудительно-эмоциональные и вопросительно-побудительные высказывания)» [5: с. 88].

В докладе И.И. Головчанской прозвучал вопрос о роли иноязычного профессионального педагогического дискурса (ИПД) в системе подготовки учителя иностранного языка, так как «практическая реализация большинства образовательных и воспитательных задач осуществляется средствами иноязычного профессионального педагогического дискурса, который, в свою очередь, выстраивается из устно-речевых поступков в соответствии с дидактическими интенциями учителя» [3: с. 40].

На секции, посвященной описанию, формированию и развитию коммуникативной компетенции учителя иностранного языка, акцентировался интерес к профессионально направленному обучению иностранному языку будущих учителей в системе подготовки к педагогической практике [6]. Интересным, полным новых идей и полезной практической информацией стал доклад Л.Г. Потеминной (ЯГТИ, Ярославль), которая правомерно поставила вопрос о непрерывном самообразовании преподавателей французского языка, используя ресурсы французского телевидения и Интернета. Автор описала свой

опыт работы с циклом французских телевизионных передач, использование в учебном процессе интернет-ресурсов университетского центра CUM (Centre Universitaire Méditerranéen), который представляет в открытом доступе наиболее интересные лекции, встречи, видеобеседы. Обозначенные в выступлении программы французского телевидения позволяют преподавателю иностранного языка «научиться не только подавать информацию в определенном стиле (принятом в этом языке), но и овладеть лингвистическими инструментами, необходимыми для выполнения этой задачи» [9: с. 137].

На секционном заседании «Моделирование инновационных образовательных программ подготовки учителей иностранных языков» А.А. Колесников (РГУ им. С.А. Есенина, Рязань) акцентировал проблему реализации вариативной профессиональной направленности теоретических дисциплин при обучении студентов — германистов [4]. Рассматривались модели профессионально значимых коммуникативных ситуаций в процессе подготовки учителей иностранных языков [7], был представлен реестр дидактических установок, направленных на формирование лингвометодической компетенции студентов бакалавриата (на материале УМК «Écho B1») [1].

В целом работа конференции продемонстрировала внимание к исследованию дидактической коммуникации и особых параметров педагогического дискурса. На сегодняшний день исследование педагогического дискурса выделяется в особое направление. В ходе научного общения были обсуждены актуальные вопросы подготовки современных учителей иностранных языков к межличностному взаимодействию посредством иностранного языка. Ход и результаты конференции показывают важность задач по формированию и развитию коммуникативной компетенции современного учителя иностранного языка, необходимость разработки моделей инновационных образовательных программ коммуникативной подготовки учителей иностранных языков.

Библиографический список

Литература

1. Банникова Л.В. Реестр дидактических установок, направленных на формирование лингвометодической компетенции студентов бакалавриата (на материале УМК «Écho B1») // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 1420.

2. Викулова Л.Г., Герасимова С.А. Метадискурсивная стратегия как вектор оптимизации преподавания курса истории французского языка // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 21–27.

3. Головчанская И.И. Иноязычный профессиональный педагогический дискурс в системе подготовки учителя иностранного языка // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар.

конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 36–40.

4. Колесников А.А. Реализация вариативной профессиональной направленности лингвистических дисциплин при обучении студентов-педагогов // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 68–74.

5. Кулешова А.В., Ерошкин А.А. Анализ вербальных и невербальных средств реализации прагматической модальности в речи учителя — носителя французского языка // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 81–89.

6. Макеева С.Н. Профессионально направленное обучение иностранному языку будущих учителей как условие их подготовки к педагогической практике // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 89–97.

7. Михайлова С.В. Моделирование профессионально значимых коммуникативных ситуаций в процессе подготовки учителей иностранных языков // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 104–109.

8. Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. 204 с.

9. Потемина Л.Г. Непрерывное иноязычное самообразование преподавателей французского языка // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 133–139.

10. Тарева Е.Г. Педагогический дискурс как объект лингводидактического рассмотрения // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 177–185.

11. Щербинина Ю.В. Педагогический дискурс как мифологическое пространство // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: материалы междунар. конф. (Москва, 17–19 марта 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 185–193.

References

Literatura

1. Bannikova L.V. Reestr didakticheskix ustanovok, napravlenny'x na formirovanie lingvometodicheskoy kompetencii studentov bakalavriata (na materiale UMK Écho B1») // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 14–20.

2. *Vikulova L.G., Gerasimova S.A.* Metadiskursivnaya strategiya kak vektor optimizatsii prepodavaniya kursa istorii francuzskogo yazy'ka // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 21–27.

3. *Golovchanskaya I.I.* Inoyazy'chny'j professional'ny'ji pedagogicheskij diskurs v sisteme podgotovki uchatelya inostrannogo yazy'ka // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 36–40.

4. *Kolesnikov A.A.* Realizaciya variativnoj professional'noj napravlenosti lingvističeskix disciplin pri obuchenii studentov-pedagogov // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 68–74.

5. *Kuleshova A.V., Eroshkin A.A.* Analiz verbal'ny'x i neverbal'ny'x sredstv realizacii pragmatičeskoi modal'nosti v reči uchatelya — nosatelya francuzskogo yazy'ka // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 81–89.

6. *Makeeva S.N.* Professional'no napravlennoe obuchenie inostrannomu yazy'ku budushix uchitelej kak uslovie ix podgotovki k pedagogičeskoi praktike // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 89–97.

7. *Mixajlova S.V.* Modelirovanie professional'no znachimy'x kommunikativny'x situacij v processe podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 104–109.

8. Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. 204 s.

9. *Potemina L.G.* Neprery'vnoe inoyazy'chnoe samoobrazovanie prepodavatelej francuzskogo yazy'ka // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 133–139.

10. *Tareva E.G.* Pedagogicheskij diskurs kak ob'ekt lingvodidaktičeskogo rassmotreniya // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 177–185.

11. *Shherbinina Yu.V.* Pedagogicheskij diskurs kak mifologičeskoe prostranstvo // Pedagogicheskij diskurs: novy'e strategii podgotovki uchitelej inostranny'x yazy'kov: materialy' mezhdunar. konf. (Moskva, 17–19 marta 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 185–193.

**Русская литература в Китае:
Международная научная конференция
«Русская литература и искусство:
междисциплинарные подходы»
(Китай, г. Ханчжоу, Чжэцзянский
университет, 15–18 апреля 2016 г.)**

С 15 по 18 апреля 2016 г. в Китае, в провинции Чжэцзян, на базе Чжэцзянского университета проходила Международная научная конференция «Русская литература и искусство: междисциплинарные подходы». Местом проведения конференции стал один из красивейших городов Китая — Ханчжоу, «рай на земле», как говорят о нем китайцы. Конференция, проходившая под эгидой Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), была организована Китайской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ), Китайской ассоциацией исследователей русской литературы и Институтом иностранных языков Чжэцзянского университета.

Проблематика конференции привлекла внимание многих ученых: в ней участвовало более 120 русистов. Особенно широко были представлены университеты разных провинций Китая (более 100 участников). Приятно было отметить участие в конференции китайских аспирантов и студентов. Среди зарубежных гостей были ученые из России, США, Великобритании, Израиля, Монголии, Грузии, Казахстана, Украины и др.

На церемонии открытия конференции выступили с приветствием представители руководства Чжэцзянского университета и КАПРЯЛ, а также член президиума МАПРЯЛ Чжэн Тиу, автор исследований о влиянии русской словесности на литературный процесс в Китае. Выступавшие отметили, что изучение литературы «улучшает гуманитарную среду». В приветственном письме президент МАПРЯЛ Л.А. Вербицкая выразила надежду на то, что конференция позволит укрепить существующие и наметить новые направления исследований в области русской литературы, что в конечном итоге поможет «сплотить научное сообщество».

На двух пленарных заседаниях конференции было сделано восемь докладов, каждый из которых представлял один из подходов к изучению литературы: теоретико-литературный, культурологический, лингвистический, искусствоведческий и переводоведческий. Предваряя дальнейшее обсуждение по отдельным направлениям, проф. *И.В. Кондаков* (Россия, Москва, РГГУ), философ и культуролог, в докладе «*Междисциплинарный подход к русской*

литературе и искусству» отметил сложившийся в русской культуре в XIX в. феномен «всемирной отзывчивости» (Достоевский), который раскрыл в ней способность к межкультурному диалогу и метакультурному синтезу. Характеризуясь «глубоко укорененным синкретизмом и синэстетизмом», русская литература и русское искусство лучше проясняют свою глубинную сущность именно в контексте междисциплинарных исследований. В докладе было подчеркнуто, что философский, семиотический, социологический, психологический, лингвистический и исторический подходы к осмыслению культуры нередко приводят исследователей к несовпадающим результатам, которые носят взаимодополняющий характер, а иногда «обнажают структурные и ценностно-смысловые противоречия внутри культуры». Докладчик подчеркнул, что междисциплинарность — это современная тенденция развития всех гуманитарных наук. Филология и семиотика, история и искусствоведение, философия и социология — все эти и другие науки, изучая тексты в широком смысле, выявляют в них множество смыслов и тем самым исследуют многозначность и многомерность каждого феномена культуры.

Профессор *Майкл Э. Николсон* (Великобритания, Оксфорд, Университетский колледж) в докладе «*Солженицын. В мастерской тюремного художника: революционный романтизм и религия в круге первом*» рассматривал автобиографические факты, использованные А.И. Солженицыным при написании романа «В круге первом», который, по мысли докладчика, является «редким в творчестве Солженицына примером вплетения в ткань повествования отдельных произведений изобразительного искусства».

В докладе проф. *С.Н. Андреева* (Россия, Смоленский государственный университет) «*Квантитативный анализ развития индивидуального стиля М.Ю. Лермонтова*» было отмечено, что несмотря на достаточно короткий период творчества в стиле М.Ю. Лермонтова выявляются статистически значимые различия между языковыми параметрами ранних и поздних произведений. В докладе были продемонстрированы возможности применения квантитативного метода в исследовании разноаспектных лингвистических характеристик индивидуального стиля поэта. Эволюция стиля затрагивает морфологию, синтаксис, ритм и другие аспекты стихотворного текста. Полученные данные раскрывают основные направления развития стиля писателя, позволяют определить интегральные языковые черты, объединяющие все его произведения, установить тексты, составляющие ядро и периферию в каждом из периодов творчества поэта.

Особый интерес у слушателей вызвал яркий доклад китайского профессора *Ван Цзечжи* «*Грусть и безбрежие-пустыннось: общий тон русской литературы и искусства*», в котором докладчик показал связь русской литературы с разными видами искусства — живописью, музыкой, балетом, театром. В докладе была обоснована мысль о том, что произведения русской литературы XIX в. (поэзия А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, проза Н.В. Гоголя,

И.С. Тургенева и А.П. Чехова) и XX в. (произведения И.А. Бунина, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака и др.) обнаруживают общий эстетический стиль и основной тон — глубокую печаль. В русской живописи, по мысли докладчика, наблюдается та же картина. Пейзажи русских художников также несут на себе печать «грусти, безбрежия и пустынности». Докладчик предположил, что природа России, религиозные представления, горький опыт и тревожное сознание русских людей лежат в основе этого общего тона, который определяет особое богатство и вечное очарование русской литературы и русского искусства.

Секционные заседания конференции проходили в шести секциях, на которых изучение литературы рассматривалось с позиций различных наук: культурологии, теории литературы, лингвистики, искусствоведения, переводоведения и др. На секционных заседаниях обсуждались проблемы межкультурного диалога между Западом и Востоком, развития и практического применения теории диалогичности М.М. Бахтина, взаимовлияния литературы и разных видов искусства, изучения средств создания образа Китая в современной русской литературе и многие другие. О полифонии научных идей красноречиво говорят названия докладов: «Общий обзор школы “Русская языковая личность”» (Ван Цинхуа), «История литературы как история “большого диалога” в теории диалога Бахтина» (Лю Байвэй), «Образ Китая в новой русской литературе» (Сунь Чао), «Кросс-культурное повествование в фильме “Кукушка”» (Чжоу Сянлу) «Драматические произведения А.П. Чехова в Монголии» (Алтанцэцэг Пунцаг). Обсуждение некоторых актуальных вопросов, затронутых в докладах, продолжалось даже после окончания заседания. Это проблемы соотношения языка художественной литературы и кодификации русского литературного языка (Е.Е. Баринаева, Китай), комплексного подхода к чтению художественного текста на занятиях РКИ (И.И. Сапронова, Т.В. Курманова, Казахский национальный университет имени аль-Фараби), культурных лакун при понимании художественного текста (Л.И. Богданова, МГУ им. М.В. Ломоносова), моделирования перцептивной картины мира в лирике Осипа Мандельштама (Н.В. Разумкова, Китай), изучения фразеологии русской разговорной речи (Хуан Цзиньнань, Чжэцзянский университет), перевода на китайский язык поэзии Марины Цветаевой (Сюй Лайди, Нанкинский университет) и др.

На заключительном пленарном заседании была создана атмосфера для конструктивных дискуссий. В докладе проф. *И.В. Кондакова «Литературоцентризм в русской художественной культуре»* была обоснована мысль о глубоком кризисе литературоцентризма, переживаемом сейчас русской культурой. Литературоцентризм, по мысли автора, вступил в решающую фазу острой борьбы с медиацентризмом, и исход борьбы неизвестен. Доклад вызвал оживленную дискуссию, предложения выступавших были в основном оптимистичны.

С большим интересом был выслушан мастерски построенный доклад историка и политолога проф. *А.А. Строканова* (США, государственный колледж

Линдон) «Теория американской исключительности и роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”», в котором докладчик предложил взгляд на роман с позиции политолога. В докладе было подчеркнуто, что роман «Преступление и наказание» позволяет увидеть в новом свете события, происходящие сегодня в мире, интерпретировать их не только как поступки конкретной личности, но и как проявление сознания политической элиты государства.

Доклад проф. Хуан Чжунлянь «Замена хоря ударением: наилучший метод перевода ритма западных стихов на китайский язык» был посвящен сложным проблемам выбора переводческой стратегии при переводе поэтических произведений.

Аудитория высоко оценила доклад декана факультета русского языка Чжэцзянского университета, проф. Ван Юн «Архитектоника сборника стихов О. Мандельштама “Камень”», в котором рассматривались единство и целостность художественного мира Осипа Мандельштама на примере анализа архитектоники сборника «Камень».

В заключение хотелось бы отметить высокий уровень организации научной и культурной программы конференции. После завершения работы конференции гостям были предложены две экскурсии: обзорная экскурсия по Ханчжоу с прогулкой в окрестностях великолепного озера Сиху и экскурсия в город Шаосин с посещением музея Лу Синя.

Прошедшая в Китае конференция запомнится ее участникам как яркое научное событие, как настоящий праздник русской литературы. Российским ученым особенно приятно было осознавать глубокое понимание китайскими коллегами произведений русской классической и современной литературы, безусловную любовь китайских филологов к русской литературе. Сожаление вызывает лишь тот факт, что российских специалистов по русской литературе на конференции такого масштаба было все-таки не так много, как хотелось бы. Однако общее настроение участников было позитивным. Гости разъезжались по домам с мыслью, что литература не исчезнет никогда, потому что ее рождают мечты и желания человека. Как сказал китайский писатель Цзя Пинва, «литература будет существовать до тех пор, пока в мире останутся люди».

Л.И. Богданова

Межрегиональная научная конференция «Неклассические модели мира в русской литературе» (МГПУ, 1–2 апреля 2016 г.)

В МГПУ 1–2 апреля 2016 г. прошла Межрегиональная научная конференция «Неклассические модели мира в русской литературе», организованная кафедрой русской литературы ИГН в рамках выполнения государственного задания. В рабочую группу оргкомитета вошли руководитель мероприятия д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы А.В. Громова, заведующая кафедрой русской литературы, д-р филол. наук, профессор А.И. Смирнова и доцент кафедры, канд. филол. наук И.И. Матвеева.

Целью конференции был анализ современного состояния историко-литературной науки в области изучения произведений «неклассических» форм (модернизм, постмодернизм, авангард), выработка концепции историко-литературного развития XX–XXI вв., разработка методических рекомендаций по изучению «неклассических» литературных произведений в вузе и школе.

Конференция была представительной: из сорока участников тринадцать имели степень доктора наук и тринадцать — кандидата наук, в работе конференции также приняли участие аспиранты, соискатели и учителя средних общеобразовательных школ. Широкой оказалась и география конференции: среди очных и заочных участников были представители пяти стран (Россия, Эстония, Литва, Тайвань, Монголия), тринадцати регионов (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Белгород, Брянск, Вильнюс, Волгоград, Нижний Новгород, Орел, Псков, Таллин, Тамбов, Челябинск).

Открытие конференции состоялось 1 апреля. С приветственным словом к участникам обратилась заместитель директора Института гуманитарных наук по научной работе, канд. филол. наук, доцент И.Н. Райкова. Фундаментальной библиотекой МГПУ была подготовлена выставка научных и учебно-методических изданий кафедры русской литературы ИГН по тематике конференции.

Работа конференции открылась пленарными докладами. Доклад профессора МГПУ Г.И. Романовой носил теоретико-методологический характер, в нем было дано определение и рассмотрено соотношение понятий «картина (модель) мира» и «мир литературного произведения», охарактеризовано представление о классических и неклассических моделях мира в русской литературе, о традиционности и модернизме творчества писателей рубежа XIX–XX вв. В докладе профессора МГПУ И.А. Беляевой «Человек и мир как целое: сюжет спасения в русском классическом романе» рассматривалась наиболее типичная модель мира классического периода русской литературы, которая нашла отражение в «сюжете возрождения грешника», демонстрировавшем возможность

преодоления трагического разлада с миром. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Михайлова предложила вниманию участников конференции доклад «Миф о Врубеле в рефлексии русских символистов (А.А. Блок, Г.И. Чулков, И.А. Новиков)», рассмотрев типичные для эпохи Серебряного века пути мифологизации историко-культурных явлений. В докладе профессора Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова Т.Т. Давыдовой «Рецепция художественной философии и поэтики русского символизма в творчестве Е. Замятина» была показана преемственность между эпохой Серебряного века и следующим историко-литературным этапом 1920-х гг. через усвоение и трансляцию эстетических идей символистов в творческой деятельности Е. Замятина. Развитию модернистских тенденций в литературе русского зарубежья был посвящен доклад профессора МГПУ А.И. Смирновой «Эстетика смерти в прозе Г.И. Газданова». В докладе доказывалась идея, что изображение и осмысление феномена смерти в произведениях писателя связано с экзистенциальной природой его творчества.

Научная работа была продолжена на трех секциях. Секция «Русская классика и ее традиции в литературе XX–XXI вв.» (руководитель — канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы ИГН М.Б. Лоскутникова) была посвящена взаимодействию классических и неклассических моделей мира в русской словесности. На секции «Серебряный век русской литературы как художественная целостность» (руководитель — д-р филол. наук, профессор ОГУ им. И.С. Тургенева Е.А. Михеичева) рассматривался период зарождения нового художественного видения в русской культуре и его отражение в творчестве писателей рубежа XIX–XX вв. Третья секция «Русская литература XX–XXI веков: поэтика, интерпретации, рецепция» (руководитель — канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы ИГН И.И. Матвеева) была посвящена вопросам многообразия форм русской словесности 1920–1990-х гг. и начала XXI в., а также проблемам интерпретации литературных произведений (переводам на другие языки и язык других искусств).

Выступления участников конференции отличались тематическим многообразием и вызвали живой отклик аудитории. Особо значимыми по масштабности затронутых проблем, широте охвата материала и научно-методологическому уровню были доклады, представленные на пленарном заседании.

В рамках конференции 2 апреля прошел круглый стол для учителей школ и колледжей, посвященный вопросам изучения произведений русской литературы «неклассического» периода. Было представлено три доклада и — сверх программы — несколько сообщений студентов и магистрантов. Особый интерес вызвал доклад учителя русского языка и литературы гимназии № 7 г. Волгограда И.В. Громовой, представившей методическую разработку урока по рассказу волгоградского писателя Б. Екимова «Живая душа», рассмотренного в контексте мифопоэтической традиции. Для присутствовавших учителей средних общеобразовательных школ и преподавателей колледжей,

а также студентов и магистрантов МГПУ это мероприятие стало полезным методическим мастер-классом.

В целом Межрегиональная научная конференция «Неклассические модели мира в русской литературе» прошла на высоком научном и организационном уровне. Гостями конференции была дана высокая оценка мероприятия: отмечались актуальность научного направления, широта затронутых проблем, позволившие увидеть всю русскую литературу как единое смысловое поле. Была отмечена хорошая организация (своевременность поступления необходимой информации, ее полнота), что было особенно актуально для участников из других городов и стран. Гости конференции высказали пожелания издать сборник материалов конференции, сделать конференцию регулярной, расширить ее научную проблематику.

Кафедра русской литературы планирует развивать данное научное направление, усилив его прикладную (научно-методическую и профориентационную) составляющую.

А.В. Громова

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2016, № 4 (24)**

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова).

E-mail: libogdanova1@mail.ru

Быстрова Ольга Васильевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН; Отдел издания и изучения творческого наследия М. Горького.

E-mail: bystrova63@mail.ru

Воробьева Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета.

E-mail: svewor@yandex.ru

Воронов Евгений Игоревич — аспирант кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета.

E-mail: vevgenij@yandex.ru

Герасимова Светлана Анатольевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: gerasvetlana@yandex.ru

Горохова Наталья Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарного образования Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) им. И.М. Губкина.

E-mail: n.gorokhova@nxt.ru

Громова Алла Витальевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и фольклора ИГНиУ МГПУ.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Загорулькина Юлия Викторовна — аспирант кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: julia_pyatkina@mail.ru

Коструб Елена Валентиновна — старший преподаватель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: mishonok@mail.ru

Макарова Светлана Анатольевна — кандидат филологических наук, соискатель ИМЛИ РАН.

E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com

Райкова Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе ИГНиУ МГПУ, доцент кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: nikolavna@inbox.ru

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Стрельникова Ольга Федоровна — преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО; аспирант кафедры английского языка № 1 МГИМО.

E-mail: Strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

Строганов Михаил Викторович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славянского искусствознания Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры).

E-mail: mistro@rambler.ru

Телегуз Анна Алексеевна — аспирант кафедры лингвистики и переводоведения факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета; старший преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета.

E-mail: AnnaTeleguz@yandex.ru

Фадеева Людмила Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО; член Российского союза германистов и Межрегиональной ассоциации учителей и преподавателей немецкого языка.

E-mail: lw_fadejewa@mail.ru

Фомин Андрей Геннадьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и лингвистики факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета.

E-mail: andfomin67@mail.ru

Черкашина Елена Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Чернец Лилия Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: cherli65@yandex.ru

Чупрына Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

Шевченко Надежда Леонидовна — аспирант кафедры перевода и переводоведения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

E-mail: nadezhdashevchenko86@gmail.com

**Authors of «MCU Vestnik»,
series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2016, № 4 (24)**

Bogdanova Lyudmila Ivanovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University — MSU.

E-mail: libogdanova1@mail.ru.

Bystrova Olga Vasilyevna — PhD (Philology), senior researcher of Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences, Department of publication and study of M. Gorky's artistic legacy.

E-mail: bystrova63@mail.ru

Vorobyeva Svetlana Yuryevna — PhD (Philology), associate professor of Department of Russian language and documentary, Volgograd State University.

E-mail: svewor@yandex.ru

Voronov Evgeni Igorevich — postgraduate of Department of Russian language and documentary, Volgograd State University.

E-mail: vevgenij@yandex.ru

Gerasimova Svetlana Anatolyevna — PhD (Philology), senior assistant professor of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: gerasvetlana@yandex.ru

Gorokhova Natalya Vyacheslavovna — PhD (Philology), associate professor of Department of Foreign Languages, School of Humanities, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

E-mail: n.gorokhova@nxt.ru

Gromova Alla Vitalyevna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Zagorulkina Yulia Viktorovna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: julia_pyatkina@mail.ru

Kostrub Elena Valentinovna — senior assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: mishonok@mail.ru

Makarova Svetlana Anatolyevna — PhD (Philology), Doctoral postgraduate of Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences.

E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com

Rajkova Irina Nikolaevna — PhD (Philology), docent, Deputy Director for Science of Institute of Humanities and Management, MCU; associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: nikolavna@inbox.ru

Smirnova Alfia Islamovna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Strelnikova Olga Fedorovna — Lecturer at English Language Department № 1, MGIMO-University; postgraduate of English Language Department № 1, MGIMO-University.

E-mail: Strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

Stroganov Mikhail Viktorovich — Doctor of Philology, full professor, professor of General and Slavonic Art Studies department, Moscow state university of design and technology (Institute of slavonic culture).

E-mail: mistro@rambler.ru

Teleguz Anna Alexeevna — postgraduate of Translation Studies and Linguistics department, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University; senior assistant professor of Translation Studies and Linguistics department, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

E-mail: AnnaTeleguz@yandex.ru

Fadeeva Lyudmila Vladimirovna — PhD (Philology), associate professor of German department, MGIMO-University; member of the Russian association of German scholars and of the Interregional association of German teachers and lecturers.

E-mail: lw_fadejewa@mail.ru

Fomin Andrei Gennadyevich — Doctor of Philology, full professor, professor and head of Translation Studies and Linguistics department, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University

E-mail: andfomin67@mail.ru

Cherkashina Elena Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Chernets Lilia Valentinovna — Doctor of Philology, professor of Literary Theory department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: cherli65@yandex.ru

Chupryna Olga Gennadyevna — Doctor of Philology, full professor, professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

Shevchenko Nadezhda Leonidovna — postgraduate of Translation and Translatology Department, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University.

E-mail: nadezhdashevchenko86@gmail.com

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещаются аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05—2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках, внешняя и внутренняя рецензии с заверенными печатью подписями рецензентов.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казенный пер., 5б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 4 (24), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Корректор:

К.М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 13.12.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем: 9,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.